

Текст предназначен для ознакомления и не является источником извлечения коммерческой выгоды

Глава 1. Детство

Дэнни, Дики и Майки О’Салливан – три брата, известные как «Дерущиеся О’Салливаны». В свое время они были знамениты. Майки – мой дед. А в снукер я когда-то играл с Дики; он был худеньким, боксером легчайшего веса. Мне было 10 лет, и я ходил в местный снукерный клуб с папой и Дики. После семи вечера туда нужно надевать рубашку с воротничком, но Дики носил футболку, и отец сказал мне: «Дай ему рубашку, чтобы ему разрешили остаться». Так что я отдал ему одну из своих рубашек, и она оказалась ему велика. Я никогда не встречался с Дэнни, умершим в возрасте 60 лет, а он был чемпионом Британии и Европы.

Трое «Дерущихся О’Салливанов». Не то, чтобы они зарабатывали на этом деньги, зато их очень уважали – и восхищались тем, что они делают. «Дерущиеся О’Салливаны» относились к спорту серьезно: они не были злодеями, они были просто хорошими боксерами. Я был довольно близок с Дики, и именно его знал лучше всего. Годами мне рассказывали множество историй о том, как его пытались задеть, ведь он казался всего лишь мелким старичком, а он вскипал и уделывал обидчиков.

Бокс всегда был в семье, и Дерущиеся О’Салливаны передали свои умения сыновьям. Все братья моего отца умеют постоять за себя, они и меня тоже пытались научить, но я никогда не увлекался драками. Я их просто ненавижу. Меня нужно было очень долго доводить, прежде я давал сдачи.

Отец, как и Майки, вырос в Хекни, в северо-восточной части Лондона. У мамы – Марии – и отца, когда они поженились, совсем не было денег, несмотря на то, что мамина семья владела небольшим бизнесом в Бирмингеме: они делали и продавали мороженое. Двадцать пять фургончиков, и они еще и собирали собственные (оказалось, что купленные стандартные фургончики не подходят, поэтому пришлось собирать новые с нуля). Зайдите в гараж – и там их будет полно.

Когда маме было всего 16, ее родители решили, что пора подыскивать ей пару. Она даже встретила с этим парнем – он приехал с Сицилии. Мама не понимала, что происходит: ей велели надеть лучшее платье и украшения, она спустилась по лестнице, зашла в гостиную, и там был её будущий супруг. Он был хорошо обеспечен, владел двумя отелями, но маме не понравился. Она сказала, что ни за что не поедет на Сицилию, и не будет жить той жизнью, что они все. Итальянские католики – суровый народ: «С этим не встречаться, не делать того, не делать этого». Мама не потерпела того, что все решают за нее даже за кого ей выходить

замуж! Так что она сбежала. Она любила свою семью, но понимала, что должна её покинуть. В конце концов, она оказалась в Батлин, где устроилась горничной, а когда отец впервые встретил её, она встречалась с охранником.

Отец работал шеф-поваром в летнем лагере, и как раз собирался возвращаться в Лондон, но увидел её – и влюбился как безумный. Он подсунил маме под дверь записку, в которой говорил, что уезжает на следующий день, и что она обязательно должна ему позвонить. Мама всегда хотела побывать в Лондоне, поэтому ответила. Она позвонила и пришла вместе с подругой. Отец пригласил их обеих в гости... и для того, чтобы подруга почувствовала себя не в своей тарелке, много времени не понадобилось: он был поглощен только моей мамой. Вскоре мамина подруга решила уйти и, к большому огорчению отца, мама ушла вместе с ней.

Она доработала сезон в Батлин, и три недели спустя вышла замуж за моего отца. Ей было 17, ему – 18, а когда у них родился первый ребенок, я, - ей исполнилось 20, а отцу – 21.

У них не было денег, когда они поженились, и они переехали в Бирмингем, где я и родился. Жизнь там была дешевле, да и мама была поближе к своей семье, которая, что неудивительно, сначала не горела желанием принимать отца (впрочем, сейчас они его любят). Мама и отец записались в очередь на муниципальную квартиру, и как только их очередь подошла (в Далстоне) – они вернулись в Лондон. На жизнь они зарабатывали мойкой машин в автопарке: он снаружи, а она – внутри. За улицей Вардоур, в Сохо располагался открытый автопарк, они работали там с моим дедом, который им руководил.

Потом мы жили на Итон Роуд, в Южном Илфорде, в доме с террасами, напротив здания школы «Локсфорд Парк». Дом раньше принадлежал моему деду, а потом его купили мы. Там было здорово: стену между кухней и гостиной снесли, а у меня была собственная комната на втором этаже. К тому времени мама с папой начали зарабатывать кое-какие деньги, причем они оба работали на двух работах. Отец начал работать в секс-шопе. Тогда из-за этого у него возникало много недоразумений с полицией, но сейчас это просто смешно, ведь это такие пустяки по сравнению с тем, что случилось потом. Мама работала официанткой в ресторане. Они заканчивали работу примерно в час ночи, так что приходили домой вместе.

Мои самые ранние воспоминания – о тех, кто должны были присматривать за мной. После школы меня забирали и вели к себе, где я сидел, играя со своими игрушками. Я редко видел маму или папу, потому что они работали беспрерывно до тех пор, пока мне не исполнилось 7 или 8 лет.

Когда я учился в начальной школе, то часто оставался с семьей, которая жила за углом Ричмонд Роуд. Отец и мать присматривали за мною, а их трое детей, Грег, Мишель и Лиза стали мне как старшие братья и сестры, которых у меня никогда не было. Я всегда завидовал моим друзьям, у которых были старшие братья: мне казалось, что им и в школе учиться легче, потому что они знали людей лучше. Так что Грег стал мне старшим братом. Он был на несколько лет старше меня, чемпион по плаванию и самый видный парень в школе, и у него было полно подружек. Я так гордился тем, что я – его друг, и мне было так здорово, когда мы шли с ним из школы.

У него дома нас угощали мороженым и рулетами, мне очень нравилось там бывать. Но все равно не хватало мамы и папы. Иногда мама приходила домой пораньше и тогда Лиза отводила меня к ней, а я начинал орать: «Мама, я не хочу, чтобы ты шла на работу. Я хочу остаться с тобой!» Я смотрел на нее и думал, она такая красивая, я не хочу, чтобы она уходила. А она говорила: «Я должна идти, должна идти, а с тобой все будет в порядке. Я скоро вернусь»,

Меня это просто убивало. Мы никогда не говорили о том, что я чувствовал, когда они оставляли меня. Я бы и хотел побеседовать с мамой, но мы никогда не обсуждали такие темы. Наша философия – думать о настоящем и двигаться вперед, но я думаю, что, как и в каждой семье, нам многое стоило бы обсудить.

Особенно из-за того, где сейчас отец. Все так изменилось за прошедшие 12 лет, когда отец выйдет из тюрьмы, все будет совсем другим, не таким, как он помнит. Но я никогда не говорил об этом ни с кем из моих родителей.

Когда мне исполнилось 7 и родилась моя младшая сестра Даниэль, мама оставила работу, отец начал приходить домой около семи или восьми вечера, и мы снова стали семьей. В это время я бы сделал все, что угодно, чтобы угодить папе. Он только что приобрел свой первый магазин на Бервик Стрит и я помогал ему раскладывать журналы и прочее. Иногда он оставлял меня с дедом в автопарке, а сам уходил на работу, и тогда я мыл папин XRZ. Я помню, как по шесть-семь часов натирал его, и машина всегда сияла. Я так хотел, чтобы отец мною гордился; чтобы он вез нас домой, смотрел на машину, и думал: вот здорово. Думаю, я ожидал, что отец поймет, сколько часов я потратил на мойку машины, но он никогда этого не делал. Он никогда не хвалил меня, а всегда опускал на землю.

Получив один магазин, папа занялся этим всерьез. Вскоре у него уже было несколько магазинов. Он был хорошим бизнесменом, и всегда платил аренду на несколько месяцев вперед. Во владении секс-шопами нет ничего противозаконного, но власти вечно спорили на этот счет. Иногда полиция делала облавы, конфисковывала товар, и тогда приходилось сражаться. Если вы выигрывали дело и убеждали судью или присяжных, что ваш товар «мягкий», то вам возвращали все обратно, если проигрывали – дело могло закончиться тюрьмой, или, как минимум – вы теряли весь товар, и должны были начинать все сначала.

Однажды папа сидел дома, ожидая решения суда. Он нарушил Акт об Оскорбительных Публикациях, но настаивал на своей невинности. Это было громкое дело. В суде его представили поверенный и адвокаты, но сам отец оставался в стороне, настолько он был уверен в своей невинности. Когда зазвонил телефон, он велел мне ответить, и спросить адвоката, какие новости – хорошие ли плохие. Новости оказались хорошими.

Отец вовлек в свой бизнес всю семью: братья управляли магазинами, а его собственный отец вел бухгалтерию. Но в конце концов они решили разорвать партнерство и отец вновь пошел собственной дорогой. К этому времени мы уже переехали с Итон Роуд на Итон Драйв – в более красивый район и в больший дом. За пару лет, которую мы там прожили, отец полностью переделал все вокруг: вывел древоточцев, возвел массивную пристройку. На это, должно быть, ушла уйма сил и средств, - но все выглядело, как маленький дворец. Я любил

этот дом, но скоро мы продали и его, и переехали опять. В этом отношении отец был очень амбициозен.

Я не особо близок с родственниками отца, кроме его матери, моей бабушки. Я очень люблю Бабулю Изу, и она по-прежнему приходит посмотреть на меня на турнирах. Когда-то я оставался у нее в Хекни на все летние каникулы, и день-деньской играл в снукер со своим кузеном Майклом. Он тоже стал профессиональным игроком, хотя и никогда не выигрывал турниров. Думаю, в конце концов, он осознал, что ему никогда не быть чемпионом, так что стал менеджером снукерного клуба в Уитхеме, возле Колчестера.

Родно со стороны матери я тоже вижу не часто. Мамины братья по-прежнему ведут свой бизнес, а отец вышел на пенсию, и проводит по полгода на Сицилии. Они милые и приятные люди. Когда я был ребенком, то единственным местом, куда мы ездили на праздники, была Сицилия, и каждый день там был похож на воссоединение семьи: мы шли в гости к очередному семейству и ели спагетти. Еще мы смотрели, как дедушка собирает виноград на вино. Иногда он брал меня с собой в горы – полюбоваться его лимонными деревьями. Это было замечательно.

Мамина семья – гордые люди, и она не исключение. Она очень стойкая, как тигрица, может казаться тихой, но всегда будет бороться и не сдастся. Есть в ней эта сицилийская настойчивость: если б у нее не было работы, она бы мыла туалеты, чтобы заработать на жизнь. Когда мы жили на пятом этаже в нашей первой муниципальной квартире в Далстоне, мама вычищала лифты перед приездом своих родителей. Она не хотела, чтобы её родители думали, что она живет там, где воняет. Также она никогда не хотела, чтобы родители думали, что она вышла замуж не за ровню себе. Папа говорит, она похожа на жену из сериала «Клан Сопрано».

Я начал играть в снукер на маленьком столе шесть на три фута, в доме моего дядюшки Питера, когда мне было примерно 7 лет. Папа увидел, как хорошо у меня получается, и сказал: «Ясно, на Рождество получишь снукерный стол».

Я очень быстро освоился и полюбил игру, доводя окружающих до белого каления: они так уставали от меня и моего снукера. По соседству с нами жил мой приятель Дарен, он был примерно на четыре года старше меня, и я частенько приходил к нему и просил: «Пожалуйста, поиграй со мною в снукер». А он, бывало, отвечал: «Не, я хочу раскрашивать машинки» (он любил перекрашивать игрушечные машинки в черный цвет). Так что или я сидел с ним и раскрашивал машинки, или ему приходилось идти играть со мною в снукер. Когда он соглашался, я держал его у стола по четыре часа, пока отец не приходил с работы и не говорил: «Хорош, уже пора спать».

И с тех пор и до сего дня я постоянно играю в снукер.

Когда мне исполнилось 8, папа стал брать меня с собой в Клуб Амбассадор на Дин Стрит в Вест-Энде. Он работал в Сохо, поэтому или оставлял меня в клубе и просил менеджера присмотреть за мною часик-полтора, или играл там со своим другом, Стивом Годфри. Отец никогда раньше не играл в снукер, но когда я увлекся игрой, то тоже начал ходить в клуб. Сначала он играл со мною пару фреймов, а потом я сидел и смотрел, как он играет со Стивом.

Сперва стол казался мне огромным, а ведь он был еще и не в полный размер: десятифутовик, вместо 12 на 6 футов. Столы в полный размер в клубе тоже имелись, и все они мне казались одинаковыми: дико огромными. Каждый стол – будто дорожка для боулинга. Я просто не мог поверить, какой же он длинный и зеленый, и какое на нем красивое сукно, и какие большие шары. Моя голова едва виднелась над краем, а руку я все время вытягивал изо всех

сил, потому что был еще очень маленьким.

По правилам в снукерный клуб не пускали детей младше 16 лет, и мне разрешали играть только потому, что отец вступил в клуб в Грин Лейнс в Илфорде. Мы с папой проводили в клубе по четыре-пять часов по субботам и воскресеньям, но он так и не научился толком играть. Снукер не был его игрой: у него не было природных способностей. Я был самым младшим в клубе – остальным молодым игрокам было уже по 16-18, а то и за двадцать лет. Мне нравилось быть среди взрослых и я всегда легко сходилась со старшими. Когда мне было 10, большинство моих друзей уже окончили школу. Ровесники увлекались скейтбордами и прочей детской ерундой, мне было с ними скучно. Думаю, именно поэтому я был таким дерзким в детстве. Я постоянно крутился среди взрослых, слушал, как они разговаривают и спорил с ними. Я был настоящей язвой. В конце концов я научился держать язык за зубами, но это потребовало времени.

В снукерном клубе я очень быстро понял, что люди не будут спускать мне мои дерзости только потому, что я младше их. Если уж ты здесь, то и вести себя должен как взрослый. Когда мне исполнилось 10 или 11, мне это разъяснили. Мне и папе сказали, что я должен иметь уважение к менеджерам, и если обедаю – не раскидывать вокруг картошку (что я, бывало, делал раньше). В клубе самое горячее время – обеденный перерыв, а я сидел там во время школьных каникул. Они пожаловались папе (и справедливо), что у них всех есть важные дела, нужно работать, а какой-то ребенок бросается в посетителей едой.

В тот год меня даже не допустили на Понтин. Я ездил туда с Марком Кингом, еще одним снукеристом. Раньше каждый год проходило несколько турниров Понтине – один в Престатине, один в Пакпуле на острове Вайт, один в Хестингс, и еще один на Кэмбер Сэндз. Туда съезжалось около тысячи игроков и мы играли целую неделю. У отца не было времени ездить в Понтин, он ведь был занятым человеком, поэтому он говорил отцу Марка Кинга: «Билл, я плачу за проживание, вот тебе деньги на расходы, вот это – Ронни на расходы, а вот это – Марку на расходы, просто присматривайте за Ронни. Убедитесь, что он хорошо себя ведет. Если нет – звоните мне, и я с ним побеседую».

«Ладно, без проблем», отвечал Билл.

Так что мы приехали на Понтин в Брин Сэндз, мы с Марком пошли в бассейн и прыгали с трамплина. Потом мы пытались пробраться на дискотеку – он залезал мне на плечи, и накрывал нас здоровенным пальто. Просто глупые детские игры. А однажды старшие ребята подбили меня скинуть пепельницу. Мне было всего 10 лет, я кинул её и подумал, что это очень весело. Однако остальным это не понравилось. Там был один игрок, которого называли Быстрый Эдди, потому что все, что он делал – он делал очень быстро. Еще его называли Эдди Солнцелюб, потому что он все время загорал. Ему было примерно шестнадцать, он был красивым парнем, и все девчонки постоянно крутились возле него. Он

подошел ко мне и пихнул. У меня в руке был стакан Кока-колы, я просто посмотрел на него и выплеснул напиток ему в лицо. Он взбесился, и погнался за мной через весь лагерь. Я пробежал между игровыми автоматами и «Космическими захватчиками», выбежал из парка развлечений, и понесся через зал, где играли в бинго... Стакан по-прежнему был у меня в руке и я разбил его об пол в зале, думая, что Эдди остановится, если на его пути будет битое стекло. Должно быть, он упал возле одной старушки, и она пожаловалась, что какой-то мальчишка бросил в нее стаканом. Но это не так; я бы никогда не бросил стаканом в пожилую женщину. Да, возможно, я мог и запустить им в молодого игрока, смеха ради, но никогда – в того, кого я не знаю, ни за что.

Об этом доложили Джону Уильямсу, рефери, который обычно вел Понтин. Я услышал, что он намерен вышвырнуть меня, поэтому пошел к нему и спросил, правда ли что меня выгоняют.

- Это так, - ответил он.

- Но я ведь даже еще не играл в детских соревнованиях, - сказал я.

- Нет, ты не допущен. Убирайся.

Я ругал себя последними словами и плакал при мысли о том, что придется ехать домой к папе и рассказывать, что меня выгнали. Поэтому я решил промолчать и сказать, что меня побили во втором раунде.

- Все в порядке? Как ты? – спросил отец, когда я добрался домой.

- Да, все нормально, - ответил я.

- Ого! Тогда ты рановато вернулся, нет?

- Ничего не вышло в детских состязаниях. Я проиграл, и подумал, что лучше поехать домой.

- О, ясно, - сказал он.

Прошло два или три часа, и голова у меня пошла кругом. Мы как раз обедали, когда он сказал: «Ты думаешь, что я дурак, да? Я знаю, почему ты вернулся домой так рано – ты плохо себя вел, и тебя вышвырнули из лагеря».

Так все и было. Пришлось заплатить. Я получил ремня, и меня это как-то очистило.

В результате этого инцидента мне на год запретили появляться на Понтин, так что я впервые играл там в довольно зрелом десятилетнем возрасте, в Сан.

Мы оспорили длительность запрета, и должны были ехать в Коронет Хауз в Лидсе, где была штаб-квартира руководства. Некоторых других игроков тоже отстраняли, и они все привезли с собой адвокатов. А со мной был только мой отец, но он выступил просто блестяще. Он встал и сказал: «Мне все равно, намеренно он бросил этот стакан, или нет, мы все знаем, что он это сделал, и никто с этим не спорит. Я здесь только ради того, чтобы просить смягчить наказание».

Отец знал, что это разобьет мне сердце, знал, насколько фанатично я отношусь к игре. В конце концов, запрет сократили до шести месяцев, и, как можете себе представить, это все равно было для меня огромным ударом.

Я помню свой первый сенчури брейк, словно это было вчера. Сотня – это главная цель для любого ребенка, который играет в снукер. Мне было всего 10, я был самым младшим игроком, который сделал сенчури. Я прибежал к отцу и сказал, что только что сделал сотню... а он ответил: «Да? Ну и что?», словно бы это ничего не значило. Поэтому я помчался к менеджеру клуба и рассказал ему, он сразу же завелся: «Так, газетчиков сюда, и звоните в снукерные журналы!». Я стал маленькой знаменитостью.

Как только я преодолел сто очков, так обрадовался, что даже захотел промахнуться – для меня уже не имело значения, сколько я наберу: я хотел выйти и рассказать всем, что сделал сенчури брейк. В итоге я набрал 117 очков.

Но на отца это все равно не произвело впечатления. Точнее, это я так думал. Отец легко сходил с людьми и знал, что другие смогут лучше позаботиться обо мне и помочь мне в этой области. Кого бы он не выбирал – это всегда оказывалось точным попаданием. Он помог многим снукеристам, любителям или начинающим, которым нужна была пара монет. Папа говорил им: «Вот, здесь две сотни фунтов на неделю, вот машина, практикуйтесь, когда захотите, меня это не касается. Что бы вы не выиграли – просто поставьте мне с этого стаканчик. Просто возьмите моего парня на турнир, и присмотрите за ним, это все, что я хочу».

Помню, как Тони Путтнэм выиграл восемьсот фунтов, и сказал отцу: «Я отдам вам половину», а папа ответил: «Нет, мне не нужны эти деньги. Оставь себе». Он думал, что это честная сделка – они делились со мною опытом, а я учился.

Несмотря на то, что отец никогда не хвалил меня прямо, теперь я знаю, что он чертовски гордился мною. Я встретил тех, кто знал папу, и они рассказали мне, как он говорил, «Мой сын будет чемпионом мира по снукеру». Они говорили мне: «Каждый отец думает, что его сын станет чемпионом мира, но ты им стал. Он, должно быть, знал, что говорит». Даже Газа упомянул моего отца при нашей первой встрече.

Газа был моим героем, настоящим волшебником на поле, и когда я впервые его встретил, мы очень неплохо вместе поиграли. Это было в Гудисон Парке, когда «Рейнджеры» играли с «Эвертоном» квалификацию, а я участвовал перед матчем в матче знаменитостей. Газза подошел ко мне после и сказал: «Ронни, правильно? Я встречал твоего отца несколько лет назад, он пытался затащить меня в снукерный клуб. Я не смог, но он сказал мне – Газза, ты мастер в футболе, но мой сын будет чемпионом мира в снукере. Я запомнил это имя, потому что люблю снукер. А потом я сидел в номере отеля с Полом Алленом, смотрел телевизор, и тут появился ты. Я подскочил и сказал – Это ж пацан, про которого тот парень говорил, что он станет чемпионом мира!»

Глава 2. В пути

Я выиграл свой первый турнир в девять лет. Маленький и незначительный турнир, проходивший каждую неделю в клубе, где участвовали пять-шесть игроков. Никаких денежных призов не полагалось – только кубок, и сертификат на шесть бесплатных часов игры. Бесплатное время мне дали, хотя я в этом не нуждался, так как папа всегда заботился, чтобы мой стол был оплачен. А вот что мне действительно хотелось – это получить кубок. Его я не получил, и очень расстроился. Мне сказали: «Извини, у нас нет сейчас кубка, но мы его сделаем», и я ждал и ждал. Должно быть, прошло около двух месяцев – я даже подумал, что мне никогда его не отдадут. Я все время спрашивал, где же кубок, а мне отвечали, что он вот-вот будет. Однажды мы сидели в клубе (там собирались дети возрастом от 10 лет (это я был), и до 15) – и наконец-то привезли этот паршивый кубок. Ник Терри, тамошний игрок-профессионал сказал мне, что когда получаешь трофей, его следует поцеловать: «Давай, поцелуй кубок», - сказал он. А я подумал: да ты смеешься! Не собираюсь я целовать это! Он

сказал: «Давай, я покажу, как это делается», - и начал целовать кубок.

Я не из тех, кто целует кубки, никогда не ощущал такой потребности, и сейчас делаю это только для снимков. Но я люблю собирать их, держать, прикасаться к ним и разглядывать.

Трофеи всегда были для меня важнее, чем деньги. Несколько лет спустя, когда мне исполнилось 14, я получил пять сотен фунтов за победу на турнире в Лидсе, а кубок мне опять не дали. Я стоял и думал: «Где мой кубок? Я хочу что-то на память об этой победе! Ведь призовые я потрачу». Домой я приехал расстроенный, чуть не плача, и даже не сказал маме, что победил. Только простонал: «Мама, мне никогда не дают кубков!»

Может, я и выиграл свой первый турнир, но мое поведение ничуть от этого не улучшилось. В детстве у меня был просто отвратительный характер: я матерился всякий раз, когда промахивался по шару – пока папы не было в клубе. Когда он туда приходил – я был ну очень примерным ребенком. Но люди в клубе рассказали ему о том, как я себя веду, и какие слова употребляю. Они сказали: «Вы должны с ним поговорить. Нельзя, чтобы десятилетний мальчик ругался и швырял кий на пол всякий раз, когда промахивается». Отец пришел в клуб, я смеялся и шутил, и пока я играл – он только один раз взглянул на меня. И этот взгляд меня здорово напугал. Он ничего не стал говорить при людях, зато сказал в машине, по дороге домой: «Так не годится. Я прихожу и вижу, как ты валяешь дурака возле этого снукерного стола. Я плачу пять фунтов в час не за твои ругательства. Если хочешь ругаться – или катайся с приятелями на велосипеде. Когда я приду в клуб в следующий раз, я не хочу знать, выигрываешь ты или проигрываешь. Я только хочу видеть твой невозмутимое лицо».

Конечно, он был прав, и я к нему прислушался. Пришлось. Если бы я его не послушал и попал в неприятности, он бы мне сказал: «Я же говорил! Я прав, может быть, и не всегда, но в 99 случаях из ста – точно, и я не хочу, чтобы ты попадал в такие ловушки в жизни». Отец просто желал, чтобы я все делал правильно: сосредоточился на снукере вместо того, чтобы играть на игровых автоматах или валять дурака. Он всегда хотел, чтобы я воспринимал спорт всерьез – даже когда мне было всего десять лет.

Как только я начал принимать участие в турнирах – я понял, что должен менять свое поведение, если хочу иметь шанс на победу. Мне пришлось научиться сидеть и терпеть, пока у стола другой. В снукере следует принимать свои промахи и стараться не демонстрировать, что это тебя задело. Противнику это придаст сил, а тебя измотает еще сильнее. Если начнешь терять самообладание во время игры – в конце можно забыть, какой день на календаре. Даже сегодня характер у меня не сахар, но он все равно в тысячу раз лучше, чем был когда-то. В то время я часто уходил из игры настолько снедаемый, что начинал говорить всякие глупости – обычно, что я собираюсь все бросить. Потом я узнал, что лишь тот, кто любит игру так сильно, как я, может такое говорить.

Когда я был ребенком, мой темперамент проявлялся только у снукерного стола. В жизни я был куда спокойнее. Например, любил погонять мяч с приятелями. Я не любил проигрывать ни в одном виде спорта – футболе, настольном теннисе, гольфе – но ничто не взвинчивало меня так, как снукер. Я ненавидел, когда соперник выходил к столу после моего промаха, и ужасно злился на себя, думая: «Я хочу забивать шары, а не подставлять их для этого парня».

В школе я был довольно застенчив. Я никогда не был в центре внимания, и никто толком меня не знал. Особенно стеснялся я рядом с девочками, и настоящей подружки у меня не было до 15-ти лет, точнее, был шанс с парой девочек, но я не набрался смелости пригласить их.

Я ненавидел школу. Ненавидел вставать рано утром, собирать вещи, идти туда, потому что знал: я иду в школу, чтобы ничего там не делать. Я мог сидеть на уроке и смотреть в книжку,

но никогда не полностью не сосредотачивался. Единственным, что меня хоть как-то интересовало, были занятия по труду и физкультура. Я дожидаться не мог, когда же доберусь до столярных работ, начерчу, и начну выпиливать. У меня получился прекрасный снукерный футляр, если только не считать того, что я спутал дюймы с сантиметрами. Тогда я сказал учителю: «Вообще-то, мой футляр не такой широкий», а он ответил, что все в порядке, ведь я все сделал все по масштабу чертежа. «Нет, - ответил я, - у меня есть футляр дома, и он совсем не такой». «Продолжай, - велел учитель, - ты все делаешь правильно». Понятно, что в итоге получился гигантский футляр.

Тем не менее, как ни ненавидел я школу, но никогда не прогуливал, потому что жутко боялся, что на это скажет отец. Я знал, что если не пойду, то домой пришлют письмо, папа расстроится, и посмотрит на меня так... за этим всегда следовал хороший шлепок по задку. Потом я буду не в состоянии сидеть пару дней.

Меня никогда не ругали и не говорили оставаться в своей комнате – просто давали ремня или запрещали играть в снукер на пару недель. Полагаю, это более эффективно, чем ругать – ведь так я не мог делать то, что любил.

Я всегда делал уроки в школе, а потом со всех ног бежал оттуда – к ближайшему выходу, прямо через дорогу, вместо того, чтобы пройти по подземному переходу, к остановке Редбридж, чтобы не пропустить автобус №148, который отходил в 3.24, через девять минут после звонка. Если я опаздывал на этот автобус, приходилось ждать, а это было невыносимо, поскольку стоило получаса у стола.

Когда я добирался домой, то бросал портфель, хватал кий, заказывал такси по телефону (до сих пор помню номер!) и оказывался в снукерном клубе к 3.50.

Этот распорядок дня начался для меня уже в 9 лет.

Папа оставлял мне каждый день двадцать фунтов на такси туда и обратно и плюс на расходы. Он говорил: «Ешь в клубе что хочешь и играй в снукер сколько хочешь», потом оплачивал счет в конце недели – как минимум сто фунтов. Его не тревожили мои траты, пока я хорошо себя вел.

Вот только вел я себя плохо. И несмотря на все деньги, которые платил папа, в клубе меня не любили. Многие меня почему-то просто не любят. Сейчас это случается реже, но все равно бывает. Всегда находится кто-то, желающий сделать мне какую-то пакость. Уж не знаю, из-за чего. Я общаюсь с людьми, и часто они очень сильно отличаются от тех, с кем общается отец. В прошлом он знакомил меня с некоторыми людьми, и я думал: нет, спасибо, это не для меня. Отец всегда легко сходился с каждым, и в этом отношении я совсем другой. Я обычно тихий и открываюсь только тому, кого хорошо знаю.

В конце концов, в семнадцать лет, вскоре после победы на моем первом большом турнире, меня исключили из клуба в Илфорде за то, что я принес с собой еду. Я обычно ходил к Марку и Спенсеру, чтобы купить себе сэндвич с фруктовым салатом, потому что в клубе подавали только жареное. Моника, жена владельца, подошла ко мне, и сказала «Сюда нельзя приносить собственную еду, милый». Она всегда обращалась ко всем «милый», хотя в ее отношении ко мне ничего милого не было. «Если хочешь есть собственную еду, выйди из клуба, и ешь там. А здесь – нельзя, милый». Она отчитала меня перед всеми, а когда с недовольным видом отошла, я позвал: «Моника, а ложки для йогурта у вас не найдется?» Она подскочила, все расхохотались, а она побагровела от ярости.

Так кончилось мое время в этом клубе. Рон, её муж, подошел ко мне и с абсолютно непроницаемым лицом сказал: «Ты больше не можешь приходить сюда, после того, как ты

разговаривал с Моникой». На самом деле, это не имело ничего общего с тем, как я разговаривал с Моникой. Я вовсе не был ей противен. Просто ей нравился Кен Догерти. Я играл в этом клубе с девяти лет и был их лучшим «клиентом». Точнее, мой отец был. Когда он приходил в клуб, там собиралось до двух десятков людей, и он всех угощал. Благодаря ему место процветало. Кен совсем недавно приехал из Ирландии, но в клубе было полно плакатов с поздравлениями – молодец Кен, выиграл то, молодец Кен, выиграл это. Когда я выиграл Чемпионат Великобритании, второй по значимости турнир, а Кен выиграл Регал Велш, даже и близко не такой престижный, то на весь клуб развесили «Кен Догерти, Чемпион Регал Велш», на шикарной бумаге, большими красивыми буквами. А для меня прилепили на стену клочок бумаги, на котором нацарапали ручкой «Поздравляем Ронни О’Салливана, самого молодого победителя Чемпионата Великобритании». Кену также выделяли бесплатное время, а мне – даже пяти лишних минут не давали.

К тому времени, как меня выгнали из клуба, у меня там был собственный, стоивший четыре тысячи фунтов, стол. И я сказал Рону с Моникой:

«Ладно, но я забираю стол».

«Нет, стол можешь оставить здесь», - ответил Рон.

«Это ты смеешься, да? – сказал я. – Работники придут на следующей неделе, и заберут его. Никаких проблем. Всего хорошего, Рон, и спасибо».

Так все и окончилось.

Пока я рос и все вокруг говорили, что я могу стать чемпионом по снукеру, я никогда не думал о деньгах за выигрыш; мне просто хотелось быть на экранах телевизоров и быть знаменитым, чтобы меня узнавали, чтобы когда я буду идти по улице – люди кричали: «Смотрите, это ж тот снукерист!», подходили ко мне и жали мне руку. Я мечтал о временах, когда я окончу школу, смогу зайти в ночной клуб, и там будет девушка, которая узнает меня, подойдет и скажет: «О, ты и есть тот самый Ронни О’Салливан?», мы будем болтать, и не успею я оглянуться – она спросит: «А что ты делаешь завтра вечером? Может, поужинаем?» - «О, да, чудесно!». Я хотел оказаться в ситуации, где мне не придется делать первый шаг и нести ерунду. Поэтому я хотел стать знаменитым – потому что я не особо легко начинал общаться с людьми, и думал, что так будет проще.

Забавная это была смесь: я был слишком взрослым для 10-тилетнего, довольно жестким и даже грубоватым, и, в то же время – застенчивым и мягким по характеру. Я играл в футбол за школьную команду, и меня дразнили, потому что я весил немного больше, чем надо, и не мог отжаться. Меня обзывали Толстяком, смеялись в лицо и я убегал из школьного коридора в слезах.

К этому времени мы переехали из Северного Илфорда в Южный Илфорд, но я по-прежнему учился в той же школе, прямо напротив нашего старого дома на Итон Роуд. Я бежал из школы в старый дом, которым теперь владел папин друг. В конце концов отцу пришлось поговорить с тренером по футболу, почему его сын приходит домой весь в слезах?

Я не был непопулярен в школе, но не скажу, что был популярен. У меня был единственный близкий друг, Джордж Палакарос, с которым мы до сих пор встречаемся и играем в футбол. Он работает с компьютерами, и создал футбольный вебсайт под названием soccertutor.com. Он хочет сделать еще один сайт вместе со мною – snookertutor.com, на котором бы рассказывали о различных техниках игры в снукер, упражнениях, разминках, обо всем. Я знаю Джорджа с восьми лет. Мы подружились после драки.

Я ходил в школу Хайленд Скул в Илфорде и все спорили, кто в школе самый крутой – я или Джордж, который тоже был тихим и скромным. Дети могут быть очень противными, а школа представляет собой довольно изолированное сообщество. Всегда казалось, что это именно я на всех кидался и все портил. Вокруг меня крутились небольшие группки, и хотя они меня и задирали, но все равно они думали, что я крепкий орешек, потому что если меня действительно доставали, я взрывался, как бомба. Однажды мне сказали: «Скоро приедет Джордж с Кипра, он с тобой побьется, и отдубасит». Хотя я обеспокоился, но постарался не обращать внимание.

Сейчас я не боец, да и тогда драться особо не любил, но во мне много агрессии. Если я выйду из себя, то физически становлюсь довольно силен. Я не знаю, как проводить комбинации ударов, но если заведусь, то становлюсь как уличный боец. Однако, как ни старался я забыть о возвращении Джорджа в школу, полностью выкинуть это из головы не получалось. Когда он в конце концов вернулся, я посмотрел на него, и подумал: «Ничего особенного; самый обычный пацан». Вскоре после этого мы наткнулись друг на друга по пути на спортплощадку и там все закончилось дракой. Я ударил кулаком, он упал на пол. Я поверить в это не мог, а все закричали: «Он сделал Джорджа! Он сделал Джорджа!» Меня зауважали. С тех пор никто больше не задирает меня в Хайленд Скул.

Когда я перешел в старшие классы, мне тоже доставалось. Моя репутация из младших классов опередила меня. После драки с Джорджем я стал известен как самый крутой парень в Хайленд. Задирай я не был, но очень любил фильмы с Брюсом Ли и практиковался в боевых искусствах на других учениках. Я ненавидел драки, но если кто-то хотел меня зацепить, я не собирался позволять через меня перешагивать. Я должен был отстоять свое. Обычно я дико переживал, когда что-то подобное случалось, но отступать не мог. В большинстве случаев все обходилось, но в итоге я дрался четыре раза. По одной драке на каждый год. Один раз – с индусом, который разбил мне нос. Не знаю, чем я это заслужил.

Он был старше меня на год, и сказал, что я сбил его с ног, хотя я впервые об этом услышал. Потом до меня дошло, что он вызывает меня на бой на перемене. Я шел через их спортивную площадку для учеников предпоследнего и последнего года обучения к своей, когда все это и случилось. Ко мне направлялась группа ребят, он шел в центре. Я знал, что это означает, но притворился, что ничего не понимаю. «Пожалуйста, не надо», взмолился я про себя. Он подошел ко мне и толкнул. Мы подрались и он разбил мне нос, из которого сразу же хлынула кровь.

К нам подбежали учителя, но к тому времени кровь залила мне уже всю рубашку, и я не хотел останавливаться. Мне было плевать: раз уж я получил по носу, то мог продолжать. Он не хотел: получил свое и был рад. Зато я не был – в конце концов я его отделал.

Я пришел домой, и мама сказала: «Что с твоим носом?» Нос до сих пор немного свернут на одну сторону. Тот парень его не сломал, но оставил вмятину.

Я не был примерным мальчиком.

К тому времени отец зарабатывал хорошие деньги на секс-шопах и в доме всегда были наличные. Я начал время от времени таскать пятерки из конвертов с зарплатой, чтобы пойти и купить наклейки с футболистами. У меня было две коробки карточек, они стоили по десять пенсов за конвертик. Так что я носил их в школу и менялся. Нужно было купить целую коробку, чтобы найти одну действительно редкую. Поэтому я решил: если я куплю коробку, точно ее найду, а может, и еще парочку, и ни у кого таких больше не будет, а я смогу обменять почти пятьдесят наклеек на те, которые мне не нужны. У меня всегда были склонности к бизнесу и в школе я постоянно заключал сделки.

Отец очень скоро заметил пропажу денег, потому что его работники звонили и говорили: «Рон, у меня в зарплате не хватает пятерки». Это продолжалось почти месяц и он подумал: «Не может быть, чтобы я постоянно обсчитывался на пять фунтов». Он считал и пересчитывал, чуть не решив, что сходит с ума. Потом ему позвонили из школы. Меня поймали с двумя большими коробками с наклейками и спрашивали, откуда у меня деньги на них. Когда отец пришел в школу, то спросил: «Ты брал деньги из моих конвертов с жалованьем, да?» Я сознался. «Ты воровитый мелкий гаденьш», - сказал он, когда мы вышли из директорского кабинета. Я получил за это хорошую порку: он отлупил меня туфлей, и зад болел очень долго. Больше я ничего у него не таскал. Хотя, имейте в виду, наклейки я сохранил.

Я все более серьезно воспринимал снукер. Впервые я выиграл приличные деньги, когда мне было 11, это был турнир для детей младше 16-ти лет. Я пришел в школу в понедельник, и сказал одноклассникам, что выиграл 450 фунтов. Рядом оказался один из учителей, и спросил:

- Что ты имеешь в виду, ты выиграл четыреста пятьдесят фунтов?

Затем ко мне подошел директор, и сказал:

- Ронни, это правда, что ты выиграл четыреста пятьдесят фунтов на турнире по снукеру?

- Да, - ответил я. Я был так горд собой.

- Пожалуйста, ты мог бы принести чек и кубок, показать мне?

Дома я сказал:

- Мам, можно мне взять чек, показать директору?

- Конечно, можно, - разрешила она.

Так что я взял кубок и чек, положил их в сумку, сказал себе, что я ни в коем случае не могу их потерять, пришел в школу и таскал рюкзак с собой, куда бы ни шел – я не собирался оставлять его в шкафчике.

Меня вызвали прямо с одного из уроков: «Пожалуйста, можно отпустить Ронни к директору?» На всю вторую половину дня я оказался свободен от занятий и пил чай в директорском кабинете вместе с его помощником.

- Пожалуйста, Ронни, покажи моему другу кубок и чек. Ничего, если он взглянет?

Мистер Челлон, директор школы, был умницей, но некоторые учителя постоянно смеялись над моими мечтами. Они говорили другим детям: «Ты прямо как Ронни О'Салливан, думаешь, что станешь знаменитостью. Так вот, он никем не станет». Разумеется, дети приходили ко мне и передавали слова учителей. А я говорил, что стану чемпионом мира, а школа – просто трата времени. Учителя могли это говорить, так как я не был самым умным из учеников в академическом плане, зато сейчас я мог сказать: «Видите? Я добился кое-чего». А очень скоро я мог уже сказать: «Слушайте, я зарабатываю больше, чем вы, а мне всего двенадцать, так что не надо меня учить, что делать».

Я начал путешествовать по стране со своим приятелем Робертом Чэпменом когда мне было 12, и уже скоро я зарабатывал столько же, сколько и мои учителя. Свои выигрыши я отдавал отцу, а он выдавал мне обратно какую-то часть, чтобы я мог играть где и когда хочу. Кроме

того, он построил мне комнату для снукера, которая обошлась ему в двадцать тысяч фунтов. Это было здоровое 35 на 25 футов помещение в дальнем конце сада, с туалетом, телевизором и диваном, как мой собственный мини-дом, где мы с Робертом практиковались.

Мы с Робертом впервые объединились в команду для поездки в Хастингс, когда мне было десять. Отец попросил его присмотреть за мною.

Он же вместе с друзьями пытался познакомить меня с моей первой девушкой, Пиппой. Она была великолепна, просто сногшибательна, и старше меня. Ей было 11! Пиппа обожала флиртовать, была кокетливой, а я – ужасно застенчивым. Она настолько меня опережала во всем, что это меня просто убивало. Я даже не смел взглянуть на нее, сразу убегал, смотрел на нее со стороны и думал, какая она красивая. Я не мог набраться смелости, чтобы даже подойти к ней, а когда она оказывалась рядом, меня охватывала нервная дрожь.

Роберт примерно на семь лет старше меня. Он делал карьеру в банке и даже несмотря на то, что стал профессионалом, больше сосредотачивался на своей дневной работе. Он приходил ко мне домой четыре-пять раз на неделю часам к семи вечера и мы практиковались пару часов, прерываясь только на ужин, каждый вечер кормила нас мама. Затем по субботам и воскресеньям мы выезжали на магистраль например, в Лидс, останавливались в хорошем отеле, играли на соревнованиях, потом ехали в, скажем, Лейчестер, и шли на состязание в воскресенье. Мы оставались на всю ночь в Холлидей Инн, за все платил папа.

Все было чудесно: пара сотен фунтов в кармане на бензин и еду и несешься по автостраде. Я знал все заправки и станции техобслуживания на М1, у нас были даже фавориты, мы хорошенько заправлялись, и прекрасно проводили время. Мы были как братья и не могли дождаться уик-енда. У Роберта всегда была шикарная машина, новенькая каждый год, RS Turbo или XR3i, со всеми техническими штучками, мы летели по М1, думая: Вот это жизнь!

Я по-прежнему дружу с Робертом, а его родители – мамыны лучшие друзья. Они единственные люди, которых она считает настоящим друзьями с тех пор, как папа нас оставил. Вокруг нас всегда было много народу, далеко не такого надежного, но Чэпмены – почти семья.

Мы с Робертом побывали всюду: в Йоркшире, Бэри Сент Эдмендз, Стивенейдже, Уэльсе, Бристоле. Если где-то проводились состязания – мы там были. У нас даже появилась привычка просматривать снукерные журналы и планировать все поездки. Дома в снукерной комнате висел большой календарь, на котором мы отмечали все Про-Ам турниры на весь год. Практикуясь, мы нацеливались на будущий большой турнир.

Накануне турнира я доставал кий и отмывал его, как моют машины. Я всегда натирал кий тальком, потому что из-за сырости и влажности часто кий не скользил в руках. Уйма времени уходила, чтобы отмыть его водой и оттереть полотенцем, счистить всю грязь. Потом я оставлял его сохнуть. Это стало ритуалом на каждый турнир: с понедельника по пятницу я пачкал кий до предела, а потом, вечером в пятницу, чистил и полировал.

Обычно мы приезжали на турнир к половине десятого утра, завтракали бутербродами с ветчиной, и заходили. В помещении было столько народу, что едва можно было пошевелиться. Я протискивался к столам и говорил девушке на приеме: «Я здесь, меня зовут Ронни, вот мой взнос за участие». Сумма составляла от 10 до 15 фунтов, изредка – 20, в зависимости от количества участников. Иногда регистрацию закрывали на 64-х участниках, иногда – на 128-ми, изредка, если клуб был достаточно большой, играло по 180 игроков. На некоторых турнирах говорили, что проходят первые 64, так что можно было появиться в 9 утра, пропустить первых 64 игроков, и быть в резерве. Но благодаря организованности

Роберта и нашему настенному календарю мы никогда не оказывались в списке резерва.

Мой футляр для кия был больше меня самого, я стоял среди остальных игроков и всегда очень переживал. Ростом я тогда был примерно в пять футов четыре дюйма: мог смотреть поверх стола, но при таком росте мне нужно было очень хорошо владеть рестом. Думаю, потому мне так легко играть с ним сейчас – приходилось так часто его использовать.

Столы, на которых мы играли, часто были довольно-таки паршивыми. Сукно могло быть потерто до дыр, а под бортами – вообще порвано. Забиваешь шар в середину, и он отскакивает обратно к тебе. Тогда понимаешь: синий шар на сильном ударе не забьешь, потому что луза его просто не примет. Пытаешься скатить его на тихом ударе – а он сходит с линии и начинает вихлять. Это был любительский снукер, и приходилось приспосабливаться.

В моем случае перелом случился на Про-Ам в Стивенейдже, когда мне было четырнадцать. До этого я ни разу не проходил дальше четвертьфинала – пробивался в 1/8, выигрывал два-три матча, а потом уступал более сильному игроку. Это все продолжалось и ужасно меня расстраивало. Я думал, что никогда не сумею переиграть всех этих игроков. В то время я не верил, что время на моей стороне – я хотел уже быть как Стивен Хендри или Джимми Вайт. Но в Стивенейдж я остался на соревнованиях в семь вечера, хотя обычно в два часа дня уже был дома и практиковался с Робертом. В четвертьфинале я должен был играть с Марселем Гавро, в матче из пяти фреймов. В то время он стоял под номером 34 в мировом рейтинге, я видел его по телевизору и думал: «О, боже, я не могу переиграть этого парня, он потрясающий!» Он повел 1-0, сделав брейк в 138 очков, но я сравнял счет, и выиграл следующий фрейм с брейком в 130 очков, сделав 2-1 в мою пользу. Он сделал серию в 70 очков, но потом в последнем фрейме я сделал 120. Я нервничал и переживал, но никогда в жизни я не играл лучше. Я отошел от стола, не в силах поверить в свершившееся. Даже сегодня, выиграв чемпионат мира, не думаю, что когда-либо мне было лучше, чем тогда. Все сошлось вместе: отыгрыши, дальние удары, набирание очков. Я был на вершине мира.

Гавро был взбешен после матча, хотя злился не на меня, а только на себя – он играл так хорошо и проиграл 14-летнему подростку. Он отошел от стола, говоря: «Эй, этот парень, он невероятен, откуда он? Никто еще никогда не играл так против меня». А я был вне себя от радости.

Моя репутация росла, как на дрожжах. По всему залу прошло, что Ронни О'Салливан только что переиграл Марселя Гавро. Собралось около тридцати зрителей – местных, кто играл в клубе каждую неделю, и тех, кто приезжал, если в клубе проводились соревнования Про-Ам – могли приехать профессионалы вроде Дина О'Кейна, и на них хотелось посмотреть. За победу на Про-Ам полагалась тысяча фунтов, а это неплохие деньги, так что они были не против заработать, да и попрактиковаться.

В полуфинале я играл отвратительно, но все равно разгромил оппонента 3-1. Я не мог играть так же хорошо, как против Гавро, но прошел в следующий круг, что было важно. До этого я проигрывал в 1/32, играя куда лучше, чем сейчас в полуфинале, но вот – я в финале. Пришлось подождать пару часов, поскольку второй полуфинал еще продолжался: в нем играл Энтони Хэмилтон, и я был уверен, что он победит, так что я встречу с ним в финале, но меня это не беспокоило. Я пробился в финал, знал, что МОЕ лицо будет в снукерных журналах и не мог дождаться этого. Вся основная часть посвящена профессиональному снукеру, а последние несколько страниц – любительскому и женскому. Я смогу зайти в клуб, показать всем журнал, и завсегда и будут думать: «А чтоб мне, Ронни попал в финал!»

В финале я переиграл Энтони Хэмилтона со счетом 3-2. Мы начали матч примерно в полночь и закончили около половины третьего. Я проигрывал 2-1, но на столе остался всего

один черный шар. Счет был почти равен, так что мы разыгрывали его. Энтони сделал хороший отыгрыш, и оставил мне возможность играть дабл. А я подумал: будь что будет. Не так уж хорошо я играл, и, как я уже сказал, мне было все равно, ведь я уже добился больше, чем достаточно, пройдя в финал. Так что я ударил и шар красиво скатился в среднюю лузу.

Роберт сидел в зале и смотрел. Он не из легковозбудимых, но выглядел взволнованным, зная, что я всего в одном шаге от выигрыша наибольшего из Про-Ам турниров, который начали сто восемьдесят игроков, а остались я против еще одного игрока в последнем фрейме последнего матча.

Я выиграл финальный фрейм довольно легко, со счетом 62-30, кажется. Энтони пожал мне руку и я подумал, что только что выиграл тысячу фунтов. Мне 14 лет, сейчас мне дадут чек на тысячу фунтов, напишут обо мне огромную статью и все её прочтут. Выиграть финал в 14 лет – да это неслыханно! Я знал, что через неделю на следующем турнире все будут смотреть на меня и перешептываться, когда я войду в помещение, как тогда, когда на Про-Ам турнир заходили Питер Эбдон с Энтони Хэмилтоном, и все вздрагивали. Я подумал: вот он я! Я прибыл!

Кроме Роберта, я ездил на Про-Ам с одним парнем по имени Джонни О'Брайен. Отец платил ему за то, что он меня сопровождал, примерно 2.50 в неделю и давал машину и деньги на расходы. Все, что от него требовалось – это отвозить меня на турниры по выходным. Отец был слишком занят, чтобы делать это самому. Да и в любом случае, я сам не хотел этого, потому что это бы слишком на меня давило. Если бы я промазал по шару, а он бы там сидел, это бы его расстроило и все удовольствие бы пропало.

Я никогда не говорил папе, что не хочу, чтобы он ездил со мною на матчи, но он и сам так решили. Мама с папой начали ходить в разные ночные клубы, когда мне было всего 11 лет... Они знали, что пахали, как проклятые, долгие годы, и в конце концов заработали кое-какие деньги, пора бы уже и поразвлечься. Отцу особенно нравилось иметь средства и быть в состоянии пойти туда, куда он захочет. Он с мамой ходил к Брауну, очень серьезный эксклюзивный клуб и оставались там до семи или восьми утра. Отец всегда ходил с мамой, но он никогда не любил танцевать, поэтому звал одного своего знакомого гея, Стивена Этвелла, шесть футов шесть дюймов ростом, чтобы тот потанцевал с мамой. А сам папа только разговаривал с людьми и шутил. Он никогда не пил, но часто оплачивал весь счет за бар. Просто он был таким любителем сорить деньгами, считал, что должен покупать всем выпить, и мог себе это позволить. Дело было в конце восьмидесятых и его сеть магазинов процветала.

Первым турниром, на который я отправился с Джонни, был турнир Бритиш Ампатор (любительский чемпионат Великобритании). Я проиграл 4-3 Мукишу Палмеру, но и выиграл пару матчей на пути, а Мукиш был победителем любительского чемпионата, в то время, как я – всего 112 в рейтинге. Для меня это было огромным достижением, так что я жутко гордился собой по дороге домой. Отец спросил Джонни: «Как насчет того, чтобы вы с Ронни стали в команду?» Для нас обоих это было отлично.

В то время было много хороших молодых игроков: Крис Брукс, на пару лет старше меня, который стал моим партнером в парных играх; Марк Кинг, который был на два года старше; и Крис Скэнлон, который был ближе всех ко мне по способностям, а может – и превосходил кое в чем. Но он был слишком энергичным – играл во всех полуночниках в Тоттенхеме, меня в те времена туда не пускали. Он уехал в Голландию, когда ему было около 14 лет – это были легкие деньги. Он получал зарплату за то, что просто играл в своем снукерном клубе. Это была трагическая растрата таланта. Я помню, как играл с ним в Амстердаме, Крис снял жилет, свернул и засунул в пиджак. Я тогда подумал: Что он делает? Но он потерял цель: буйство Амстердама слишком сильно отразилось на нем. Крис был бы там, где я сейчас, но

его игра ушла. Были времена, когда он играл великолепно, и даже делал 147, но в отличии от меня он не соревновался с сильными игроками. Прежде чем стать настоящим победителем, нужно проигрывать и научиться это принимать.

Полуночник – это турнир, который начинается в полночь, и оканчивается примерно в десять утра. Еще его называют Ночной сменой или Кладбищем. Те несколько раз, что я играл в них, мне совсем не понравились, поскольку к двум часам ночи я уже клевал носом. Там использовалась уравнительная система и было много подтасовок. Я давал кому-нибудь 60 очков форы и он делал против меня серию в 80 очков. Так что я думал: этот чудак лучше меня. И как я умудрился дать ему фору? Я это ненавидел. Кроме того, там было много рингеров (человек, который по нескольку раз за матч звонит букмекеру и меняет ставку) – бандитов, как мы их называли.

На турнирах Про-Ам тоже действовала уравнительная система, но она была намного честнее. Марсель Гавро, возможно, давал мне 14 или 7 очков форы в каждом фрейме. Это кажется немного, но при игре с почти равным счетом – может оказаться решающим. Доходило до смешного. Например, Вили Торн мог дать Питеру Эбдону фору в 14 очков, хотя это Вили на самом деле нужна была фора. Эбдон играл по клубам и привык к плохим столам, а вот Вили, если поверхность была не ровной, как дорожка в кегельбане, начинал стонать. Он стонал даже при профессиональных условиях. Я же, с другой стороны, это любил, потому что нужно было уметь приспособливаться.

Иногда любители были просто лучше профессионалов. Например, Дин О'Кейн приезжал в Илфорд и играл с Кеном Догерти, хотя класс Кена явно был другим. Они играли друг с другом на, к примеру, восемь сотен фунтов, что для Кена в то время было огромной удачей. Так что папа ставил 300, Кен – 200, а кто-то еще – остальное. Отец в те времена поддерживал многих игроков.

Брайен Морган, который был очень хорошим игроком, и сейчас числится в лучшей тридцатке, был в Бэзилдоне, а Кен – в Илфорде. Между ними было всего двадцать миль и соревнование было очень напряженным. Все в Бэзилдоне считали, что лучший – Брайен, а все в Илфорде – что Кен. Они часто устраивали матчи на деньги, и однажды Брайен отказался играть меньше, чем на тысячу. У Кена не было таких денег, тогда отец сказал: «Ладно, я ставлю тысячу. Скажи Брайену, что сыграешь с ним где угодно». В итоге матч так и не состоялся.

Эссекс всегда был силен снукеристами. Мартин Смит, Дэйв Гилберт, Ник Терри, Джон Райт, Гэри Филтнесс, Джо Обой и Тони Паттнэм – может, вы никогда о них даже не слышали, но они все были очень хорошими игроками. Тони Паттнэм оставил игру и последние десять лет работал на маму в порнобизнесе.

Я многое узнал о снукере от Юджина Хьюза. Он был в Илфорде, и считался лучшим ирландским игроком. Поэтому когда приезжали ирландские ребята вроде Кена Догерти, они тоже останавливались на Илфорде, а Юджин был для них кем-то вроде отца-наставника. Эмонн Данфи, бывший футболист и писатель, знакомый Юджина, просил его присмотреть за мальчиками и помочь, если у них возникнут финансовые проблемы. Так что в Илфорде было полно ирландцев, в то время как в соседнем Баркинге (тоже отличный клуб) – полно местных талантов, таких как Ник Терри, Тони Паттнэм и Гэри Филтнесс.

Я был членом как Илфорда, так и Баркинга, в одном бывал четырежды в неделю, а в другом – трижды. Это в дополнение к тому, что я играл дома на собственном столе. В 14 лет я играл по шесть-семь часов в день, если не ходил в школу, а когда ходил – по три-четыре часа. Это было мое домашнее задание. А официальное домашнее задание я отдавал одному парню по имени Фазиль Надир и платил за то, что он его делал за меня. Он был отличником, но я

сказал ему, чтобы это выглядело не сильно умным, иначе все бы поняли, что это не я делал. Фазиль был в группе старшеклассников-наставников, мы шли сначала вместе, а потом он шел в свой топ-класс, а я – в свой. Я платил ему по пятерке за выполненное задание и даже не переписывал: просто забирал у него каждое утро. Он делал свою работу, а я получал за неё тройки, которые удовлетворяли учителей и примерно устраивали маму с папой.

Среди любителей было много сильных игроков, которые могли даже стать хорошими профессионалами, если бы не их отношение к игре. Ник Терри мог бы, если бы сосредоточился на снукере, но он был красивым парнем и слишком увлекался девушками. Он потерял хватку. Но я помню, как вытаскивал для него шары, семь-восемь часов подряд, пока у меня на ногах не надувались мозоли, так что я был не в состоянии ступить шаг. Это было хорошим опытом, через это нужно пройти. Сейчас я делаю то же в играх с детьми. Я не могу расслабляться: каждый раз, когда я подхожу к столу, я хочу сделать сенчури. Возможно, это для них болезненно, но я уверен, что в конечном итоге это принесет пользу.

Когда мне было 13, я проводил спарринги с Кеном Догерти. Это было, возможно, одним из самых жестких и деморализующих испытаний. Мы три дня играли у меня дома, в снукерной комнате, и в конце концов, я сказал ему: «Кен, я должен кое-куда сходить». Он сказал, ладно, упаковал свой кий, и ушел. Через полчаса он вернулся, потому что забыл что-то, а я по-прежнему там тренировался. Я просто хотел, чтобы он ушел из моего дома. Мне было ужасно стыдно, я был уверен, что он подумает, что я трусил, но на самом деле – я просто не мог этого больше выдержать. И, поскольку он был победителем, он не жалел меня. Он просто хотел победить.

На следующий день я вытащил его на состязание в Баркинг. Но его там не было. Если вы на две минуты опаздываете на свой матч, вам говорят: «Ладно, вас вычеркиваем», и на ваше место заступает игрок резерва. Прошло полчаса. Тем временем позвонил Кен и сказал, что только что встал с кровати, и спросил, на кого он выходит в игре. Когда ему сообщили, что на Ронни, Кен спросил: «Он не против, если я немного опоздаю?» По правилам матч в таком случае могут отменить, он это знал и сказал, что не имеет ничего против, если я буду играть с игроками из резерва. Организаторы подошли ко мне и спросили: «Хочешь играть с ним?» Про себя я завопил: «Не, не хочу я с ним играть!», но вслух сказал: «Да, я сыграю с ним». В конце концов он появился и нам выделили стол. Шанс следовал за шансом, но я не мог использовать ни один из них. Кен играл отвратительно, но разбил меня 4-0. Я просто испугался – слишком его уважал. Он растоптал меня психологически: я относился к нему, как к богу, вместо того, чтобы забивать шары.

В то время Кен был чемпионом мира среди любителей, чемпионом мира среди юниоров и вот-вот должен был стать профессионалом. Он всего пару лет назад приехал из Ирландии и арендовал дом вместе с еще пятью или шестью ирландскими игроками в Илфорде. Они зарабатывали себе на жизнь, играя в карты в клубе и выигрывая на Про-Ам по 1000 фунтов за раз. Все они были на шесть-семь лет старше и не любили меня, когда я был ребенком. Впрочем, не думаю, что сейчас они любят меня больше. Даже не знаю, было ли это из-за моего языка или поведения, или из-за того, что у меня было все. Думаю, они считали, что мне повезло, потому что у отца были деньги, чтобы поддержать меня.

Многие думают, что деньги могут сделать тебя чемпионом мира. Иногда люди говорят: «Ты стал тем-то и тем-то, потому что у твоего отца были деньги», и если бы им тоже все поднесли на блюде и они могли бы тренироваться столько, сколько я, то они тоже стали бы чемпионами мира. У таких людей часто есть сын, который играет в футбол или снукер. Они говорят, что я так быстро совершенствовался, потому что у меня был снукерный стол дома и я мог тренироваться сколько хочу. Честно говоря, я уверен, что наличие собственного стола мне помогло, но так же я уверен, что это не сделает вас чемпионом мира.

В понедельник Кен играл с парнем по имени Майки Роуэтт, на собственном столе в клубе. Майки уж никак не был хорошим игроком, но Кен играл с ним пять или шесть часов и этот парень только и делал, что подставлял ему шары. Мне было всего 14, но я мог бы дать 50 очков форы, сыграть с ним с завязанными глазами и все равно победить. Я не мог понять, почему Кен – который только что стал профессионалом – хотел играть с ним, ведь он не мог предложить ему никакого соревнования. Меня это разочаровывало. Когда он играл с Майки, это означало, что я целый день не смогу с ним сыграть, и мне придется играть на другом столе в холле или тренироваться в одиночестве. Все, чего я хотел – это сыграть с Кеном, или, по крайней мере, сыграть на его хорошем столе. Разница между столом Кена и остальными была огромной: все равно, что ковер против ледового катка. А стол, на котором я обычно играл в клубе, был паршивым.

Обычно дело обстояло так: я говорил Кену, «Хочешь сыграть завтра?», а он отвечал – «Нет, не могу, я играю с Майки, но сыграю с тобой в четверг». Так что мне приходилось ждать игры два-три дня и играть на дерьмовых столах так долго, что я становился просто бестолковым. Проходило до двух часов, прежде чем я начинал играть так, как надо. А потом у меня опять не было нормальной игры по четыре-пять дней и я опять скатывался.

Майки, возможно, никуда не годился, но он был профессионалом. Каждый мог стать профессионалом. Надо только заплатить регистрационный взнос в 500 фунтов, и еще 200 за каждый турнир, и пожалуйста: ты профессионал. Многие думали, что все, что им нужно – это попасть на телевидение, и они «спеклись». В игре было полно людей с разбитыми иллюзиями.

День за днем я сидел в клубе, наблюдал и думал, что вот-вот Майки скажет: «Я не хочу больше играть, Кен, все». Но он явно любил быть наказанным. Иногда он шел домой, принимал душ, а потом – возвращался обратно вечером, готовый к дальнейшему унижению. Это означало, что у меня не будет шанса даже вечером, и еще сильнее взвинчивало.

Я знаю, что бесил Кена – я имел привычку задавать ему раздражающие вопросы. У него на лице шрам и однажды я спросил: «Кен, откуда у тебя это шрам?», а он ответил – «Не будь таким мелким любопытным засранцем». Это меня напугало. Я решил, что огорчил его, и меня это тоже расстроило, потому что он был моим героем. Я провел столько времени рядом с ним, наблюдая за тем, как он забивает шары, и вытаскивал их для него. Я думал, он великолепен, что он никогда не промахивается, и, возможно, если бы я скопировал его действия, то не промахивался бы тоже. Так что я копировал все – не только то, как он обращался с кием и его манеры, но даже то, как он открывает рот при ударе. Но Подражание Кену было самым худшим из того, что когда-либо случилось с моим снукером. Его кисть была очень расслабленной и открытой. Я копировал его действия на протяжении почти трех лет, но теперь я знаю, что это собственный стиль Кена, и у меня он не работает. Сегодня, как результат копирования Кена, я увязаю в ударах, вместо того, чтобы проводить биток, и «спотыкаюсь» о шар. Эти выходки я пытаюсь сгладить вместе с моим тренером.

Прежде чем начать копировать Кена, я играл как Стив Дэвис: оттягивал кий назад, и рука была прямой. Думаю, если бы я придерживался техники Самородка, соединяя её с моим собственным стилем игры, то к этому времени, возможно, выиграл бы уже три чемпионата мира.

Стив Дэвис был моим первым кумиром, потому что всегда выигрывал. Сегодня я смотрю свои собственные записи, когда мне было 14 и моя игра была построена по образцу Стива, и пытаюсь вернуться к себе прошлому. Хотя я чувствую себя жалким, смотря старые кассеты: я должен двигаться вперед, и искать решение, а не зависать на каждой проблеме. Это касается не только снукера, но и всей остальной жизни.

Впервые я победил Кена на соревнованиях, когда мне было 13, и тогда его отношение ко мне изменилось. Как только я начал превращаться в угрозу, он и говорить со мною стал иначе – теплее, уважительнее: «Ну, как ты, Ронни? Выиграл соревнование?» Он мог здороваться с кем-то, но я чувствовал, он смотрит на меня как старший брат, и мне это нравилось. Мы ладили в те дни. Он отличный парень.

После тихого начала в школе я стал откровенно подрывать дисциплину. На третьем и четвертом году обучения всех непослушных учеников сводили в один класс и мы устраивали там полное разорение. К нам приходилось регулярно присылать нештатных учителей на замену, потому что наши учителя постоянно получали срывы и не могли даже подумать о том, чтобы учить нас. Но и присланные педагоги могли сломаться на середине урока, признавая, что не могут с нами справиться. Когда они угрожали послать нас к директору – мы просто говорили «Отлично», и продолжали болтать. Должно быть, для учителей это было сущим кошмаром.

На обеденный перерыв я обычно ходил в снукерный зал с Джорджем и еще несколькими приятелями – Робертом Янгом, Ричардом Бэшемом и Крисом Джонстоном – и они ставили на меня свои деньги на обед. Ненавижу играть на чужие деньги, не выношу мысли, что они могу пропасть. Но я никогда не проигрывал, даже при том, что приходилось брать кий с подставки. В клубе всегда кто-то был. «Не хотите сыграть? – говорил я. – Два соверена за фрейм». Я давал фору в 30 очков, все ребята ставили свои пятьдесят пенсов. После первого фрейма я предлагал удвоить ставки и мы выходили почти с десятью фунтами, а потом неслись на всех парах в закусочную. В школу мы возвращались с большим пакетом жареной картошки с рыбой, как раз перед уроками во второй смене.

Все мои приятели больше увлекались футболом, чем снукером. Джордж был блестящим футболистом и все говорили, что он будет играть за Вест Хем, когда подрастет. Я был рад за него, хотя меня и расстраивало, что никто из моих друзей ничего не знал о снукере и не мог сказать, насколько хорошо я играю. Играй я в футбол на таком уровне, как в снукер, я был бы самым популярным парнем в школе, особенно среди девочек. Но снукер – это было не так круто. На самом деле, его даже спортом не считали.

Я был мелким хулиганистым пакостником в школе, но каким-то образом мне удавалось ладить с теми учителями, чье мнение имело значение – мистером Челлоном, директором, и миссис Эббот, замдиректора. Миссис Эббот меня любила – в её глазах я не мог сделать ничего плохого. Я приходил повидать её после того, как окончил школу, она раскрыла объятия, прижала меня к себе, и закричала: «Роннннннннн!!!» А когда я был в школе, она написала письмо маме с папой, в котором говорила, что они должны мною гордиться, потому что меня показывали по телевизору, когда я играл на турнире Кокни Классик.

Чтобы пройти квалификацию на этот турнир, сначала нужно было выиграть соревнование в собственном клубе – сыграть по фрейму против шести игроков. Потом победители этого этапа шли на следующий квалификационный раунд, в котором нужно было выиграть еще шесть фреймов. На втором этапе никто не смог набрать даже очка против меня – я сделал брейки в 70, 60, 80, 90, 70 и 60 очков. Так что я прошел квалификацию на Кокни Классик. Меня раздели с ног до головы: рубашка, костюм, и жилетка как у Стива Дэвиса, без хлястика сзади. Я подумал, что должен выглядеть хорошо для телевидения.

На следующий день я появился на уроке кулинарии в школе. Миссис МакФи была еще одной учительницей, с которой лучше было не ссориться, но мы с ней прекрасно ладили. Она любила носить разноцветные контактные линзы, потому что обожала кошек. То у нее были пронзительно-голубые глаза, а на следующий день – зеленые. Я смотрел ей в глаза, и думал, ну и ну! Она не была красавицей, но было в ней что-то притягательное. Что-то милое, что-то сексуальное. На этом уроке была еще одна учительница, миссис Хейз. Она была красивой,

очень доброй и обладала терпением святой. Миссис МакФи была полной её противоположностью: так что если мы плохо себя вели при миссис Хейз, то появлялась миссис МакФи, и мы быстренько утихомиривались. Это был прием с «хорошим и плохим полицейским». В тот день миссис МакФи сказала: «Так, сегодня мы не будем ничего готовить, мы будем смотреть видео. В нашем классе есть кое-кто, кого вчера показывали по телевизору». Тогда я подумал, вот бл*, это ж я. Она поставила кассету, все смотрели на меня, и спрашивали себя, как я ухитрился попасть на телевидение. Они, вероятно, в 10 вечера уже спали, а это показывали по ITV в половине двенадцатого. Я играл со Стивом Вентхэмом, чемпионом Англии среди любителей. К тому времени ему было 23 и он выигрывал значительные соревнования. Он сыграл хороший отыгрыш, но я все равно положил красный в середину, а потом сделал серию в 75 очков – мой первый телевизионный брейк. Комментировал Стив Дэвис и его это здорово впечатлило. Я перед этим не видел представления и поэтому сидел, смотрел на себя на видео и наслаждался. Я проиграл в полуфинале Кокни Классик, но все равно получил кубок за то, что прошел так далеко. По школе ураганом пронеслась новость, что меня показывали по телевизору, и люди подходили ко мне, и спрашивали: «Ты собираешься быть классным снукеристом?»».

В 14 лет я играл показательный матч со Стивеном Хендри. Его привез парень по имени Джон Кэрролл, который и сейчас водит его машину. Джон работает на снукерного менеджера Йена Дойла, возит его игроков, привозит им еду, оплачивает счета в гостиницах и разбирает обычные рутинные проблемы, с которыми игроки сталкиваются на турнирах. А когда они не играют – он просто их друг. На этой игре мой отец заговорил с Джоном Кэрроллом и спросил, что его туда привело.

- Я вожу Стивена Хендри, - сказал Джон. – И приглядываю за игроком по имени Ронни О’Салливан.

- О, я его отец.

Они поболтали и оказалось, что Йен Дойл хотел бы заключить со мною контракт, но из-за того, что они знали, что у папы есть собственные деньги, полагал, что я точно не соглашусь. Так что даже не стали предлагать. Вероятно, мне бы предложили стандартный контракт для новичков: машина от спонсора и оплата всех вступительных взносов на турниры, в обмен на 20% от призовых выигрышей на соревнованиях, и 20% внеигровых заработков. Кроме пары появлений на телешоу Большой Брейк или пары показательных матчей на четыре сотни фунтов за вечер, это были совсем небольшие деньги. Для большинства игроков это означало только то, что вам есть, на что жить. Ну а потом – добивайтесь каких-то результатов, и тогда Йен Дойл начинает заключать сделки со спонсорами, и решать повседневные деловые вопросы. Но он считал, что мне все это нужно, потому что у отца было прочное финансовое положение, так что Дойл отступил.

В тот вечер Стивен Хендри, который только что выиграл чемпионат мира, играл с Элисон Фишер, чемпионкой мира среди женщин, пять партий, и по одному фрейму против каждого из шести местных любителей. Когда я играл с ним, он сделал серию в 40 очков, но потом я сравнял. Остался всего один красный шар, я мог бы отыграться и поставить ему снукер. Отец крикнул из толпы: «Бей дабл!» и я ударил. На самом деле, я не хотел играть такой рискованный удар, потому что отчаянно хотел переиграть чемпиона мира. Но я подумал, Стивен Хендри – звезда этого шоу, а я просто ребенок, который играет с ним, и если отец считает, что следует бить дабл, значит, так и надо. Так что я ударил, промахнулся, и он забил все остальные шары.

На этом этапе я обычно делал все, что велел отец, и я понимаю, что за всем, что он говорил, было здравый смысл. Стивен Хендри был чемпионом мира, мне было 14 лет и папа не хотел, чтобы я высывался и перекрывал его. Он просто хотел, чтобы я наслаждался игрой и

забивал шары из уважения к Стивену. Отец ничего не сказал мне в тот вечер, но в глубине я знал, что он гордится тем, что я играл со Стивеном Хендри, и доволен, что Йен Дойл послал Джона Кэрролла, чтобы посмотреть на меня.

Сейчас я тоже даю показательные матчи, со мною играют те, кто хотел бы играть более спокойно, и ставить снукеры, даже несмотря на то, что толпа приходит, чтобы посмотреть, как я забиваю и делаю сенчури. Иногда не можешь забить шар по двадцать минут и это смущает и заставляет скучать зрителей.

Отец в детстве мечтал стать футболистом, но ко времени встречи с мамой забросил эту затею и пытался заработать несколько фунтов в Батлин. Ближе всего он подошел к осуществлению своей спортивной мечты, когда играл в полупрофи футбол после тридцати. Многие из его товарищей по команде были намного моложе и звали его вторым Джорджем Бестом. Я знаю, что ничто не доставило бы ему большей радости, чем если бы я стал профессиональным спортсменом. В некотором смысле, я воплотил его мечту в жизнь.

Глава 3. Трагическая интерлюдия

Крисси Брукс был замечательным парнем. Ему было 16, на пару лет старше меня, и он был моим партнером по парным играм. Из нас получилась грозная команда – практически непобедимая, год за годом мы выигрывали эссекский турнир. Я останавливался у него на выходные и мы вместе ездили на все турниры. Родители Криса, Мэвис и Барри, обычно отвозили нас на соревнования. После турнира чаще всего я возвращался к ним домой или в снукерный клуб, где мы что-нибудь ели, а в воскресенье вечером они отвозили меня к себе. Я на целый уик-энд уезжал с Крисом, так что мы очень сблизились.

Мы прошли юниорские состязания и играли вместе шесть лет. Парная игра – забавная и хитрая штука. Если у вас неподходящий партнер, если вы не можете с ним расслабиться, это

действует на нервы. Но мы с Крисом были идеальной командой, доверяли друг другу и прикрывали друг друга. Если один из нас играл недостаточно активно для получения преимущества – другой это компенсировал. Мы одинаково относились к игре – любили атаковать, и если была возможность забить – забивали.

На самом деле, в сезоне был только один парный турнир, Эссекс Даблз. Но мы выигрывали его три года подряд. Мы были непобедимы. Я часто задумывался, что же делало нас такой хорошей командой, и в конце концов, решил, что это из-за того, что мы были так близки, понимали друг друга и доверяли друг другу. После Криса у меня никогда не было такого партнера. Если честно, я даже не нашел ни кого, с кем просто мог бы играть. Я играл с Джимми, но несмотря на то, что мы хорошие друзья, у нас не получается быть командой.

Мы росли, я становился все более одержимым снукером и победами а он – наоборот. У него была девушка, он уже не тренировался так, как раньше, и не ездил на столько турниров. Однажды у нас состоялась беседа, которая запомнилась мне навсегда. Он только что нашел себе менеджера, который давал ему деньги и оплачивал вступительные взносы. Он сказал мне: «Мне все равно, выиграю я, или проиграю. Я стараюсь только если мои менеджеры смотрят на меня, но ты хочешь выиграть ради победы, потому что любишь играть и ненавидишь проигрывать. У меня этого нет».

Он был прав. Я испытывал голод к победам, и это значило для меня так много, что он сказал, что хотел бы обладать моим отношением к игре. Он всегда был честен, и с собой, и с другими – и был одним из немногих игравших со мною, кто никогда не завидовал. Нельзя быть чемпионом без этого голода и я знаю, что мне повезло, что я такой, как есть. Я никогда не выхожу на матч, думая, что проиграю. Я могу решить, что играю не так хорошо, как надо бы, но все равно не допускаю мысли, что меня победят. Только в последние несколько лет я понял, как важно именно такое отношение. С правильным отношением к игре не нужны выдающиеся способности. Я видел игроков, обладающих всеми талантами мира, которые не обладали этим отношением и не сумели победить. Но те, кто имеет правильный настрой и достойные способности – могут добиться многого.

Посмотрите, например, на Дениса Тэйлора. Он был чемпионом мира, но у него вовсе нет гигантского природного таланта. А вот что у него есть – так это ненависть к поражению. Я помню, как играл с ним в Шеффилде, и он страшно проигрывал. Я подумал: ты оканчиваешь свою карьеру, а я молод и поднимаюсь все выше. Все равно у него был нужный настрой. В Шеффилде два кресла, разделенные подлокотником посередине, и он развалился в них, раскинув ноги, не позволяя мне присесть. Мы называли его Омаром, потому что он всегда так сильно краснеет, когда проигрывает. В то время я думал, что это патетично, но без этого он бы никогда не выиграл ни единого турнира.

Однажды Крис и я играли на турнире в Бирмингеме, нас, как обычно, привезли. Крис уже проиграл, а в моем матче была ничья 1-1. Я сказал Крису: «Только подожди до конца этого фрейма, если я проиграю, то поедем обратно вместе». Я победил и не поехал с ними. Стюарт Риардон, другой снукерист из нашего клуба, был за рулем, с ними поехал еще один парень, Мартин Кэролайн, он играл в соседнем Дебдене. Они разбились.

Они добрались без проблем до Бирмингема, а потом вспомнили, что Мартин забыл свой кий в снукерном клубе в Дебдене, поэтому поспешили туда. Поворот, на котором они разбились, давно пользуется самой дурной славой. Там ограничение до 30 миль в час, но в него не впишешься даже на такой скорости.

На следующий день я должен был играть на другом турнире, но машина не появилась. Я позвонил одному из ребят, и спросил:

- Что такое? Ты же должен был приехать.

- Ты разве не слышал? – сказал он. – Крис и Мартин погибли вчера в автокатастрофе. Стюарт был за рулем, но он остался жив.

До меня никак не доходило.

Я отправился на турнир, все плакали, но я не проронил ни слезинки. Вокруг было столько эмоций, а я только хотел добраться до снукерного стола. Я держал себя в руках, пока не оказался на похоронах, там я и сорвался. Мама, она верит в Бога, сказала мне, что с ним все в порядке и что он получил мир и покой, но я не мог сдержать слез. До похорон я просто не мог принять случившееся, а потом я увидел людей в костюмах, отдающих свой последний долг, и понял, что все это на самом деле. Это был первый раз, когда я осознал, что больше никогда не увижу Крисси.

Глава 4. Отец садится в тюрьму

Я оставил школу, не сдавая выпускных экзаменов. Я и так собирался переходить в профессиональные игроки, но не думал, что это произойдет ТАК. Даже сейчас я отдал бы все на свете, чтобы это изменить.

Думаю, я и так всегда был настоящим профессионалом. В конце концов, я успешно играл на Про-Ам с профессионалами и пару лет ездил по стране. Кроме того, я обзавелся менеджером. И не каким-то, а легендарным Барри Хирном, который также вел дела моего кумира – Стива Дэвиса.

Первый мой разговор с Барри состоялся перед игрой на любительском чемпионате Англии, когда мне было всего 15. На этом турнире я сделал свои первые 147 – и, между прочим, стал самым молодым игроком в истории, набравшим максимум. Несмотря на все те рекорды, которые я побил потом, вроде самого быстрого максимума, за пять минут двадцать секунд – этот, «самый молодой игрок, сделавший 147», по-прежнему является моим любимым. Думаю, он еще долго продержится. Очевидно, это получило широкую огласку. Я как раз тренировался у себя в снукерной, когда отец крикнул мне из дому:

- Тебя к телефону.

- Кто? – спросил я.

- Барри Хирн, - ответил он мне.

Я подумал, что он шутит. С чего это Барри Хирну звонить мне?

- Здравствуй, Рон, - сказал он. – Это Барри. Барри Хирн. Мне нужно сказать тебе две вещи. Первая: выигрывай свой чемпионат в субботу. И вторая: я хочу быть твоим менеджером.

- Ну, ладно, - ответил я. Я бы потрясен. Не знал, что еще сказать. Что делать, когда тебе звонит Барри Хирн? А еще мне было немного грустно. До сих пор моим менеджером был отец и мы всегда были вместе, я и он, но папа целиком и полностью поддержал эту идею. Если я собирался играть профессионально, то мне нужен подходящий менеджер. Барри был именно той кандидатурой.

- Я довел тебя так далеко, как мог, - сказал отец, - а он – самая важная персона в этом деле. Я хочу для тебя только лучшего.

Пару дней спустя пришло время играть финал в любительском чемпионате Англии. Я вышел против парня по имени Стив Джадд, которой только и умел, что забивать – но в тот день он меня попросту вынес. Он выиграл, а я был раздавлен.

После матча ко мне подошел папа, и произнес:

- Выше нос, тут Барри Хирн.

Вот бя, подумал я, и что я ему скажу?

Барри подошел к нам, и сказал:

- Не переживай. Хочешь поехать со мною завтра в Шеффилд?

Пока я играл свой финал, в Крусибле проходили полуфиналы чемпионата мира.

- Да, очень хочу.

Это был тот финал, в котором Джон Пэррот переиграл Джимми Вайта, менеджером которого тоже был Барри. И именно тогда я впервые встретил Джимми и его приятелей.

После того, как Джимми победил в полуфинале Стива Дэвиса, Барри поехал прямо сюда, чтобы посмотреть, как я играю в финале. И я подумал, черт, он, должно быть, серьезно. Так и было. Я подписал с ним трехгодичный контракт, а после его окончания – еще один.

Многие говорили, что Барри не заботится об игроках, что он никогда не приезжает ни на один турнир, но меня это устраивало. Я не хотел, чтобы Барри сидел в первом ряду, когда я пытаюсь завоевать свой титул: это было бы просто ненужным давлением для меня. Я предпочитал быть сам, только с моим другом Делом для компании и поддержки. Барри Хирн – величайший мастер из всех, кого я когда-либо встречал в жизни. Он искренний, целеустремленный, называет вещи своими именами, и не тратит время попусту.

Но несмотря ни на что, отец по-прежнему оставался для меня номером первым.

Все изменилось, когда меня стали приглашать на турниры и показательные, что помогало мне приобрести нужный опыт. В частности, я начал путешествовать по миру, и несколько месяцев спустя уже играл на любительском чемпионате мира в Тайланде. Мне позвонила

мама, среди ночи, так что я понял, что случилось что-то серьезное.

- Я должна тебе кое-что сказать, - произнесла она. – Но я не хочу, чтобы ты что-то сделал, все в порядке.

- Ладно, что стряслось? Говори же, - потребовал я.

Я понял, что случилось что-то плохое, но даже в самых страшных кошмарах не представлял, насколько это ужасно.

- Отца арестовали, - сказала она. – Он в полиции. Была драка, и кого-то убили.

Я окаменел. Не знал, что говорить, что делать. Я расплакался. Джонни О'Брайен, который по-прежнему присматривал за мной, пока я был в разъездах, забрал трубку из моей руки и заговорил с мамой. Как-то я понял, что он уже знает. Я вспомнил что случилось за неделю до того, как мы приехали в Таиланд... мы были в Амстердаме, играли в соревнованиях. В снукерном клубе зазвонил телефон. Джонни пошел ответить в дальний угол и я понял, что-то стряслось. Но никто ничего не сказал и я забыл обо всем, да настоящего момента.

В то время я выигрывал все; лучше просто не бывало. Но как только я получил новости из дому, пропал. Что самое странное – это почти не задело мой снукер. Я вышел на игру, и едва не сделал максимум – положил тринадцать красных и тринадцать черных, потом промазал по последнему красному и пролетел с Вольво за 20 000 фунтов. Еще две или три игры я был в норме, но потом начал увязать. Ментально я был потерян, разбит и вообще ничего не ощущал.

За неделю до этого в Амстердаме я радовался жизни, в ту самую ночь, когда Джонни принял тот звонок. Я тогда выиграл турнир, повиделся со своим старым другом Крисом Скэнлэном, и мы пошли вместе с Джонни в квартал красных фонарей. А на следующий день отправились домой.

Мы только что переехали, мама носилась по дому, как угорелая, а я над ней подшутил:

- Ну-ну, занятая женщина, все летаешь, - сказал я.

- Умолкни, Ронни, - сказала она. – У меня дела.

Я смеялся, потому что не знал, из-за чего она так суетится.

Через три дня она сказала мне, что Барри хочет, чтоб я поехал в Таиланд немного раньше, чем мы планировали.

- Зачем? – спросил я.

- Ну, телевидение и журналы, они хотят взять у тебя интервью, - ответила она. Она точно знала, чем меня заинтересовать.

Замечательно, подумал я, и улетел на неделю раньше. Но там, разумеется, не было ни телевизионщиков, ни журналистов. Я пробыл там два дня, и все, чем мы занимались – это ходили в клуб и практиковались, что было здорово, но я был единственным снукеристом и никто не собирался брать у меня интервью. Это показалось мне немного странным, но ни за что в жизни не подумал бы, что мама сочинила эту историю, чтобы убрать меня из страны.

Еще три дня после маминого звонка я держался, но потом провалился. Все, о чем я мог

думать – это выиграть турнир ради папы. Так я пытался совладать с этим. Наверное, я думал, что если выиграю этот турнир, если выиграю все на свете – это как-то изменит ситуацию для него. Я знал, как сильно он меня любит, как гордится, как радуется моим успехам в снукере. А еще я знал, что он понимает, насколько я хорош, чего могу достигнуть, и что если я этого не достигну – он расстроится и будет чувствовать себя виноватым. Я не мог допустить этого, ведь он всегда меня поддерживал. Это был мой способ отплатить ему, чтобы он был счастлив – добиться успеха в снукере.

Если это звучит так, словно я держал себя в руках – так вот, ничего подобного. Я был в полной прострации, хотел увидеть родителей, но не мог вернуться. На игре с валлийцем Дэвидом Беллом моя концентрация была настолько плоха, что мне пришлось бросить на пол монетку и разглядывать её, пытаясь собраться с мыслями. Раньше ничего такого не было, но я подумал, это лучше, чем просто смотреть в пол. Я был как в тумане, тарасился и тарасился на эту монетку, но ничего не мог сделать. Дэвид победил меня 4-3 и я плакал, проиграв. Такого со мною никогда раньше тоже не случилось.

Потом мне пришло в голову, что мама и Барри отослали меня в Таиланд, потому что думали, к тому времени, как я вернусь, папа уже будет дома, все проблемы решатся, и вообще – это все окажется ужасной ошибкой, о которой мне вовсе не нужно знать. Потом Барри сказал маме: «Это серьезно. Думаю, тебе стоит позвонить Ронни и рассказать, что происходит».

Все время, что я провел в Таиланде, я чувствовал, что-то не так между мною и Джонни. Он относился ко мне не так, как раньше. Позже я узнал, что его брата арестовали вместе с папой, хотя потом оказалось, что только за драку. Наверное, Джонни просто не знал, как мне было больно, но он ни разу не предложил мне поддержку. В конце концов, я перестал с ним разговаривать и не мог даже на него посмотреть.

После проигрыша я запустил кием в стену отеля и опять расплакался. Потом позвонил маме:

- Я его подвел, я подвел его, - выдавил я.

- Ты никого не подвел, - ответила она. – Мы тебя любим, и с папой все будет хорошо. Главное, чтобы с тобой был порядок. Садись на самолет, лети домой и мы пойдем навестить папу.

Это было все, чего я хотел: увидеть отца.

- Заканчивай то, что должен, - сказала мама, - мы заберем тебя в аэропорту и поедем вместе.

Водитель Барри Хирна, Роббо, привез маму в аэропорт. Затем мы сразу отправились в тюрьму: наш шикарный лимузин припарковался прямо перед воротами Брикстонской тюрьмы! Я ни разу в жизни не был в тюрьме и это было шоком. Я поверить не мог, что папа там застрял. Как только я увидел его, то подумал: «Это не мой отец!». На нем была тюремная роба и он выглядел каким-то грубым, потому что он сидел в камере уже две недели. Он плохо питался, побледнел. Отец всегда был таким счастливым, оптимистом, но здесь он выглядел как любой другой заключенный, номер такой-то.

Я схватил его за плечи и сказал: «Мы тебя отсюда вытащим, вытащим...». Я плакал, и по его щеке тоже сбежала слезинка. Никогда раньше не видел, чтобы он плакал.

«Ничего страшного, - сказал он. – Я сейчас здесь. А ты просто сосредоточься и старайся, для мамы. С мамой все нормально, и со мною тоже, не переживай обо мне. Навещай меня, пиши мне, а я буду писать тебе».

Меня это просто убило. Даже сейчас при мысли об этом мне становится не по себе. Кажется, это было вчера.

Нам разрешили свидание только на двадцать минут. «Ну ладно, поцелуй меня, и обними», сказал отец. Я плакал, он махал рукой на прощание, и это было невыносимо.

После этого визита мы поехали прямо ко мне в школу. Я увидел миссис Эббот, завуча, и она уже знала, что случилось – наверное, мама ей сообщила.

Мама сказала ей: «Он будет отсутствовать некоторое время. Ронни не будет ходить в школу».

«Хорошо, - сказала та. – Мы знаем, что вы сейчас переживаете. Но через некоторое время все решится».

И это было все. Я больше не вернулся в школу, успев прочитаться половину первого семестра выпускного класса.

Вскоре после того, как я оставил школу, у меня появилась первая настоящая девушка, Пиппа, та самая, с которой меня когда-то пытался свести Роберт Чэпмен в Хастингсе и на которую я даже не осмеливался взглянуть. Мы встретились в снукерном клубе, вечером в четверг, вскоре после того, как обвинили отца. Я увидел её впервые с тех жарких времен, когда мне было 10 лет.

Я отвез её домой и сказал: «Я в субботу лечу в Бельгию, хочешь со мной?» И даже не поцеловал. Она сказала да, и я подумал: наверное, это то самое. Мы прилетели в Бельгию, и в машине по пути в отель я её обнял и поцеловал. С минуты прибытия в отель, я вылезал из постели только ради снукера. Это был лучший уик-энд из всех мои уик-эндов, я выиграл турнир и тысячу фунтов!

Примерно к шести вечера я едва стоял на ногах, потому что спать мне почти не приходилось, но к часу ночи возвращался к жизни. Как летучая мышь. И демонстрировал свой лучший снукер. В одном из матчей я играл против чемпиона Бельгии, Стива Лемигса. Его менеджер владел клубом, игру показывали по телевизору, около шести сотен зрителей в зале, и почти все они хотели, чтобы меня разбили. Пиппа тоже была там, сидела в заднем ряду, а я просто ловил кайф от осознания, что она смотрит на меня. Мне все нравилось: неудачник, аутсайдер, и моя девушка смотрит на это. Идеально. Я выиграл 4-3.

Кроме Пиппы, вероятно, единственным, кто желал мне победы, была моя большая бельгийская поклонница, низенькая молодая женщина, почти лилипутка, которая пришла на игру с парой своих друзей. Потом, когда я стал профессионалом, то каждый раз, когда я играл в Бельгии, она сидела в первом ряду и всегда дарила мне маленькие подарки. Я её никогда не забуду, потому что она была такой преданной – и если я проигрывал, на её лице можно было увидеть грусть.

Хотя я и выиграл в Бельгии, как только у нас с Пиппой все стало серьезно, я начал проигрывать. Не побеждал даже в матчах Про-Ам. Я валял дурака примерно месяцев пять, думая больше о ней, чем о снукере, когда в феврале 1992-го из тюрьмы выпустили под залог отца. Я был в снукерном клубе, куда мне позвонила мама. Она обзванивала всех, кого знала, и спрашивала, могут ли они внести залог за отца. Была пятница, и если бы мы не прибыли в тюрьму вовремя, папе бы пришлось остаться там на весь уик-энд. Поэтому все суетились и складывали свои деньги. Сумма залога составила полмиллиона фунтов.

Семья моего старого приятеля по снукеру Роберта Чэпмена, показала себя с самой лучшей

стороны. Мои родители и его постоянно говорили друг с другом по телефону, потому что или Роберт был у меня дома, или я у него, но, что удивительно – они никогда не встречались, даже несмотря на то, что мы дружили долгие годы. Мама впервые встретила с его родителями после того, как отца обвинили. Рэй, отец Роберта, внес залог, а Энджи, его мать, присматривала за моей сестрой, когда позже в тюрьму посадили маму. Но это уже другая история.

Майкл Лич, один из моих приятелей по Лидсу, который заехал ко мне с визитом, подвез меня до тюрьмы. У ворот стояло десятка три человек, ворота открылись, и папа просто там стоял, такой худой... Он нес в руках деревянную коробку со всеми нашими письмами и мелочами, которые он сохранил. Все радостно закричали. Мы поспешили к нему, он крепко обнял маму, я просто стоял рядом и смотрел. Потом он обнял и меня, и я стиснул его в ответ.

В машине по пути домой я первый раз за шесть месяцев увидел маму и папу вместе и подумал: все будет хорошо. Мы опять семья.

Дом был набит людьми, почти сорок человек, мы были на ногах до часу ночи. Я весь вымотался и сказал папе, что должен поспать, потому что утром у меня турнир в Уикфорде – небольшой, Про-Ам, тридцать участников и четыре сотни фунтов победителю. В восемь утра он зашел ко мне в спальню, такой опрятный, аккуратный. Он принял душ и переоделся в свою старую одежду, а я смотрел на него, думая: черт подери, папа, ты же никогда не вылезал из кровати раньше полудня. Он сказал мне накануне, что разбудит меня. «Ты уверен? - спросил я. Просто ты обычно не великий умелец рано вставать». Но после шести месяцев в тюрьме у него уже не было проблем с ранними подъемами.

- Давай, - сказал он, - мы едем в Уикфорд.

Мы ехали туда на его голубом Мерседесе. Звучала музыка – “Потерянный Парень” Дикона Блю. Когда она заиграла, я заметил, как по щеке отца скатилась еще одна слезинка. Он не хотел, чтобы я это видел, поэтому быстро смахнул, но меня все равно дернуло.

Когда он зашел, все удивились. Его все знали, и большинство было с ним куда дружелюбнее, чем со мною, потому что у него был такой сильный характер. Все были очень рады увидеться с ним.

Я был выжат как лимон, но играл на чистом адреналине. Во время полуфинала папа сказал, что ему придется пропустить финал, потому что он должен пойти отметить в полицейском управлении. Я чувствовал себя ужасно, потому что знал, что ему очень не хочется уходить.

В финале я переиграл Марка Кинга со счетом 4-1, сделав пару сенчури и брейк в 80 очков. Впервые за многие месяцы я продемонстрировал великолепный снукер. Вдруг как-то все сложилось.

Как-то во время своего пребывания на поруках, отец усадил меня перед собой, и сказал:

- Ладно, ты не хочешь возвращаться в школу, так?

- Так, - сказал я.

- Хорошо, если ты бросаешь школу, ты должен делать, что я говорю. Это означает, подъем в девять утра, трехмильная пробежка каждый день, потом в снукерный клуб, там практикуешься, домой на обед, и в десять часов – чтоб был в кровати. Или возвращаешься в школу.

- Снукер, - сказал я. Но я по-прежнему валял дурака и встречался с Пиппой.

- Слушай, - сказал отец, - ты или хочешь добиться успеха, или не хочешь. Ты должен сделать выбор между Пиппой и снукером.

Тут я взорвался.

- Я её люблю! – крикнул я. – К черту снукер. Я буду делать что хочу, и когда хочу.

- ОК, - согласился он. – Я звоню Барри Хирну и говорю, что тебя не интересует снукер. И что ты не собираешься в июне переходить в профессионалы.

- Ага, вперед, - сказал я, - а я позвоню Йену Дойлу. Он будет моим менеджером. Да любой будет моим менеджером.

Мама сидела вместе с отцом и мы два часа спорили. Я думал: пусть говорят, что хотят, но они никогда не будут приказывать мне. Я бунтовал и бунтовал. А отец ненавидел сам факт моего безделья. Он думал, что я почти готов бросить все. В конце концов, я выбежал из комнаты.

Некоторое время спустя отец подошел ко мне и крепко обнял.

- Я безумно тебя люблю, - сказал он.

- И я тоже тебя люблю, - ответил я.

- Да, и мы решим все вместе. Мы же команда, да?

Вот и все. Мы выпустили пар и все стало на свои места. Я по-прежнему встречаюсь с Пиппой, но становлюсь профессиональным снукеристом. Если ей это не понравится, паршиво. Но она сказала, что не возражает. Это я делал из-за всего проблему. Вероятно, мне было стыдно сказать Пиппе, что я все еще делаю то, что мне велит отец. В конце концов, мне было 16 и я думал, что должен быть мужчиной, отстаивать свое и говорить папе, что буду встречаться, с кем хочу.

Я опять стал много практиковаться и игра возвращалась. В июне я отправился в Норбек Касл, в Блэкпул, играть квалификацию на чемпионат мира. Моим наставником по-прежнему был Джонни О'Брайен и мы неплохо ладили. Папа уже несколько месяцев был на поруках, он привел меня в форму. Я все еще встречался с Пиппой, но знал, что буду отсутствовать как минимум три месяца. Хотя, если проиграю несколько матчей, то получу шанс побывать дома три или четыре раза, за все три с половиной месяца в Блэкпуле. Как оказалось впоследствии, возможность отправиться домой раньше у меня появилась только один раз, после первой недели. Я сыграл шесть матчей, прошел квалификацию и отправился домой. Но Пиппе не понравилось мое отсутствие и когда я вернулся в Блэкпул, она позвонила мне и сказала, что между нами все кончено.

- Слушай, я приеду домой, и мы обо всем поговорим, - сказал я.

- Не стоит беспокоиться, - ответила она, и положила трубку.

Я отправился в кровать полностью опустошенным.

К тому времени, как я прошел четверть пути в квалификации, отцу слегка смягчили ограничения. Он должен был отмечаться в полиции дважды в день и он спросил, можно ли

ему будет пару недель отмечаться в Блэкпуле. Ему разрешили, поэтому он приехал ко мне вместе с мамой и моей младшей сестрой, Даниэль.

На следующий день я играл матч, и проигрывал 3-0. Перед перерывом я отвоевал один фрейм, и счет стал 3-1. Когда я подошел к отцу, он спросил:

- С тобой все в порядке?

- Нет, - ответил я. – Кое-что случилось.

- В чем дело?

- Я и Пиппа. У нас все кончено.

- И это все?

Я кивнул.

- Не беспокойся об этом. Забудь о ней. У тебя будет уйма женщин. Просто иди туда, играй в снукер, и через пару лет они будут бегать за тобой толпами. Первая любовь!

- Да, ты прав, - сказал я, хотя думал иначе.

Я вернулся и выиграл матч, 5-3. И с этого мгновения больше никогда даже не думал об этом.

Если б отца там не было, я бы точно проиграл. Пришлось бы возвращаться в Лондон и пытаться спасти отношения. Позже я узнал, что Пиппа встретила другого, но, полагаю, этого и следовало ожидать – меня не было шесть недель, и, скорее всего, не было бы еще шесть.

В Блэкпуле я дал интервью газете «Сан», рассказал журналисту, что проходил отбор в Тоттенхэм, но на самом деле меня это не особо интересовало, из-за того, что посвятил себя снукеру. Это была не совсем правда – я никогда не был достаточно хорош, чтобы стать футболистом. Потом я сказал, что дал отставку своей девушке, потому что это мешало игре. И все оказалось напечатано черным по белому в «Сан». Примерно год спустя Пиппа позвонила мне и сказала:

- Что за фигня там была в «Сан»? Ты дал мне отставку?

- Да, - ответил я, - я думал, что так отомщу тебе.

- Я сидела на пляже с приятелями, в Тенерифе, читала эту статью, в которой говорилось, что ты сделал то и сделал это, и думала, «Вот лживый ублюдок».

- Значит, я тебе отомстил, так? – сказал я.

Мы посмеялись вместе, и даже несколько раз встретились, но к тому времени все уже закончилось.

Я верю, что вещи случаются не просто так и тебе предназначено судьбой сделать то, что должно. Я только-только вернул свою форму, благодаря тому, что отец вышел под залог и привел меня в чувство. Думаю, если бы не это, я очень быстро скатился бы вниз. Не выиграл бы столько матчей, прошел квалификацию только на один из двух турниров и вернулся бы в снукер только в будущем году, в еще более расстроенном состоянии ума. Как игроку мне пришлось бы начинать с нуля; возможно, я по-прежнему попытался бы наладить отношения

с Пиппой. С тех пор у меня время от времени были отношения, которые я пытался удержать, и это всегда влияло на мою игру.

Я добился такого успеха в тот свой первый профессиональный сезон, 1992-93, что передвинулся с 300-го места в мировом рейтинге на 57-е. Я выиграл 74 из 76 матчей, это был рекорд. Только к этому я тогда стремился – рекорды. Каждый раз я думал, какой будет следующий?

Я побил рекорд Стивена Хендри по количеству подряд выигранных матчей. Ладно, не против топовых игроков-профессионалов, но тридцать-восемь матчей подряд – это несколько выше среднего. Еще я побил рекорд самого быстрого матча, в Блэкпуле выиграв 5-0 за 43 минуты. За полчаса игры я вышел вперед 4-0, и никто не верил, что я даже брал перерыв. Вернувшись за стол, я мгновенно сделал серию в 70 очков, но мой противник не сдался. Чем дальше шла игра, тем меньше у меня оставалось шансов побить рекорд Тони Драго, но с этим я уже ничего не мог поделать: он просто продолжал играть. Это было кульминацией. Я был впереди на 80 очков, на столе оставалось 59, так что ему было нужно 5 или 6 снукеров, и мне больше всего хотелось сказать ему: «Да бросай кий, тебе не выиграть, а ты разрушаешь любую возможность рекорда!» В конце концов я побил рекорд Драго.

Я определенно очень шустро передвигался у стола и примерно в это время Алан Хьюз, снукерный МС, сказал:

- Ронни, я должен дать тебе прозвище.

- Хватит и просто Ронни, - ответил я.

- Нет, у нас уже есть Вихрь, и есть Ураган. Я хочу назвать тебя Ракетой!

- Смеешься, да? – сказал я. – Ты не можешь называть меня Ракетой. Это банально.

- Нет, - возразил он, - тебе это идеально подходит. А когда ты будешь играть по-настоящему классно, я буду звать тебя Горячей Ракетой!

Прозвище, разумеется, прилипло. Полагаю, оно очень даже подошло, когда я делал самый быстрый максимум в истории на чемпионате мира 1997 года – 5 минут 20 секунд. Даже я понятия не имею, как мне удалось играть настолько быстро, да я никогда с тех пор и близко не подходил к этому. Просто глупая скорость, вряд ли её когда-либо превзойдут. Горячая – это было точно!

Папа был там, где и должен, когда он приехал ко мне в Блэкпул, а я пытался пройти квалификацию на свой первый чемпионат мира. И хотя то, что с ним случилось, было ужасно, и то, что он сделал – тоже ужасно, сейчас я стараюсь смотреть на это позитивно. Это сделало меня тем, кто я есть, и его – тем, кем он есть, и надеюсь, что когда он выйдет из тюрьмы, он поймет, кто его настоящие друзья и кто достоин доверия. Думаю, одной из его проблем было то, что он был слишком щедрым и слишком доверчивым.

Когда он вышел под залог и все гости радовались его возвращению домой, один из них попросил его одолжить довольно солидную сумму денег. После осуждения он больше никогда не видел того типа. А он по-прежнему должен папе деньги. Надеюсь, когда отец выйдет из тюрьмы, он вспомнит, кто его обманывал и говорил, что мама не сумеет сама управиться со всеми делами. Слишком многие хотели быть рядом с отцом, потому что он так любил тратить деньги. Мама отбрасывала фальшивых друзей, все те годы, пока папы не было рядом, и сейчас она считает настоящими только Энджи и Рэя Чэпменов, на которых можно положиться если все на самом деле паршиво.

Я все еще был в Блэкпуле, но папе пришлось вернуться назад на юг, вот-вот должен был начаться суд. У меня было три дня между матчами и я помчался в Лондон, чтобы повидаться с ним. Домой я попал приблизительно к часу ночи и, должно быть, вытащил его из кровати. Он спустился по лестнице и выглядел просто ужасно. Я никогда раньше не видел, чтобы у папы была лихорадка, но сейчас его лицо было покрыто сыпью. Наверное, это было из-за стресса, но он никогда не выпускал наружу того, что переживал. Те несколько раз, что он упомянул, он просто говорил, «Я вернусь домой. Я невиновен и я вернусь домой». Но лихорадка его рассказала другое.

Мама тоже не особо говорила о суде. Как и многие другие семьи, мы никогда не имели привычки много говорить о чем-либо дома. Мы часто закрывали темы, которые надо было бы обсудить. Нам казалось, что нельзя проявлять слабость, даже допускать это. Нашей жизненной философией всегда было: «Нужно быть позитивным и двигаться вперед». Сейчас я думаю, что это неправильно. Да, нужно двигаться вперед, повернуть часы назад невозможно, но были вещи, которые нам следовало бы обсудить, а мы их просто заткнули пробкой. Мы не были готовы к тому, что папе придется покинуть нас. Он никогда не усаживал меня рядом с собой и не говорил: «Послушай, возможно, меня не будет здесь двадцать лет. Как ты собираешься с этим справляться?» Он был так уверен, что его не осудят, что даже приобрел еще один магазин во время суда. Недавно он сказал мне: «Это был хороший шаг!»

«Что ты имеешь в виду, хороший шаг? – спросил я. – Хороший шаг был бы, если б ты вернулся домой».

«Нет, - возразил он. – Разобраться с тем магазином было очень важно. На середине судебного процесса кое-кто зашел, кивнул мне, и я купил магазин на Брюэр Стрит, и это был отличный магазин. Это помогало матери, пока меня не было рядом. Кусок хлеба».

Он никогда не думал о себе: просто хотел удостовериться, что в финансовом плане все в порядке. Но мы не были готовы к тому, что могло случиться; мы всегда решали проблемы уже после того, как они случались. В значительной мере, это и сейчас точно так же.

20 сентября 1992 года, проведя три с половиной месяца в Блэкпуле, я переиграл Марка Джонсона-Аллена, чтобы пройти квалификацию на чемпионат мира будущего года. На следующий день я вернулся в Лондон. Папа был в тюрьме и судебный процесс уже начался в Старом Бэйли. Вообще-то, он уже заканчивался: защита и обвинение подвели итоги и после трех недель слушанья дела присяжные удалились на совещание.

Я сидел в доме деда с ним и его приятелем Алфи и ожидал вердикта. Когда вошла моя тетка Барбара, я понял по выражению её лица, что новости плохие. Они признали отца виновным в убийстве и судья приговорил его к заключению на восемнадцать лет, что было на шесть лет больше, чем обычно. В своем итоговом выступлении судья упомянул «расовый подтекст», думаю, именно из-за этого он и добавил лишних шесть лет. А вот как он решил, что отец был расистом, я никогда не пойму. Он так ошибся! Пап вырос в Хэрни, среди черных ребят и черных друзей у него было больше, чем белых. Обвинение в расизме было для него почти так же ужасно, как и в убийстве. Не только потому, что оно неправдиво, но ему здорово досталось в тюрьме, прежде чем другие заключенные выяснили правду. Комментарии судьи его просто взбесили: на него навесили ярлык расиста, к которым в тюрьме относятся так же, как к насильникам и педофилам.

Прошло много времени, прежде чем я узнал, что же случилось тогда: как произошла драка в ночном клубе, и про спор из-за счета. Папа с его приятелем спорили, кому оплачивать счет. Потом двое черных парней, братья, которых в тот вечер нанял Чарли Крей, неправильно все

поняли и решили, что папа и его друг не собирались платить вообще. Началась ссора. Папа сказал «Давай поговорим» и обошел стойку, где один из братьев поднял пепельницу и хотел ударить отца по голове. Пап поднял руку, пепельница разбилась, пострадали два его пальца. Другой парень схватил бутылку шампанского и разбил её о папину голову. Тогда отец подобрал нож, который лежал на барной стойке, и так все и случилось.

Папа четыре дня провел в больнице. Полиция хотела заключить его под стражу еще раньше, но воспротивилась медсестра. Когда отца в конце концов арестовали, он так и не признал, что заколол того парня. Это было глупо. Ему следовало просто согласиться, признаться и сказать, что это было актом самообороны. Но его ужаснуло то, что он оказался в тюрьме.

Мысль о том, что это убийство, не говоря уже об убийстве на почве расизма, даже не приходила в голову. Прокурор ни разу не заявил, что оно было расистски мотивировано, но каким-то образом, в своей бесконечной мудрости, судья решил, что если чернокожего человека убил белый, то это обязательно из-за цвета его кожи. Некоторые выдающиеся чернокожие, например Наджел Бенн, как и чернокожие папины приятели, предлагали засвидетельствовать в суде, что папа не расист. Один из них, Винс, он негр, парикмахер, и папа крестный отец его дочери. (Сейчас папа посылает всех своих чернокожих приятелей из тюрьмы, когда они выходят на свободу, к Винсу, чтобы он им сделал хорошую прическу). Все они говорили, что хотят дать показания, но папа был слишком гордым, чтобы принять их помощь.

Многие его чернокожие друзья приходят сейчас ко мне и говорят: «Это чушь. Твой отец не расист. Да во всем его теле нет ни единой косточки расиста». Тюремная Служба пыталась сделать отбывание срока особо тяжелым для папы, отправив его в тюрьму, в которой было полно чернокожих заключенных. Сначала ему было трудно, но вскоре все поняли, что Ронни О'Салливан старший – хороший человек. Его любят.

Но даже сейчас ко мне приходят чернокожие, обвиняют папу в расизме и хотят отыграться на мне. Как мне объяснить тому, кто разъярен и знает, что сказал судья, что отец – не тот, кого из него сделали?

Возможно, папино крушение произошло и потому, что он за весь суд не произнес ни слова. Каждый раз, когда его о чем-то спрашивали полицейские, он отвечал: «Без комментариев, без комментариев, без комментариев». Для меня это не было удивительно, потому что когда я был ребенком, он велел мне: если меня когда-либо будет о чем-то спрашивать полиция, я должен держать рот на замке. (Однажды полицейские пришли к нам в школу. Офицер спросил, как меня зовут, и я ответил: «Без комментариев». И не мог понять, почему все смеются). Он был убежден в своей правоте, только это было не так. В суде все выглядело, будто бы ему есть, что скрывать. Конечно, можно говорить о праве на молчание, как он делал в те времена, только все не так просто.

Да, он имел право ничего не говорить, но судья и присяжные также имели право интерпретировать это как признание вины, как они обычно и делают. Это было худшим, что он мог сделать. Здравый смысл советовал, что ему нужно было встать и сказать: «Слушайте, на меня напали, он первым меня ударил и мне пришлось ударить в ответ. К несчастью, я зашел слишком далеко и убил человека». Но он не произнес ни слова и это оказалось катастрофой.

Сейчас он знает, что ошибался. Но время не вернуть назад. Иногда я «проигрываю» в голове судебный процесс и представляю, что на это раз отец все рассказывает присяжным; он доказывает, что не расист, и что то, что он сделал, было актом самообороны.

После суда помощница папиного адвоката сказала мне: «Твой отец – один из самых сильных

людей, с кем меня когда-либо сводила профессия». Еще она рассказала мне, что папа сказал ей: «Я только хочу, чтобы вы передали моему мальчику две вещи: что я люблю его, и что он должен идти и побеждать». Он не проронил ни слезинки. «Поверить не могу, насколько он сильный человек. Я в этой профессии уже много лет, и никогда не видела ни в ком такой храбрости», - сказала она мне.

Мама рассказала, что когда его признали виновным, он послал ей воздушный поцелуй, сказал «Я люблю тебя» и больше не показал ни единой эмоции. Когда я услышал это, то просто ослабел.

Я все еще ношу в себе все то, что о нем говорят. Я знаю, что папа сильный человек и, в некотором смысле, я бы хотел, чтобы это было не так, потому что это сделало бы мою жизнь гораздо легче. От того, как он разбирается со своими ошибками, мне не по себе – это заставляет меня думать, что и я должен уметь это. Как ему удастся так хорошо справляться со всем, когда я не могу разобраться даже в своей жизни?

Папа уже подал одну апелляцию, чтобы его приговор был пересмотрен, но мы все еще сражаемся, чтобы доказать, что даже если мы признаем, что это было убийство, а мы этого не признаем, он не должен отбывать больше, чем обычный срок – особенно при том, что он был образцовым заключенным. Мы говорим, что восемнадцать лет за убийство человека в драке – это слишком превышает обычный срок. Иногда мне кажется, что он получил такой суровый приговор из-за того, что он был моим отцом, а я был знаменит, и еще – потому что его бизнесом были секс-шопы.

Глава 5. Теряя маму

Шел 1993 год, папа за решеткой, и жизнь была в лучшем случае сложной, а в худшем – полным дерьмом. Несмотря на все те ужасные вещи, что случились в 1992-м, это во многих отношениях был мой золотой год: побитые рекорды, 38 выигранных матчей подряд, причем в 22 случаях я громил противника всухую 5-0, папа выходил под залог и видел, как я побеждаю игрока за игроком в Блэкуле.

Но теперь он был в тюрьме, отбывал срок, а я чувствовал огромную потерю. Отец всегда играл важнейшую роль в моей жизни. Он поддерживал меня, веселил, отчитывал, когда я делал что-то не так, и по-прежнему старался как мог, даже при том, где он находился, но это было не то же самое. Я чувствовал себя уязвимым, и был не в ладах с самим собой.

Я намеревался относиться с уважением к собственному телу и заботиться о нем, как и следует профессиональному спортсмену. Я записался в спортивный зал, каждый день бегал, старался есть здоровую пищу, не пить и не курить. Но это было нелегко. Я знал, что немного выпив, становлюсь более расслабленным, особенно в компании.

Мне было всего 17, но я беспокоился, что мой снукер уже достиг своего пика и я начну опускаться. Каким-то образом, в 1992-м, я инстинктивно ощущал, что каждый мой удар и каждое мое решение были правильными. Но теперь мне казалось, что за все нужно отчаянно бороться.

Тем не менее, для внешнего мира я выглядел совершенной этому противоположностью. В 1992-м никто в мире вне снукера не знал моего имени, но к концу 1993-го я становился знаменитостью, обо мне говорили как о новом любимце публики, наследнике Алекса «Урагана» Хиггинса и Джимми «Вихря» Вайта. У меня уже было имя и была репутация. И

хотя я знал, что играю и близко не так хорошо, как мог бы, этого хватало для того, чтобы я ракетой взлетел в рейтингах. И, как считал весь мир, у меня был только один путь: вперед.

В ноябре 1993 года я вышел в финал чемпионата Великобритании в Гилд Холле в Престоне. Мне было 17 лет и 11 месяцев и я играл со Стивеном Хендри, беспорным номером первым в мире, в финале! Это был один из тех матчей, когда все сходилось. Я снова играл на инстинктах, как в Блэкпуле. В первом фрейме Стивен сделал серию в 44 очка, потом ему не повезло с парой ударов и я доиграл фрейм серией в 78 очков. Во втором фрейме он тоже повел, но после его начальных 23-х очков я сделал 103. Стивен ответил брейком в 132, и потом – в 73 очка, сравнив счет 2-2, а потом я взял все следующие четыре фрейма. Дальше игра успокоилась, и я сделал брейки в 62, 73 и, в конце – 85 очков. Я победил Стивена Хендри со счетом 10-6 и выиграл семьдесят тысяч. До моего 18-летия оставалась неделя и у меня было семьдесят тысяч! Я поверить в это не мог. Интересно, подумал я, может, мне позвонит мой старый школьный учитель и попросит меня принести чек в школу, чтобы показать его другу.

Это был настоящий кайф, я только думал, что хочу еще больше всего этого: невероятное ощущение от битком набитого зала, пот от напряжения, почти все болеют за меня. Я победил в одном турнире Стива Дэвиса и Стивена Хендри, двух величайших игроков в истории снукера и находился в состоянии блаженного шока. Я даже «подрезал» девять месяцев от рекорда Стивена Хендри, став самым молодым игроком, когда-либо выигрывавшим рейтинговый турнир.

Внезапно я оказался на страницах газет. Казалось, что каждый очерк начинается статистикой моей жизни: первый сенчури брейк в 10 лет, первые 147 – в 15, 38 выигранных матчей подряд и так далее. Только когда я прочел все это, я начал понимать, чего же я достиг.

Клайв Эвертон написал статью, в которой говорил о моих «уверенности, легкости и бесстрашии», и сказал, что я являю собой образец преданности своему виду спорта. Я был польщен, хотя и не был уверен, правдиво ли это. С одной стороны, конечно – да. Я действительно практиковался и практиковался, день-деньской, с утра и до позднего вечера, и действительно был относительно бесстрашен у стола. Я поднялся с 57-й позиции в рейтингах, войдя в топ-16, что значило, что я автоматически квалифицируюсь на все основные турниры.

Сразу после финала Клайв спросил меня, что собираюсь делать, выиграв чемпионат Великобритании. Я ухмыльнулся и сказал ему, что собираюсь завтра с кубком навестить папу и провести с ним лучшие два часа моей жизни. На следующий день мы с отцом чудесно провели время. Он гордился мною и не боялся это сказать.

Статья Клайва также описывала меня как «дружелюбного, жизнерадостного и удивительно сдержанного человека» и это меня здорово насмешило. Опять же, в некотором смысле, это было правдой: когда мне было хорошо, я был дружелюбным и жизнерадостным. Но уже случилось, что вдали от стола я чувствовал себя разбитым на куски.

Для начала, я хотел, чтобы отец вернулся. И во-вторых, хотя я и мечтал, чтобы настало то время, когда в клубах ко мне будут подходить незнакомки, узнавать меня и заводить разговор, когда это на самом деле случилось, оказалось, что все не так просто. Я ощущал такое же стеснение и неловкость, как и всегда, если только не перед этим не выпивал.

Пять месяцев спустя, в апреле 1994-го, я выиграл Бритиш Оупен в Плимут Павильонз. В финале я разгромил Джеймса Ваттану, 9-4, и это был мой второй крупный титул в сезоне. Только Стивен Хендри и Стив Дэвис выиграли в том сезоне больше одного титула и обо мне

говорили так же, как о них.

Мировой рейтинг основывается на результатах предыдущего сезона, которые суммируются с текущими, что значило, если я покажу достойную игру, то на следующий год стану третьим в мировом рейтинге. С тридцатью-шестью тысячами с Бритиш Оупен я довел свои призовые заработки за сезон до 165 тысяч фунтов. На эти деньги можно было бы нормально жить пять лет, но теперь я играл в другой лиге. Я купил последнюю модель БМВ. Это был первый раз, когда я действительно радовался денежному выигрышу – когда я был ребенком, я никогда особо не думал о деньгах, которые выигрывал и, честно говоря, они никогда не стояли для меня на первом месте. Другое дело – кубки, трофеи и слава.

Люди начали делать ставки на то, когда я выиграю свой первый чемпионат мира. Барри Хирн говорил всем, что это вопрос не «если», а «когда». Он думал, что это случится в этом же году. Даже Йен Дойл, который отказался подписывать со мною контракт, говорил почти то же самое, только он считал, что это произойдет через пару лет.

Каждый раз, когда я давал интервью, меня спрашивали об отце. Я рассказал репортерам, как мы были близки, как он вдохновлял меня, и что он не был плохим человеком, несмотря на то, что случилось. Отец учил меня, как говорить, и я старался изо всех сил. Я рассказал журналистам, что не собираюсь жалеть себя только из-за того, что папа далеко, что я достаточно взрослый, чтобы самому за собой присматривать, это в точности были папины слова. Время от времени я думал, что начинаю говорить точно как он. Я рассказал прессе, что отец в тюрьме, осужден и отбывает срок, и что он собрался принять это как мужчина, а не рыдать, как ребенок, и что я тоже не собираюсь терять голову из-за того, где он находится. Отец говорил мне, что если я хочу, чтобы он мною гордился, я должен держать голову высоко поднятой, двигаться вперед и делать то, что я умею, как можно лучше, быть послом спорта. И это я говорил, когда меня спрашивали.

Журналистов, казалось, удивляет, что я так говорю об отце. Не знаю, может они ожидали, что я буду отрицать, что он в тюрьме, или постараюсь от него откреститься. Их поражало, когда я говорил им, что он собирался вести мой Фан-клуб, и что можно писать на адрес: Ронни О'Салливану Старшему, D-wing, Вормвуд Скрабс. Я не понимал, что в этом такого странного. По крайней мере, вряд ли поклонники забудут адрес.

Мои слова звучали так уверенно, когда я говорил с журналистами. Но в большинстве своем это было только внешне. Все было наоборот. Я рыдал как ребенок и начинал ломаться.

Разумеется, я не выиграл чемпионат мира в тот год. И в последующие годы – тоже. Я пробился в одну восьмую, и меня разбил 13-3 Джон Пэррот. Зато я был признан Лучшим Молодым Игроком 1993 года, и далее – Игроком Года 1994. На бумаге лучше и быть не могло. Все эксперты предсказывали, что я буду доминировать в игре. Но этого не случилось. Тому было много причин, как у стола, так и вне его.

Мне было 18, почти 19, и игра начинала давить на меня. Перед концом сезона я заявил, что серьезно подумываю о том, чтобы оставить снукер, потому что он делает меня несчастным. Казалось, что в нем не осталось ничего общего с той игрой, которую я так любил в детстве, и я даже не приближался к высотам того памятного первого года в Блэкпуле. Я больше не чувствовал при выходе, что автоматически выиграю матч; а если я не чувствую себя лучшим, какой тогда смысл играть вообще?

Все игроки и эксперты говорили, что я это несерьезно, что я буду в игре долгие годы. Но я был серьезен. Каждый раз, когда я думал об уходе из игры, все это было абсолютно серьезно. В конце концов, однако, оказались правы они: я не ушел и остался в игре на долгие годы.

Сразу после того, как отцу вынесли приговор, оказалось, что полиция играет с нами в Большого Брата, это открылось, когда они взялись за маму. Они следили за нами на протяжении следующих восемнадцати месяцев и к 1994 году, очевидно, собрали все, в чем нуждались.

По странной прихоти судьбы, кризис случился опять когда я играл на турнире в Таиланде. Мой приятель забрал меня в аэропорту, когда я прилетел домой.

- Никогда не догадаешься, что случилось, - сказал он.

- Что?

- Твоя мама в тюрьме, по обвинению в неуплате налогов.

- Смеешься, да? – спросил я. – Шутишь?

- Нет, - ответил он. – Малышка Даниэль сейчас у нас, а твоя мама – в полицейском отделении на Лайм Стрит.

Он рассказал мне, что полиция заявила к нам в дом в 5 утра и увезла маму в участок.

Мне четыре дня не давали повидаться с мамой. Все, что я мог – это поговорить с её адвокатом и передать ей еду и одежду. Четыре дня спустя она предстала перед судом в Олд Бэйли, на слушанье о выходе под залог. Тогда-то я и позвонил Барри Хирну.

- Они требуют миллион долларов, - сказал я. – Вы должны мне помочь.

- Хорошо! Ты отправляйся в суд, - велел он. – Дай мне знать, если я тебе понадобится, и я сразу же приеду.

- Я знаю, что вы нам нужны, - ответил я.

Он прибыл через сорок пять минут и выступил с одной из блистательнейших речей, которые я когда-либо слышал. Судья спросил его, может ли он позволить себе внести слугу залога.

- Ну, - ответил Барри, - я менеджер двенадцати игроков-снукеристов, владею домом стоимостью в три миллиона фунтов и бизнесом с ежегодным оборотом в двадцать миллионов фунтов, так что, думаю, это позволяет мне выложить миллион фунтов залога.

Все в суде были поражены.

Я люблю Барри, и я был так рад, что он по-прежнему был тогда моим менеджером и мог сделать это для меня и мамы. Я говорю это потому, что чуть не разошелся с ним за год до того.

Мой контракт нужно было возобновлять и Джон Кэрролл, правая рука Йена Дойля, опять начал подкатываться ко мне. В конце концов, они предложили мне 100 000 фунтов в год только за то, чтобы я просто подписал с ними контракт. Это случилось примерно через пару лет после того, как я стал профессионалом, и в то время я от Барри получал значительно меньше. Джон Кэрролл приехал к нам из Шотландии, пригласил меня с мамой в ресторан, и все звучало очень соблазнительно.

Я говорил с отцом накануне моего визита к Барри по поводу нового контракта. Он сказал: «Что бы ни делал, не подписывай контракт. Все, что тебе нужно – это просто пожать руку

Барри, и сказать, «я с вами еще на один год». Не подписывай никаких контрактов вообще». Он сказал, что после этого года я буду свободен говорить с тем, с кем захочу.

Я отправился в офис к Барри, восемнадцатилетний и наивный.

Барри усадил меня, и сказал:

- Итак, ты собираешься подписывать новый контракт?

И я произнес:

- Да, да, да. Я подпишу новый контракт.

Он положил документ передо мною и, несмотря на все то, что говорил отец, я чувствовал, что обязан его подписать. Я решил, что если не подпишу, то Барри подумает, что он мне не нравится, или еще что-нибудь такое.

Когда я приехал домой, позвонил отец и спросил:

- Ну, как успехи?

- Я подписал, - пробормотал я.

- Придурок.

- Папа, он положил контракт передо мною и... - я не знал, что сказать, даже не знаю, почему подписал.

- Ладно, не переживай из-за этого. Просто продолжай играть в снукер.

Я полностью запутался. Я должен был подписать контракт с Йеном Дойлом. Я никогда не обещал ему этого, но сказал Джону Кэрроллу, что предложение звучало хорошо, хотя мне нужно время, чтобы все обдумать. На встрече с Барри я сказал ему, что Йен Дойл прислал Джона Кэрролла ко мне, чтобы попытаться меня переманить. Барри явно сразу же бросился к телефону, позвонил Йену и разругался с ним, потому что потом мне позвонил Йен и сказал: «Не говори никому, что к тебе приезжал Джон Кэрролл. От тебя столько проблем». Я не знал, что сделал не так, и рассорился с Йеном. И это было все. На следующие три года я оставался с Барри.

На самом деле, это было безумием. Я мог бы использовать предложение Дойла, чтобы заставить Хирна предложить мне лучшие условия, но я просто подписал обычный контракт, никаких гарантий. Потом он сказал мне, что я обеспечу его старость. Впоследствии Йен Дойл пытался использовать это против него. Он сказал мне: «Я никогда не говорю этого о своих игроках. То, что Барри сказал такое – абсолютно неприемлемо». Но я не понимал, из-за чего такой шум. Я просто подумал, ну ладно, надеюсь, что действительно обеспечу его старость, ведь если это так, значит, у меня дела обстоят неплохо.

Барри делал для меня то, что Йен Дойл, который стал моим менеджером потом, вряд ли сумел бы, как я думаю. С самого начала, Барри Хирн был со мною в разных ситуациях, помогая мне и моей семье как в спорте, так и вне его. Он всегда оказывался у телефона, когда разражался кризис. Для меня он был великолепным менеджером. Я его уважаю, потому что он всегда бы рядом, когда я в нем нуждался, решая возникающие проблемы.

Когда полиция обыскивала мамин дом, они забрали все расходные книги и документы. Отец

оказался в тюрьме, а мама не самый подходящий человек, чтобы заниматься денежными вопросами – она этого просто не понимала, потому что ей никогда это не нужно было делать. Её основной заботой были семья и дом. Когда власти сказали, что она много задолжала по VAT и другим налогам, она была искренне шокирована. Она все заплатила, но её все равно отправили в тюрьму за уклонение от налогов. Видеть её осужденной (это было в конце 1995-го) - одно из худших впечатлений за всю мою жизнь. Я не мог понять, почему она должна отправиться в тюрьму, ведь она заплатила все, что, как они настаивали, задолжала. Думаю, это был заговор против семьи.

Ей присудили один год заключения, она отбыла 7 месяцев. В утро перед приговором я должен был отправиться переговорить кое с кем насчет секс-шопов и решить всякие вопросы. Я приехал в суд после обеда, вместе с моим приятелем Стивом, который знал, как работают суды. Я спросил, что там происходит, и он глубоко вдохнул и сказал, что все не очень хорошо.

- Что ты имеешь в виду? – просил я.

- Её посадят.

- Что? Она пойдет в тюрьму?

Мама сидела на скамье подсудимых и не могла слышать, что мы шептали.

Когда присяжные передали свой вердикт и судья сказал: «Уведите её», она посмотрела на меня и из глаз её потекли слезы. Но она не плакала. Я ожидал этого, но это не случилось.

Как ни странно, в том, что она отправилась в тюрьму, были и положительные стороны, потому что после этого она поняла все, о чем ей говорил отец: о ежедневной рутине его жизни. Он звонил ей, и говорил: «Мария, я должен идти, а то сюда уже колотят, ты же знаешь». И она точно знала, что он имеет в виду, потому что и сама это прошла.

Когда-то мама и папа оказались в одном и том же суде, и обоих обвинили за продажу журналов и видеокассет непристойного содержания. Во время обеденного перерыва их посадили в одну камеру и они провели наедине целый час. Следующие шесть недель судебного разбирательства они сидели вместе. И отец просто смеялся над всем: он снова был с мамой, пусть даже ненадолго. Он постоянно толкал локтем обвинителей и перешучивался с ними.

Когда прошла примерно половина судебного разбирательства, один из таблоидов напечатал статью, в которой было сказано, что мама уже сидит в тюрьме, отбывая срок за уклонение от налогов. Это было явное неуважение к суду и вызывало предубеждение к ней, так что пришлось её освободить. Судья сказал: «Миссис О’Салливан, вы свободны», но она не хотела бросать отца.

Пап сказал: «Иди, иди же, ну иди», - и она ушла, но позже она мне сказала: «Я была там так счастлива вместе с твоим отцом, что не хотела уходить».

Когда мама оказалась за решеткой, мой мир перевернулся. Я никогда ни о ком не заботился, даже о себе. Все, что мне приходилось делать, пока она была дома – это прийти, пообедать, надеть свежестиранную и выглаженную одежду и играть в снукер. Потом вдруг мне пришлось заботиться не только о себе, но и сестре, Даниэль. Мне было 19, Даниэль – 12, я пытался держать все в руках и делать вид, что все нормально, хотя на самом деле – ничего подобного. Сестра шла в школу, а я пытался готовить для нее обед, когда она придет домой, но я никогда ничего не готовил, кроме как в школе на уроках по домоводству. Так что мы

перебивались печеной в духовке картошкой, рыбными палочками и бобами. У меня не было водительских прав (отобрали за превышение скорости), так что я даже не мог отвезти её в школу и забирать после занятий. Мы оказались в полном дерьме и я запаниковал.

Вдвоем с Даниэль дома было трудно, так что я решил, что лучшее решение – это приглашать народ и закатывать вечеринки. За последние пару лет мне удалось достичь большего успеха, я выигрывал кругленькие суммы, мы ходили в отели, это влетало в копеечку. Так что я подумал, мы сэкономим тут, просто затаримся водкой, куревом и устроим дома бардак. Мамы не было только неделю, когда я устроил первую гулянку. Я пригласил всех – даже тех, кого не знал. Я просто подумал, раз в моем полном распоряжении этот большой дом, притворюсь, что он мой, и произведу на всех впечатление. Я устроил барбекю, даже несмотря на то, что с неба капал дождь и всем было не по себе. Когда я вспоминаю это, мне становится страшно, потому что я просто терял здравый смысл. В конце вечера люди говорили: «Ну, мы, наверное, пойдем», а я говорил всем, что они не должны идти. В конце концов, после двух дней гулянья они разошлись по домам.

Проспавшись, я поднялся и оглядел дом. Повсюду валялись тысячи бутылок из-под пива и чернели следы от сигарет. Дом выглядел как после бомбежки. Моя мама патологическая аккуратистка, при ней дома не было ни пятнышка. Она бы меня убила, если б увидела все это. Так что я позвонил своему приятелю Фреду и попросил прийти. Я знал, что он умеет управляться с тряпкой и уборкой. Он всегда помогал маме, когда жил с нами, несколько лет назад. Он служил в танковых войсках, потом работал в детском саду, а в конце концов – стал работать у мамы в булочной.

- Что ты натворил? – спросил он.

- Провел самое большое барбекю на свете, оно продолжалось два дня, и дом превратился в руину.

Он вычистил все последствия той вечеринки, а потом переехал к нам, чтобы помочь мне. Он присматривал за Даниэль и следил за чистотой, что позволяло мне выходить и играть в снукер. Но дом не оставался чистым надолго – через несколько дней я устраивал другую вечеринку, а потом – еще одну.

Между этим, я навещал маму в Холловэй. Это было ужасно. Навещать папу в тюрьме было достаточно паршиво, но я к этому привык. А вот посещать маму – совсем другое дело. Что здесь происходит? – подумал я, когда увидел её. Она была не на своем месте. Я посмотрел на других женщин, они были высокие и здоровые, а потом я взглянул на маму, и понял, что она очень женственная. Я думал, как же она будет в тюрьме, но она справлялась со всем просто удивительно. Она всегда была рада увидеть меня и спрашивала, как Даниэль. Я говорил, что все ОК – не хотел рассказывать о наших гулянках и, что дом разгромлен... Я приводил себя в порядок перед посещением, так что мог притвориться, чтобы мама не волновалась.

После нескольких недель непрерывных вечеринок и гуляний в ночных клубах я потерял контроль. Только отправившись в Престон на чемпионат Великобритании и задержавшись в Ливерпуле вместе с моим другом Вилли, по прозвищу Юнзи, я немного пришел в себя. Лучшим в поездке в Ливерпуль оказалось то, что я попросил Энджи Чэпмен присмотреть за Даниэль. После турнира я остался там, а Энджи продолжала заботиться о моей сестре. Мне становилось легче от осознания, что с Даниэль все в порядке, что дела ведутся как обычно (Гэри, сын Энджи, занимался финансами), и что дом мамы и папы в Чигвелле надежно заперт.

Я познакомился с Юнзи через папу. Он был лучшим другом папиного приятеля Джимми из тюрьмы. Отец спросил меня, могу ли я организовать билет на чемпионат Великобритании в

Престоне для Юнзи, или Вилли, как мы называли его потом.

- Он хороший парень, - сказал отец, - он не будет тебе мешать. Придет, посмотрит снукер, и уйдет.

Я знал, что это должен быть особый случай, потому что каждый раз, когда папу просили помочь достать билеты, он говорил, чтобы они сами покупали, и не доводили его сына, потому что мне и так доставалось.

- Папа, я все сделаю, - пообещал я.

Я позвонил Вилли, чтобы сказать, что организовал ему билет. Мы оба были в Лондоне и договорились встретиться на вокзале Кингз Кросс и вместе отправиться в Ливерпуль. Отец сказал мне: ты его сразу узнаешь, ему примерно сорок, он будет широко улыбаться, и скажет: «Рад знакомству».

Я стоял на станции с кием и чемоданом и выглядывал этого парня. Он сказал, что будет там в 7.30. Я увидел этого высокого мужика, подошел к нему и сказал:

- Ты, должно быть, Вилли.

- Ага, - ответил он, и широко улыбнулся. – Рад знакомству.

Мы сели в поезд, и проболтали всю дорогу. Потом мы поймали такси, чтобы поехать к нему домой, положили вещи, и он спросил:

- Ты голодный?

- Да, просто умираю с голоду.

- Тогда пошли поедим китайской еды.

Как только я переехал к Юнзи и его семье, то сразу же почувствовал что нахожусь в окружении людей, которые живут нормальной жизнью: встают утром, работают. Когда они уходили на работу, я шел играть в снукер. Мы обедали, вместе смотрели телевизор и были как настоящая семья. Я больше не чувствовал, что постоянно должен делать что-то, чтобы развлечься. Я всегда любил семью, это то, о чем я по-прежнему тоскую.

Незадолго до того, как мама оказалась в тюрьме, я подружился с одним парнем по имени Бенни, который жил в Стэнфорд-ле-Хоуп, возле Бэзилдона. У него была очень милая дочка, примерно моя ровесница, которая мне безумно нравилась. Я чувствовал себя немного странно, приглашая её, потому что Бенни был моим приятелем, но в итоге мы поладили. Мы стали как семья. Я оставался у них (мы спали в разных комнатах), она приносила мне завтрак в постель, мы сидели в саду днем и шли в клуб вечером – все вместе: я, моя девушка, её отец и ее мама. Ненормально, но мне нравилось. В моей собственной семье все было так закручено, папа уже в тюрьме, мама под следствием, так что это стало для меня заменителем семьи. Такая замечательная жизнь – мы все время проводили вместе, шли в паб в десять вечера, возвращались в час ночи, выпивали по паре рюмок, и смеялись.

Но вскоре после приговора я расстался с дочкой Бенни. Тогда-то я и начал съезжать с катушек. Я потерял контроль, пил и курил как безумный, чтобы как-то компенсировать недостаток уверенности. Но Юнзи стал моим спасением.

До встречи с ним я не мог бросить все это. Но мне нужно было найти какую-то альтернативу,

и ей стала еда. За несколько месяцев я набрал 25 килограмм. Мы хорошо ели по пять раз в день, начиная огромным жареным блюдом с утра и так весь день, до обильного ужина. Но даже тогда, это был еще не конец: примерно в 11 вечера мы шли в китайский ресторанчик. С Юнзи, который и сам обожал поесть, и составлял мне компанию, я убедил себя, что должен быть большим; что это хорошо и полезно для здоровья. Те несколько раз, что я пытался сбросить вес, сделав пробежку, он смотрел на меня и говорил: «Ты сдурел совсем, Рон. Сведешь себя в могилу этим бегом». Так что я возвращался и продолжал уминать за обе щеки. Сменил одну зависимость на другую.

Я отправился навестить маму, чтобы сказать, что остаюсь в Ливерпуле, а о Даниэль позаботится Энджи. Думаю, мама почувствовала облегчение, но наверняка ей было очень грустно. Она решила, что оставила нас, и мучилась от мысли, что подвела семью. Папа, должно быть, чувствовал то же самое, но мама намного логичнее и она не прощает – ни себе, ни другим. Если отец встретит кого-нибудь, кто ему понравится, он с ним посмеется и пригласит домой, а мама решит: «Нет, семья важнее». Не думаю, что она могла перенести мысль о том, что Даниэль живет с кем-то другим, а я должен переехать на север. Пока она тревожилась, что семья разваливается, папа, скорее всего, думал: ну, ему 19, ей 12, с ней все будет в порядке, она ведь с Энджи, а если он недостаточно взрослый, чтобы о себе позаботиться – то никогда таким и не станет. У меня свое, у нее – свое, ну так, и будем жить с этим дальше». Это и есть отцовская философия – просто высмеять все. Когда мы с мамой некоторое время не видимся, она оглаживает меня с ног до головы, спрашивает, хорошо ли я питался, решает, что плохо, и что мне срочно нужны тарелка спагетти и отдых. Отец же: «Отдых? Вытащи руки из задницы и приведи себя в порядок!» Мама никогда не говорила мне, как она волнуется, но я всегда это знал.

Каждый раз, когда я спрашивал маму, как она, она всегда отвечала, что неплохо проводит время, проходит курсы по пищевой гигиене и держит себя в форме. Курсы пригодились, когда мы позже открыли булочную в Чингфорде, но на самом деле она в тюрьме ощущала себя бесполезной, а не держалась в форме.

А вот кто, как ни удивительно, привел себя в форму, так это Юнзи. Он сбросил 30 или 35 килограммов, трижды в неделю бежит по 6 миль, ест только здоровую пищу правильными порциями и завязал с курением; все это в 45 лет. Когда я его недавно встретил, он мне сказал, что впервые за многие годы чувствует себя замечательно.

Я люблю Юнзи. Он мне как второй отец. Мой папа всегда будет моим отцом и я его всегда буду любить, но я не могу вот так просто прийти к нему со своими проблемами, когда он в тюрьме. Да, я могу поговорить с ним по телефону, но этого мало. Все зависит от того, сколько я ему могу рассказать – а я не хочу нагружать его своими трудностями, когда у него полно своих.

Когда мне было хуже всего, Юнзи был рядом. И не потому, что я был обеспечен, или был успешным снукеристом, или потому, что ему хотелось пожить за мой счет. У меня таких нахлебников тоже хватало, так что я знаю разницу между ними и тем, кто действительно искренен. Юнзи мне бог послал, потому как мне было совсем плохо. Я жил с его семьей почти восемнадцать месяцев и не хотел возвращаться в Лондон, ведь я подружился со столькими замечательными людьми здесь, в Ливерпуле. Здесь мне было спокойно. Когда я был в Лондоне, мне было очень неловко из-за всех навязчивых поклонников и иждивенцев, а в Ливерпуле Юнзи и его друзья вовсе не требовали, чтобы я постоянно был рядом с ними, и не даже не думали о том, чтобы получить от меня какую-то выгоду. Это были просто хорошие люди.

За шесть недель до своего освобождения маме разрешили выйти на уикенд, я забрал её и привез домой. Она сидела в комнате, смотрела по сторонам и не могла поверить своим

глазам. Она была так рада своему возвращению. На следующий день она отправилась навестить папу в тюрьму, а к восьми вечера сама должна была возвращаться к себе, иначе ей пришлось бы отбыть дополнительные несколько дней за опоздание. Это был самый торопливый уикенд из всех. Я поцеловал её на прощание, и водитель Барри Хирна, Роббо, отвез её в тюрьму навестить отца, а потом – в её тюрьму. Они едва успели: Роббо пришлось нестись, как сумасшедшему. Она приехала в 7.55, а я поехал обратно к Юнзи.

Я покуривал травку в Ливерпуле время от времени, но в семье я чувствовал себя спокойно и уверенно. Жизнь моя была полным дерьмом, но я знал, что рядом со мною есть люди, которые не позволят мне переступить черту. Юнзи и его домашние внимательно смотрели, чтобы я не терял рассудок.

Через полтора месяца, когда мама вернулась домой, вернулся и я. Я встретил её у ворот тюрьмы и было просто чудесно опять оказаться вместе. Но ненадолго: примерно через две недели она вышвырнула меня из дому. Я слишком быстро вернулся к своим дурным привычкам. Она сказала, что я слишком растолстел, и что она не потерпит всего этого пьянства и курения.

За то время, что её не было рядом, уровень моей игры упал ужасающе. Я выиграл один турнир – Чэрити Челлендж – но большинство игроков им вообще не интересовалось, потому что он не относился к рейтинговым. Я играл хорошо, но даже тогда – состояние мое было кошмарным.

Как-то я ухитрился пройти в полуфинал чемпионата мира, но сразу после того, как я проиграл, в конце сезона, мама выгнала меня.

- Я не могу этого больше терпеть, - произнесла она, - смотреть, как ты растрачиваешь свою жизнь. Ты приводишь меня в замешательство. Да посмотри на себя. Я хочу, чтобы ты собрал свои вещи и ушел. Разбирайся в своей жизни. Делай, что хочешь. Но я не хочу этого видеть.

- Понятно, - сказал я.

Я ушел из дому и переехал в отель Британия в Доклэндз. Я поверить не мог, что она выгнала меня, но подумал, «Да и хрен с ним, я сам по себе. И буду делать, что действительно хочу».

Проблемы мои нарастали и нарастали. Однажды вечером я затеял драку в пабе: несколько человек стали меня задирать, я ударил одного из них, потом остальные отметили меня киями. В пабе было всего человек двадцать, но, к несчастью для меня, они были вместе. Я слышал, как один из них говорил: «Бей его, бей». Я оказался в серьезной переделке, как-то смог вырваться и сбежал. Пару недель спустя мы с мамой пришли к соглашению и я смог вернуться домой.

В то время я весил почти сто килограммов и был совсем не в восторге от того, что видел в зеркале. У меня талия была почти 37 дюймов и я шил жилеты все большего размера. Кроме того, травка: она меня уничтожала. После того, как я покинул Юнзи, где покуривал только изредка, начал курить очень много. Я смеялся и думал, что все вокруг сошли с ума и что им и самим следует попробовать, ведь это такая замечательная штука, которая снимает все жизненные стрессы. Ясно, что я утратил ощущение реальности. Я спал, курил, ел, спал, курил, ел, спал, курил, ел. Такова была рутина моей жизни. Я звонил в фирмы по доставке и говорил: «Доставьте мне из МакДональдса три гамбургера, две большие жареные картошки, большой молочно-шоколадный шейк, четыре кетчупа, и три соуса для барбекю. И большую диетическую колу». Одному богу известно, чего я беспокоился о диетической коле! Через несколько мину раздавался стук в дверь и я получал здоровый пакет из МакДональдса, и ел, ел, ел... Потом я выкуривал косяк и опять ел. Я заказывал китайскую еду, которой хватило

бы на пятерых, потому что знал, что поем, похлопаю себя по животу, выкурю еще пару косяков, а потом захочу еще поесть. Я превращался в Элвиса! Даже среди ночи я вставал, перекусывал, а потом бежал на кухню и начинал опять наедаться.

Я заблудился во времени и, разумеется, игра тоже улетала в трубу. Я ходил в клуб, возвращался очень поздно, весь следующий день чувствовал себя ужасно, звонил приятелю, смотрел телевизор, выкуривал пару сигарет с травкой и выпивал пару рюмок, а потом снова был вечер. Мы играли в карты, ели, курили, пили и опять пили, до трех утра. День следовал за днем. Казалось, ничто больше не имело значения.

Я чувствовал, что выхода отсюда нет: это было моей жизнью, и я точно так же мог получать от этого удовольствие. Но я не постоянно катился под гору. Время от времени у меня в голове что-то переключалось и говорило мне: «Ронни, ты падаешь в рейтинге». Я внезапно осознал, как растолстел, и что мне придется выполнить огромное задание за три недели: каждый день ходить в спортзал, каждый день тренироваться и держаться подальше от тех моих друзей, которые любили курить травку. Я приводил себя в форму, но сразу после этого я отправлялся повидаться со старыми приятелями и опять начинал курить.

Я был на грани вылета из топ-16. За сезон 1995-96 я скатился с третьей позиции на тринадцатую. Только к концу сезона я сумел немного подняться, пробившись в полуфиналы Бритиш Оупен и чемпионата мира. Это позволило мне занять восьмое место в рейтинге.

В некотором отношении я был счастлив; ладно, счастливее. Я больше не переживал из-за всего подряд, но с другой стороны – я вообще больше ни о чем не переживал. Я махнул на себя рукой, был сыт по горло попытками привести себя и свою игру в порядок. Казалось, что это требует слишком много. Но я все еще знал достаточно, чтобы грустить от того, что жизнь моя окончится вот так. Не было у меня ни самодисциплины, ни самоконтроля, я не мог сказать «нет», постоянно нуждался в том, чтобы вокруг были люди – и не позитивные, негативные. Позитивные меня пугали до смерти. Поэтому я избегал Дэвида Бэкхема – он был слишком положительным.

Впервые я встретился с ним в клубе под названием «У Чарли Чена», как раз в период моих кутежей. Я люблю футбол и я всегда знал, что Бэкхем – это что-то особенное. Мы с ним пропустили по паре стаканчиков и неплохо поладили. Дэвид был довольно известен, хотя далеко-далеко не так, как сейчас. Когда мы вышли из клуба, я услышал, как какая-то девушка сказала своей подруге:

«Смотри, это же Дэвид Бэкхем!»

А ее подруга ответила:

«Который? Толстый или худой?»

И я подумал, бля, я, должно быть, разжирел. Так и было – и очень сильно.

Дэвид пригласил меня к себе в Манчестер, так что я поехал туда и провел с ним пару дней. Он отличный парень, с ним было здорово. Но я не мог нормально себя чувствовать рядом с человеком, у которого все так замечательно. Мне нравилось находиться в обществе никчемных людей, потому что так я себя чувствовал лучше. А рядом с теми, у кого все было хорошо, вроде Дэвида, или Майкла Оуэна, или Принца Назима, мне было хуже. В моих глазах они были победителями, а я казался себе неудачником. Неудивительно, что мы с Дэвидом потеряли связь, о чем я действительно сожалею.

Примерно в это время я с приятелями поехал в Вегас, чтобы посмотреть бокс. В нашем отеле

жил еще и футбольный менеджер Грэм Саунесс, и мы поболтали с ним о спорте и о жизни вообще. «В здоровом теле – здоровый дух», сказал он мне и это была и папина философия. Я знал, что он прав. Среди топовых спортсменов нету толстяков, они все держат себя в форме. После разговора с Грэмом я бросил курить, и сигареты, и травку, наложил ограничение на выпивку: не больше пары рюмок в день. Я проводил в спортзале по два часа в день: три мили на беговой дорожке, двадцать минут на велотренажере, потом еще три мили. Оставалось четыре месяца, чтобы подготовиться к следующему сезону.

У меня насчет всего возникает навязчивая идея. Возвращаясь к тренировкам после летнего перерыва, я не начинаю в 10 утра и заканчиваю в пять вечера, я играю до 10 вечера, до тех пор, пока у меня на ладонях мозоли не натрутся. А если я иду на пробежку, то бегаю дважды в день – утром и вечером – и ко второй пробежке уже лечу. Я убедил себя, что я новый троеборец и готовлюсь к Олимпийским играм. Если я играю в гольф, то я обязательно должен выйти на поле, сделать четыре сотни ударов, а потом после этого играть, потому что так делает Тайгер Вудз. Тайгер Вудз – это мой кумир: хотел бы я достигнуть в снукере того, что он уже достиг в гольфе.

Как я говорил, в прошлом у меня уже случались перекосы на поддержание формы, но я никогда не был этим так одержим, как сейчас. До семи утра я был в спортзале, потом завтрак, тренировка, обед, опять тренировки. Я тренировался по четыре часа в день, каждый день, и очень похудел. Через два месяца я посмотрелся в зеркало и впервые увидел, как выделяется мой торс. Потрясающе! Я отрастил титьки! Это меня еще сильнее подстегнуло.

Я очень серьезно относился к диетам. Если раньше я сидел на еде из МакДональдса, то теперь – рыба, картофель, никакого масла, только немножко хлеба (хороший источник углеводов), цыпленок для протеина, никакого красного мяса, потому что оно переваривается часами. Я полностью отказался от алкоголя, от него полнеют, так же как и от депрессантов, и заменил все это соками. Соковыжималка – это тоже божий подарок. Я в принципе никогда не был любителем ходить выбирать фрукты и все такое, но я люблю делать соки. Утром я выпил морковный, сельдерейный, а также яблочно-апельсиновый фруктовый сок – здорово. Это было как еда. Примерно через четыре месяца я похудел на 25 килограммов, и стал весить семьдесят килограммов. Многие считали, что я принимал специальные препараты или занимался голоданием, потому что они считали, что я не мог сбросить столько за такой срок. Они не могли в это поверить, потому что я выглядел такой квашней в предыдущем сезоне. Но те, кто так думал, явно не очень хорошо меня знают.

Я никогда не увлекался диетами. Я ем, потому что я счастлив, и я получаю удовольствие от еды, и я ем, потому что мне паршиво, и это меня успокаивает. Вообще, я люблю поесть. Единственной разницей было то, что я начал питаться здоровой пищей и тренировался как бешеный. Я хотел этого ради себя и ради снукера – я не мог хорошо играть, когда так страдал от избыточного веса. И я начал переживать из-за своей формы. Люди хлопали меня по животу и делали замечания насчет моего размера, а я чувствовал себя как когда-то, годы назад, на тренировках по футболу, где другие дети смеялись надо мной, потому что я не мог отжаться, и обзывали толстяком.

Как-то я даже подумал о том, чтобы пойти в колледж и стать инструктором по фитнесу. Я, бывало, смотрел на них, и думал: «Им по 40 лет и они выглядят потрясающе. Я тоже так хочу в 40». Может, я так и поступлю, когда закончу играть в снукер.

Думаю, если я буду вращаться в обществе тех, кто поддерживает себя в форме, их привычки отразятся на мне. А если в обществе тех, кто пьет и принимает наркотики – это тоже на мне отразится. Так что моя теория такова: если я хочу чего-то достичь, или как-то изменить свою жизнь, нужно быть рядом с правильными людьми. Если я хочу стать профессиональным игроком в гольф, что я обязательно сделаю, я должен общаться с лучшими гольфистами

мира – проходить с ними туры, перенимать полезные детали – не ошибешься, если учишься у лучших.

Мой снукер тоже здорово поднялся, когда я похудел. Я чувствовал себя подтянутым и активным, и хотя я не проделал значительной духовной работы, внешне я выглядел хорошо, а это уже неплохо для начала.

Моим приоритетом стало выигрывать турниры. Я отправился в Таиланд и выиграл первый рейтинговый турнир сезона 1996-97. Это меня взбодрило, но на следующем турнире, Гран-При, я проиграл во втором раунде. К тому времени я опять начал гулять и покуривать.

Пришло время чемпионата Великобритании – второго по значению турнира в сезоне. Я по-прежнему отлично выглядел и все мне об этом говорили, так что я вернул себе немного самоуважения. Я вышел против Терри Мерфи, с которым раньше играл всего один раз, еще когда был ребенком. Мне должно было быть лет 13 или 14, я победил его на Про-Ам. В то время ему было примерно 19, мне говорили, что он хороший игрок, но на матче я его просто размазал. Прошло восемь лет и он особо ничего не добился на профессиональном поприще. Так что я вышел на игру с мыслью: как только я подойду к столу и начну забивать, у него не будет ни шанса.

До перерыва я проиграл 3-1 и начал паниковать. Я подумал, я играю дерьмово и не вижу выхода. После перерыва я вышел и не сумел забить шар: 3-1 превратились в 4-1; 4-1 – стали 5-1; потом 6-1 и 7-1. Игра шла до девяти побед, я проигрывал 7-1. Я подумал: Господи Иисусе, да что происходит? Это какой-то ночной кошмар, заберите меня отсюда. Я был ужасен, а он играл против меня как Бог. Каждый раз, когда я промахивался, он меня наказывал. Он забивал шары из любой позиции, и казалось, он никогда не промахнется. Окончание матча мы должны были играть на следующий вечер. В общем, я проиграл. Просто невозможно было отвоевать 7-1, только не при той игре, которую демонстрировал Терри. Но я забил пару шаров вместе со своим тренером Делом на следующий день и игра вдруг опять стала легкой. Биток шел так мягко. Я так чудесно себя не ощущал с тех пор, когда мне было 16, в первый год квалификации на чемпионат мира в Блэкпуле. Да, это был тот самый момент, которого я ожидал пять лет. Все это время я отчаянно хотел вернуть это ощущение, знал, что оно где-то внутри, и так хотел выпустить его. Я просто тренировался и внезапно годы разочарования и неудовлетворенности исчезли. Я был уверен, что выиграю, не только этот матч, но и весь турнир.

- Знаешь что, - сказал я Делу, - Я собираюсь выиграть этот матч. Я собираюсь выиграть этот матч и собираюсь выиграть турнир.

- Знаю. То, как ты забиваешь – просто мечта, - ответил Дел.

Я встретился с Делом в Блэкпуле в 1992-м. Он подошел ко мне после того, как я разгромил Грэма Крипси 5-0, и сказал: «Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь играл так, как ты, Рон». Мы стали друзьями, он приходил на все турниры в последующую пару лет, а к 1996-му он стал моим тренером – не совсем профессиональным тренером по снукеру, скорее, Мистером Мотиватором.

Когда я начинаю играть хорошо, то превращаюсь в паренька из ReadyBrek – сияю и лечу. Вот это и происходило. Я примчался обратно в отель, и не мог дождаться того, чтобы надеть костюм, выйти к столу и играть, потому что я знал, что это будет так весело. Так и случилось. Я вышел и выиграл три партии подряд, сделав серию в 80 очков и один сенчури. Теперь счет был 7-4, мы играли последний фрейм перед двадцатиминутным перерывом. Я промахнулся по синему, который должен был бы забить, и Терри вышел вперед 8-4. С одной стороны, я был несчастен: я бы хотел 7-5, совсем не то же, что 8-4. Но с другой стороны – я

был в восторге, и по прежнему думал, что смогу выиграть.

Но это значило, что я должен выиграть следующие 5 партий. Я подошел ближе – 8-6, и он не воспользовался возможностью в следующем фрейме. Я заговорил с ним. Я знаю, что неправильно так поступать, но я ничего не мог с собой поделать. «Напряжение нарастает, да?». Счет был 8-7, я был в двух партиях от лучшего результата в своей жизни. Я победил Стивена Хендри, Джона Хиггинса, Марка Вильямса и Мэттью Стивенса, все они были намного лучшими игроками, но именно эта победа имела для меня наибольшее значение. Я сделал серию в 20 очков, не смог выйти под удар, но сделал хороший отыгрыш и молился, чтобы он ударил по красному. Если б он промахнулся, я бы мог сравнять счет до 8-8 и сделал бы его одной левой. Я сидел на краешке кресла, готовый вскочить, очень внимательно следил за ним, и увидел, что его рука дрожит. Казалось, он ни за что не сможет забить этот шар. Но он это сделал, и продолжил, и набрал 67 очков. Мне было нужно два или три снукера. Я попытался, но не получилось, и когда он забил красный, мне пришлось пожать ему руку. Все было закончено. «Отлично сыграл», - сказал я.

Потом мы должны были давать интервью, он был вымотан, измучен, потягивал пиво, пытаюсь восстановить силы.

- Я почти тебя сделал, - сказал я. – Ты ведь знаешь это, не так ли? Ты был молодцом, но я чуть не сделал тебя.

И я был счастлив – я проиграл, зато получил настоящее удовольствие, и зрители – тоже. Правда, Терри был не в восторге, потому что никому не нравится, когда ему такое говорят. Хотя, надо отдать ему должное: эти 67 очков были лучшей серией, когда-либо сделанной под давлением в матче против меня. Стивен Хендри однажды сделал 147 в финальной партии в матче со мной – но это был благотворительный турнир.

Я ехал в машине с Делом домой и сказал ему: «Следующий турнир я выиграю».

Из-за проигрыша в первом раунде я получил две недели на тренировку перед Герман Оупен. Я знал, что если отправлюсь туда и буду в такой же форме, то ни за что не проиграю. Единственным, что меня тревожило, была мысль о том, что это слишком хорошо, чтобы длиться долго. Я пять лет так хорошо не играл: каждый день на тренировках я делал по 10-11 сенчури. Я вернулся, чувствовал себя великолепно, мне не нужна была выпивка, не нужны наркотики, и не нужно было делать ничего саморазрушительного.

В Германии я выиграл первый матч со счетом 5-1, потом переиграл Стивена Хендри 5-2. Он только что выиграл чемпионат Великобритании и был очень уверен в себе, а я преподал ему урок. Потом я победил Найджела Бонда 6-1 в полуфинале, сделав брейки в 141, 144 и 138 очков. Он отошел от стола и сказал: «Поверить в это не могу».

В финале я встретился с Аленом Робиду. За шесть месяцев до этого мы с ним поссорились. Он обвинил меня в том, что я не пожал ему руку перед заключительной сессией матча в Шеффилде. Счет был 7-2, я гулял в городе всю предыдущую ночь до шести утра. Моему приятелю пришлось волочить меня наверх, и там я заблевал весь коридор. Чудесно. Он дотащил меня до кровати. На следующий день меня подняли после обеда, закинули в душ, чтобы немного привести в чувство. Мне нужно было только выиграть три партии, что я и сделал. В одной из партий я начал играть левой рукой. Я практиковался в этом, потому что если некоторые удары ты можешь сделать левой, это намного упрощает жизнь.

И в конце концов, это Робиду мне не пожал руку. Он просто ушел с арены, а я остался один посреди Крусибла. Зрители были так же ошарашены, как и я. Сначала мне сказали, что он не пожал мне руки потому, что я не пожал руку ему перед началом и он решил, что я пытаюсь

его вывести из себя.

- Вы уверены? – спросил я.

Но потом оказалось:

- О, и еще ему не понравился этот номер с левой рукой.

Он стоял прямо в конце коридора, когда я давал интервью, так что он меня слышал.

- Я буду играть с ним опять, - сказал я, - и буду играть левой, и выиграю, потому что он плохой игрок.

Это, конечно, не самое дипломатичное из того, что я когда-либо говорил, но я думал: ладно, если ты хочешь поиграть в игры, так у меня тоже для тебя игра найдется.

Неудивительно, что в Германии, в финале, присутствовало это ощущение незаконченного дела. Должен сказать, что Ален – хороший спортсмен и он был рад пройти в финал, вне зависимости от того, с кем ему придется играть. Я вел 7-3, и чувствовал себя очень уверенно, но я играл не так хорошо, как раньше на этой же неделе. Тогда и техника, и настрой, - все было вместе. Целый месяц я чувствовал кий, как часть себя и все казалось таким легким. А потом внезапно это исчезло. Я больше не интересовался победой в матче. Я только думал: о, ну вот, снова паршивая форма на пять лет. Он отыграл один фрейм, потом еще три, и сравнял счет, 7-7. Набрал 40 очков, когда на столе осталось еще 59, он промахнулся. Я встал со стула и забил остальные, поведя 8-7. Потом я взял финальный фрейм, сделав серию в сто очков.

Я выиграл, но мой разум опять начал выкидывать свои трюки. Я был весь поглощен мыслями о том, что плохо играю, вместо того, чтобы подумать, что я веду 7-3, и это еще при не очень сильной игре, что может быть лучше? Теперь у меня есть это отношение. Надо выигрывать – а переживать из-за формы будешь потом. Сейчас я гораздо больше верю в свои способности.

Я хорошо себя чувствовал и был доволен тем, как выглядел, так что я подумал, что ничего не случится, если я немного покурю. И опять начал курить.

Глава 6. Под откос

Я хорошо запомнил, как мама и папа развлекались вместе, я знал, что они могут себе это позволить, они были преуспевающими людьми. Так что для меня это стало символом успеха. Однажды, думал я, когда я добьюсь успеха, я тоже буду ходить в ночные клубы. Я смотрел на молодых ребят, которые многого добились – кинозвезд, и музыкантов – зачастую они были шумными, грубыми и заносчивыми. Достаточно скоро и я стал таким. Я был несносен. Я был новичком в квартале и считал, что могу поступать, как хочу. Это были мои «Лайам Галлахеровские» дни. Я заразился мыслью, что должен быть «плохим парнем», что я – третий из братьев Галлахеров (точнее, четвертый, но вы понимаете, что я имею в виду) и где бы я ни появился, мне нужно было создать проблему. А иначе это повредит моей репутации.

Я смотрел на братьев Галлахеров. Тогда они только-только добились огромного успеха и я считал, что они постоянно затевают драки или посылают людей на ***. В отношении Лайама это справедливо, но Ноэль вовсе не такой агрессивный. Он сказал мне:

- Мне говорят, что ты похож на меня.

- Мне тоже говорят, что я похож на тебя, - ответил я. К сожалению, я гораздо больше похож на Лайама, но я не упоминал об этом при Ноэле.

Мы выпили пива и еще много чего, и проговорили два часа. Я его, должно быть, просто замучил.

Это была тусовка знаменитостей – самая сумасшедшая из всех, что случались в моей жизни. Там были все – Мик Джаггер, Ронни Вуд, Джулз Холланд, Кейт Мосс и Ноэль. И это был один из лучших вечеров в моей жизни. Предполагалась костюмированная вечеринка, но я не хотел выглядеть идиотом, поэтому явился в джинсах и футболке, с Джимми Вайтом и Дэвидом Грэм (снукеристом, не певцом). С Джимми мне предстояло играть через два дня в Кубке Чемпионов. Когда мы пришли, все вокруг двигалось, горячее и потное, и Джимми не хотел оставаться слишком долго. В воздухе плавал сигаретный дым, музыка гремела и царил полный хаос. Я сказал ему, чтобы он не дурил, вечеринка просто чудесная. «Давай, Джимми!» - сказал я. – Расслабься, встряхнись, мы проведем отличный вечер. Я же играю с тобой в воскресенье, так что мы в одной лодке». Несмотря на то, что я говорил, мы оба знали, что не должны там быть. Потом я подумал, а и хрен с ним. Часто вам удается погулять с Миком Джаггером?

Джимми в конце концов ушел, но я к тому времени уже выпил и даже этого не заметил. Так

что я остался с Дэвидом Греем и ощущал себя немного неловко, потому что я не слишком хорошо знал окружающих. Мы сидели у бара, выпивали и тихо обсуждали звезд, пока я не заметил Ноэля Галлахера. Я закричал: «Ноэль!», он оглянулся, но не увидел, кто его зовет, а я оробел и ничего не сказал. Потом, когда он шел обратно, я опять крикнул, «Ноэль!», и он увидел меня, «А, это ты, приятель». Он подошел к нам, и заговорил. Кажется, его тогдашняя жена Мег как раз была беременна. Я очень долго расспрашивал его о его брате и рассказывал, как я люблю музыку, ну и все такое. Потом, ни с того, ни с сего, он спросил: «Сколько ты стоишь?» Вот бля, подумал я, и что это за вопросик? Папа велел мне никогда никого не спрашивать о том, сколько они зарабатывают на жизнь и сколько они стоят. Станный вопрос, особенно когда мы весело болтали и смеялись, едва зная друг друга. А когда кто-то заработал 100 миллионов фунтов, чувствуешь себя немного жалко, разве что у тебя самого имеется как минимум миллионов 30, правда? Так что я просто рассмеялся в ответ.

Пару часов спустя он сказал, что должен идти, потому что его жена Мег не очень хорошо себя чувствует, и действительно, выглядела она не лучшим образом. Мы обменялись номерами, я как-то ему даже позвонил и оставил сообщение на автоответчике. Но он мне не перезвонил, так что я подумал: не буду же я его доставать, ему и так этого хватает, пусть все так и остается. Но он был отличным парнем – даже несмотря на то, что спросил, сколько у меня денег.

Ронни Вуд, с которым я пару раз до этого встречался, подошел ко мне немного позже.

- Эй, ты же играешь с Джимми в воскресенье, да?

- Да, - ответил я, - только у него никаких шансов. Он в 11 должен быть в кровати.

В 4 утра я ушел с Джейми, сыном Ронни. Он с приятелями снял пару комнат в Гросвеноре. Помню, как выглядывал из окна, и думал: и как сюда солнечный свет доходит?

Когда я развлекаюсь, то всегда хочу, чтобы это не кончалось, но в то утро я чувствовал себя ужасно. И где-то в глубине – знал, что на следующий день должен явиться на матч с Джимми. Было уже 9 утра, мы с Дэвидом заехали в дом к моему приятелю, вздремнули пару часиков и вернулись домой.

Мама посмотрела на меня и поняла, в каком я был состоянии.

- Ты в порядке? – спросила она. Хотя и знала, что совсем не в порядке.

- Я должен идти, - ответил я, - потому что я заказал номер в отеле и у меня интервью.

Она знала, что я был на гулянке, особенно когда увидела, что Дэвид все в том же костюме, что и накануне.

Дэвид – хороший игрок. В то время он особо не блистал, но сейчас он 17-й в мире. И только после того, как перестал шляться со мной и Джимми, сумел добиться успеха! Он приехал со мной в Кройдон, мы зарегистрировались в отеле и проспали с пяти вечера до девяти утра следующего дня. Я должен был играть с Джимми в одиннадцать.

Это был худший матч, когда-либо показанный по британскому ТВ. Ко мне потом ходили и говорили: «Это был такой ужасный снукер, что мы думали, это подстроено». Ну и моменты там были! В первом фрейме я вышел к столу и набрал 4 очка, Джимми сделал 11, я сделал 6, Джимми взял 1, я набрал 18. Я выиграл партию с серией в 22 очка через черный шар. Два фрейма ушло на то, чтобы я начал приходить в себя. В конце концов, я выиграл матч 4-2.

Джимми, должно быть, тошнило. А может, ему и вправду нужно было быть в кровати в 11 вечера, как я говорил Ронни Вуду.

У Ронни Вуда была комната для снукера в его доме в Кенсингтоне, и мы с Джимми обожали проводить там время.

Я всего пару раз встречался с Китом Ричардсом, но он один из самых приятных людей, которых я когда-либо знал, что оказалось сюрпризом после всего того, что мне доводилось слышать о нем. Однажды, когда я играл с Джимми в доме Ронни, то увидел у него на стене гитару с огромной дырой.

- Видишь эту гитару? – спросил Ронни.

- Ага.

- На ней играл Кит, а я сказал ему, что это гитара Мика. Он сказал: «Хрен, я никогда не играл на гитаре Мика», положил на нее подушку и выстрелил в нее!

В гитаре застряли перья, так что я уверен, что история правдива. Услышав это, я подумал: когда увижу этого чудака, лучше следить за тем, что говорю, быть вежливым и милым, «Да, Кит, нет, Кит», чтобы сохранить мир.

В тот вечер мы приехали к Ронни примерно в 3 ночи, после того, как играли показательный матч в Блэкберне. Я промок до нитки под дождем, мы с Джимми были в наших костюмах, хуже не придумаешь, что надеть, и несли какую-то чепуху. Рассказывали, что будем делать в будущем сезоне – если сумеем прийти в чувство – но мы и вправду были просто парочкой лунатиков, ожидающих следующей вечеринки. Я знал, что могу приехать к Ронни в любое время, постучать в дверь и остаться ночевать. К тому времени, как мы прибыли, Джо, жена Ронни уже давно спала. Мы остались до шести утра и играли в снукер – я, Джимми и Ронни. У него самая шикарная снукерная, какую я видел в жизни: потолок такой высокий, что его почти не разглядеть, мягкие кресла и вообще – неимоверно уютно. Ронни – неплохой игрок – он может делать серии по 20 очков – и он любит игру. Он мечтает сделать сенчури брейк, и я даже пытался давать ему уроки, но это сложно, потому что я толком не знаю, как сам это делаю.

В конце концов, на рассвете я пошел спать. В комнате было полно бутылок и стаканов, полный разгром и я сказал Ронни: «Я должен помочь навести тут порядок». А он ответил: «Не переживай, просто иди спать».

Я проснулся в обед, спустился, и все сияло. Я сказал Ронни: «Чтоб меня, твоя Джо не скучает, она просто невероятна».

- Не-а! – сказал он. – Мы вызвали уборщиков. Ничего такого мы сами не делаем.

Уборщики появились где-то в 10 утра, Ронни еще спал, они вошли, навели порядок и ушли.

На следующий день пришел Кит Ричардс. Мы пропустили по паре стаканчиков и перешли в снукерную. Ронни сказал: «Я хочу, чтобы ты показал Киту, как ты играешь в снукер». Так что мы с Джимми сыграли там 11 партий – он сделал шесть сенчури, а я пять. Я получил больше удовольствия от этого, чем от победы на чемпионате мира – и бог знает, что могло бы дать мне больше. Кит сказал: «Прям как Моцарт». Я знаю Моцарта, я смотрел «Амадея», для меня это было огромным комплиментом. После каждой партии мы с Джимми не могли дожидаться, чтобы на стол выложили шары для следующей. Одиннадцать партий, одиннадцать сенчури. Мы просто сошли с ума. Кит стоял рядом с большим графином водки

и апельсинами, для нас это было вроде горячего. Каждые пятнадцать минут он возвращался с графином для меня с Джимми. И даже если мы играли вовсе не так блистательно, в том состоянии мы считали, что это так.

Тот вечер мы закончили походом на собачьи бега в Уимблдон вместе с Ронни, Джо, Китом, его женой Пэм и менеджером Ронни. Я люблю собачьи бега – там всегда полно разного народу. Там я встретил одного парня, которого знал, «жучка», он всегда говорил мне, на кого ставить. Я выигрывал на каждой гонке – и выиграл почти тысячу фунтов.

В другой раз мы пошли большой толпой и в конце концов оказались в шикарном ресторане в Фулхэме на дне рождения мамы Ронни. Кажется, это было её восьмидесятилетие и собралась вся семья. Мы просидели два или три часа, но были не в состоянии ничего съесть. Примерно в четыре утра мы вернулись к Ронни и продолжали еще до восьми. Так мы прогуляли уже два дня.

Я проснулся на следующее утро с мыслью: хватит, хватит, пора уже домой, - и сказал Ронни, что уезжаю.

- Нет, - прохрипел он, - я хочу, чтобы ты остался.

Типично для Ронни. Он ненавидит окончание вечеринок почти так же, как и я.

Это были хорошие деньки. Однако, по большей части мои гулянья были какими угодно, только не хорошими. Я продолжал водиться с дурными компаниями и имел кучу прихлебателей. В Лондоне я обнаружил, что могу найти их повсюду. Двоих я подобрал в поезде, возвращаясь с турнира. Они были из Шотландии и я спросил их, что они собираются делать в Лондоне.

- Ничего. Что-нибудь посоветуешь?

- Ага, - ответил я. – Пошли в Эмпориум.

Они сказали, что сначала должны оставить чемоданы в отеле.

- Нет, - возразил я, - насчет этого не переживайте, поедем прямо в Сохо, можете закинуть свои сумки в один из моих магазинов.

Так что мы отправились на Брюэр Стрит, прибыли туда почти в полночь, попросили персонал присмотреть за чемоданами в одном из секс-шопов, сказав, что вернемся и заберем их на следующий день, и проторчали в Эмпориуме до пяти утра.

Я никогда раньше не встречал этих людей. Думаю, если б они меня не узнали, то решили бы, что я собираюсь их ограбить, но поскольку они знали мое лицо, то и чувствовали себя в безопасности. Я просто нуждался в компании. Не хотел идти домой и ложиться спать. Хотел развлекаться, снимать девушек и принимать наркотики. В Лондоне в те времена у меня не было друзей, на которых я бы мог положиться, и для того, чтобы пошляться где-нибудь, эти два незнакомца годились ничуть не хуже, чем кто-нибудь другой. Я всегда был таким: всегда делал все под влиянием момента. Мог увидеть кого-нибудь из «приятелей» на улице в полдень, и это становилось началом трехдневного загула. Я не возвращался домой даже чтобы переодеться, неважно, насколько неряшливо я выглядел; я просто шел и мучил свою кредитку.

Однажды я только что купил новехонький БМВ, и мы так напились, что мой приятель выкрутил у меня руль и разбил машину.

- Не переживай из-за этого, - сказал я. – Переживай, куда нам придется идти.

Вот в чем было все безумие – меня не беспокоило даже то, что кто-то только что разбил мою машину. Это было неважно. Ведь это была всего машина, которая доставляла тебя из пункта А в пункт Б и хорошо смотрелась. Я думал, что могу делать, что хочу, и все будет классно. Но на самом деле все не так.

Я хотел быть буйным, как животное. Не по мне сидеть в кофейной в Челси, в очках, и смотреться таким крутым и умудренным. Трезвым я легко кадрил девушек, но подвыпивший я мог стать агрессивным, и неудивительно, что они старались держаться от меня подальше. У меня было много девушек, но редко когда отношения длились долго, всего три или четыре раза я был в серьезных отношениях, зато несерьезно – множество. Когда мне было 17 или 18, то у меня одновременно бывало до десятка девушек – француженки, румынки... Большая их часть были снукерными фанатками, и куда бы я не шел, я должен был показаться с девушкой. Мы их встречали в дискотеках и шли с ними гулять.

Я считался плохим парнем с самых ранних дней – частично из-за манеры игры, частично из-за истории моей семьи. С самого начала моей профессиональной карьеры звучало – «Ронни О’Салливан, у которого отец в тюрьме». Потом еще в тюрьме оказалась мама... так что все считали, что я и должен быть порочным.

Хотя, они часто были правы. В первую беду я попал, когда разбил машину на подъезде к отелю. Я был в Блэкпуле и гнал 60 миль в час – хотя разрешено только до 15-и – когда проезжал мимо знаков с ограничениями по скорости. Знаков было три, они следовали друг за другом, чтобы вы снизили скорость вовремя перед поворотом. Я сбил первый знак, второй, а к третьему – уже потерял управление. Со мной в машине было четыре девушки, а за нами в такси ехали мои приятели со своими подругами. Я врехался прямо в знак, гласящий «Добро пожаловать в Виллидж Отель». Когда машина остановилась, одна девушка свалилась под панель, а остальные трое упали на спину. Помню, как спрашивал, со всеми ли все нормально, и просил проверить, целы ли руки-ноги. Потом сказал: «Ладно, вылезает отсюда и пошли выпьем». Машина, БМВ 325 разбилась вдребезги. Это случилось сразу после того, как я выиграл чемпионат Великобритании, и мне было всего 17. Через пару лет у меня отобрали права на год за то, что я ехал сл скоростью 133 мили в час по М3.

Я всегда любил машины. Однажды отец напомнил мне, как я когда-то решил взять мамин БМВ стоимостью в 35 тысяч – покататься. Мне тогда было 13, и я только-только выехал на дорогу, когда он перехватил меня по пути домой. Он сказал, что пытался быть спокойным, потому что не хотел меня пугать, но на самом деле хотел мне голову оторвать.

Я водил мамину машину по подъездной дорожке. Мама знала об этом, но доверяла мне и говорила: «Рон, не глупи и не пытайся уехать куда-то». Однажды я решил, что хватит с меня уже, объехал вокруг квартала, вернулся, припарковал машину и подумал, что мама не заметит. И она не заметила. Замечательно! Так что на следующий день я взял машину и подумал: съезжу-ка я к приятелю. Он жил примерно за милю от меня. Так что я ехал себе по главной дороге, когда увидел знакомую машину, которая ко мне приближается. Мамин БМВ был весь разукрашенный, второго такого в округе просто не было – и я знал, что придется остановиться, потому что папа уж точно меня не пропустит.

- Куда едешь, сын? Просто покататься по улице? – спросил он, когда я вылез из машины.

- Не-а, хочу навестить приятелей.

- Верни машину домой, - сказал он. – Чтобы был там через минуту. - Тогда-то он и решил, что следует взять меня в ежовые рукавицы.

Я ехал домой, проклиная себя всю дорогу. И получил такую выволочку, что больше даже не смотрел на их машины.

Но самый безумный инцидент из всех случился в 1994-м.

Я был на курорте в Хертфордшире, в Хэнбери Мэнор, после того, как Дэннис Тэйлор разбил меня на Бенсон-и-Хеджес. Все спрашивали, что случилось с моей игрой, я ведь только что выиграл чемпионат Великобритании, так что все ожидали, что я легко побью Тэйлора, но на самом деле он разгромил меня 5-1. Не знаю, что пошло не так, но уж точно – это было не от недостатка практики. Я тренировался по семь-восемь часов каждый день и, может быть, перетренировался. Я подумал, что мне нужен перерыв, поэтому сказал своему приятелю Джейми Фоксу: «Как насчет съездить в Хэнбери Мэнор»?

Так что мы забронировали гостиницу на неделю приятного отдыха. Питались здоровой пищей, пару дней никуда не ходили, только играли в гольф, плавали, занимались в спортзале, и прохлаждались. К концу недели Барри Хирн устраивал боксерский поединок в Брентвуде, это было прямо по дороге, так что мы договорились встретиться с парочкой приятелей, вместе отправились смотреть бокс, а потом заехали в китайский ресторанчик, чтобы перекусить. Был уже почти час ночи, мы прикончили еду, завезли друзей по домам, и я остался с Джейми и еще одним парнем. Вдруг нас со всех сторон окружила полиция. Я не понимал, что происходит, но знал, что ко мне это не может иметь никакого отношения. Я здорово удивился, когда один из офицеров подошел ко мне, и был просто ошарашен, когда он приказал нам выйти, бросил меня в «воронок», Джейми – в одну полицейскую машину, нашего приятеля – во вторую, и всех нас развезли по разным полицейским отделениям.

Мне сказали, что я арестован за абдукцию. Я даже слова такого не знал.

- Секундочку, - сказал я. – Вы не могли бы мне сказать, что такое эта абдукция?

- Похищение, - ответили они.

- Вы шутите, да? – не поверил я.

Офицер в штатском явно не шутил.

Я на все отвечал «никаких комментариев», как научил меня папа.

Меня отвезли в полицейский участок, посадили в камеру, забрали всю одежду, и выдали костюм из белой хлопчатобумажной ткани. Все офицеры крутились рядом, потому что им сказали, что у них сидит снукерист. Меня спросили, нужен ли мне адвокат, но я не смог дозвониться к своему юристу, так что пришлось довольствоваться тем, кого мне предоставили.

Я был шокирован тем, что происходило, но по крайней мере, я знал, что все это – полная чушь. Каждую пару часов меня выводили на допрос, но каждый раз мне было нечего сказать. Потом меня уводили обратно. Мне не позволили позвонить маме, чтобы договориться насчет адвоката, сказав, что мне не разрешены никакие контакты, но примерно к 10 утра мама узнала, что происходит. Она приехала в участок и привезла мне еду.

Полицейские постепенно поясняли мне, что, как они подозревали, я наделал. Они сказали, что им доложили, что мою машину видели, когда она неслась на огромной скорости через Чигвелл с тремя пассажирами – это, вероятно, было правдой, потому что в те дни я водил как полный лунатик. Десять минут спустя, кто-то пришел в другой полицейский участок, и сообщил, что видели, как какую-то женщину затащили в машину, в которой сидело четверо мужчин. Так что они сложили один и один и получили три: решили, что это я похитил ту женщину.

Только у них ничего не вышло. Я в тот вечер был на боксе и там было телевидение, так что я сказал полицейским позвонить на «Евроспорт» и попросить запись. Это доказало, что я был на боксе в то время, когда женщину затащивали в машину.

Примерно в пять вечера меня отпустили, не предъявив обвинения.

Я так и не получил извинений от полиции. На следующий день в «Сан» появилась статья озаглавленная «АС СНУКЕРА ОБВИНЕН В ПОХИЩЕНИИ» и в самом конце её было одно предложение, в котором говорилось, что меня отпустили, не предъявив обвинения.

Тогда я и начал думать, что вокруг что-то происходит. Мне казалось, что у полиции есть план, что они нацелились на нашу семью. Примерно год спустя посадили маму и оказалось, что все это время мы были под наблюдением.

Примерно пару лет я редко когда не оказывался в новостях – и все время по дурацким причинам. Казалось, что каждый месяц в газетах появляется какая-нибудь история об очередном дерьме, в которое я влип. Однажды я разбил машину, и сказал приятелю: «Да все ОК, я другую завтра куплю». Это была шутка, зато на следующий день заголовки газет кричали: «МАШИНА ЗА 36 ТЫСЯЧ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ ДЛЯ РОННИ. ОН ВСЕ РАВНО ПОКУПАЕТ НОВУЮ». Казалось, что я какой-то псих-транжира.

Иногда девушки продавали свои истории в «Сан». Однажды я был гостем на «Большом Брейке» и там кто-то рассказал байку о том, что я опоздал на шоу из-за того, что занимался сексом с одной из участниц в раздевалке между репетициями. Это было полной чушью.

Даже годы спустя таблоиды никак не могли отказаться возможности тиснуть мое имя, когда дело касалось девушки, а лучше, чтобы их было больше одной. В 2000-м написали, что водил машину в пьяном виде с тремя девушками, причем одна из них была в домашнем халате. На самом деле все и близко было не так, как описали. Я был в Вест Энде, с моей тогдашней девушкой Бьянкой, мы возвращались домой. Мы остановились у светофора, нас

обогнали две девушки, и сказали «Ооо, классная тачка!». Мы просто пошутили, на светофоре зажегся зеленый и я помчался вперед, обгоняя их. Тут меня остановила полиция. Было примерно 2 часа ночи, да еще и бастовали работники метро, так что у станции Стэнфорд стояло больше сотни человек. И тут выезжаем мы. Я так и подумал: сейчас меня опять поймают. Все, что мог услышать, это как люди говорят: «Смотрите, это же Ронни О’Салливан!» У кого-то был с собой фотоаппарат. Разумеется, на следующий день мое имя было во всех газетах «РОННИ ЗАСЕКЛИ В МАШИНЕ С ТРЕМЯ ДЕВУШКАМИ!» Ну и конечно, особое внимание обратили на то, что одна из девушек была в халатике, а остальные «выглядели как модели с третьей страницы». Я понятия не имел, что это за девушки.

Я пытался сдать пробы в полицейском участке, но машина сломалась. Сказали, что сейчас придет врач, и он со всем разберется.

- Он же не будет колоть меня иглками?

- Будет, - сказали они.

- Так, никаких иголок. У меня фобия.

- Это доктор будет решать, когда придет.

- Чудесно, я все объясню доктору, но никто не будет тыкать мне в руки иглками.

В конце концов, я уснул на диване в участке. Меня продержали несколько часов, и последним, чего я хотел, было беседовать с полицией. Я просто хотел, чтобы меня посадили в камеру и позвали, когда я им понадобится. Мне дали час на то, чтобы сдать анализ мочи, но я не смог. Мой адвокат объяснил полицейским, почему мне это не удалось: мне поставили диагноз «депрессия» и я как раз начал принимать антидепрессанты. Стресс и напряжение сделали для меня невозможным мочиться по приказу.

Мне посоветовали, что будет проще, дешевле и сэкономит мне много нервов, если я просто сдам свои права и приму наказание – от года до восемнадцати месяцев. Я уже собирался согласиться, когда мой приятель Мики Кефаль сказал: «Не, даже и не вздумай! У меня есть для тебя самый лучший адвокат: Ник Фриман, юрист из Манчестера, он просто супер. Он может Стиви Вандеру достать водительские права». Ник был великолепен и я свои права сохранил.

В 1996-м я получил наказание за то, что подрался с сыном рефери Лена Гэнли на чемпионате мира. Лен и я никогда не ладили. Он часто определял мне «промахи», хотя я никогда не промахиваюсь намеренно – это не мой стиль игры. Намеренный промах, как по мне – это одно из некорректных правил снукера. Лен Гэнли как-то раз подошел ко мне в Блэкпуле и сказал: «А какое любимое блюдо твоего папочки? То, что ножиком режут?». А я тогда только и подумал: вот поганый ублюдок. По телевизору он кажется таким весельчаком, но он совсем не такой и его не любят. Он думал, что это забавно – то, что он сказал о моем отце. Я попытался пропустить это мимо ушей – мне было 16 и меня многое не так волновало, я был морально сильнее, хотя даже и не осознавал этого в то время. Может быть, нужно сначала сломаться, чтобы оценить ту силу, которая была когда-то. Пять лет спустя я не сумел бы с этим совладать. Если бы он сказал мне это, когда мне был 21 год, я бы точно дал ему в рожу.

С его сыном Майком у меня были еще большие проблемы. В результате этого я получил штраф в тридцать тысяч и чуть не схлопотал дисквалификацию на два года. Майк Гэнли работал в пресс-службе на чемпионате мира и пытался выгнать Дела из комнаты отдыха для игроков, потому что на нем были джинсы.

Я сказал:

- Слушай, мы просто выпьем пару рюмок и пойдем ужинать. Уйдем через минуту.

- Нет. Немедленно. Он должен уйти, - сказал Майк.

- О, да отцепись, - сказал я.

Но он не оставил нас в покое. В конце концов я вывел его и ударил головой. А потом, когда он кинулся звонить организатору турнира Энн Йейтс и рассказывать, что произошло, я сказал: «Давай-давай, стукач гребаный» и пихнул его еще раз. Потом я дал стрекача: я подумал – лучше я отсюда уберусь, прежде чем все начнется. До этого случая я ни разу никого не бил по голове, и никогда больше такого не повторял. На самом деле, это не похоже на меня, и я вовсе не был рад тому, что натворил.

Я думал, что Энн Йейтс спасет меня, но она нашла меня и сказала: «У тебя большие проблемы». Меня намеревались выкинуть с чемпионата из-за этого инцидента, пришлось звонить своему адвокату, чтобы он все уладил. Я должен был играть в четвертьфинале с Джоном Хиггинсом, но даже не знал, позволят ли мне продолжить игру. Провели дисциплинарное собрание и мне пришлось туда прийти. Думаю, если бы на мою сторону не встал Джимми Чэмберс, который знал меня еще ребенком, меня был точно вытурили с турнира. Но мне разрешили продолжать и я в конце концов проиграл Питеру Эбдону в полуфинале.

Прямо после этого матча мама сказала мне о беременности Салли. С Салли мы встречались примерно год, но к тому моменту уже давно разбежались. Вот хрен, подумал я. Это определенно не планировалось, поскольку наши отношения всегда были довольно случайными, но Салли решила, что хочет идти дальше и родить ребенка. Я не знал, что делать – или что я должен сделать. Я уже был в депрессии и не хотел – или не мог – со всем этим справиться. Она родила дочку, назвала её Тэйлор, и я начал выплачивать ей содержание. Вскоре они уехали. Я платил им деньги каждую неделю и купил им дом, так чтобы они могли нормально жить, но первые годы жизни Тэйлор я не имел с ней ничего общего. Только когда я оказался в Прайори, я начал думать о том, что значит быть отцом. Когда я вышел оттуда – написал Салли и сказал, что хотел бы увидеться с Тэйлор. Она написала мне ответ: «Я этого не хочу, потому что я знаю, какой ты на самом деле. Ты приходишь и уходишь, а это совсем не хорошо для нее». Я понимал, о чем она говорит, и что это справедливо, но настаивал, начав проводить кучу времени возле их дома. Я чуть с ума не сошел, увидев Тэйлор, и так радовался тому, что просто увидел ее. Я видел в ней частичку самого себя – как и мне, ей нельзя будет приказать делать что-либо. Но я чувствовал себя неуютно от осознания того, что я тут нежеланный гость. Я решил уйти, подождать, пока моя дочка подрастет и будет сама решать. С тех пор она приезжала ко мне домой несколько раз. Она просто чудесная малышка, мне очень грустно, что я не вижу её чаще, но сейчас это невозможно. Я уверен, мы узнаем друг друга намного лучше в будущем.

Но из всех инцидентов меня больше всего расстроило то, что случилось на Айриш Мастерс в марте 1998-го. Мы с Джимми Вайтом пошли погулять вечером. Я только что обыграл его, но он должен был остаться до Айриш Бенсонс, ну а я все еще играл в большом соревновании. Мы каждый вечер ходили к Лили, но я там только пил Гиннесс.

Однажды кто-то принес немного печенья с марихуаной. Я такого никогда не пробовал. «Да это просто замечательная штука», - сказали мне, так что я взял немножко, развеселился и хихикал. Это было плохим решением. Я не особенно хорошо играл, но уже чувствовал, что мое имя написано на трофее.

У меня были сильные соперники – Джимми, потом Стивен Хендри и Джон Хиггинс – но я все равно чувствовал, что обойду их, и сделал это, переиграв в финале Кена Догерти. В жизни бы не подумал, что немножко печенья с марихуаной выявится в тесте на наркотики, так что когда мы проходили тесты после финала, я не особенно переживал.

Несколько недель спустя Йен Доил, который к тому времени стал моим менеджером, подошел ко мне во время чемпионата мира, и сказал:

- Мне нужно с тобой поговорить, это очень серьезно.

- Что такое? – спросил я.

- Просто зайди ко мне в номер. Я буду там примерно через пять минут.

Я пришел. Когда он появился, я спросил:

- В чем дело?

- Говорят, тебя поймали с дозой. Ты провалил тест на наркотики.

- Бля!

Был уже четвертьфинал чемпионата мира.

- Не волнуйся из-за этого, - велел Йен. – Просто иди и играй.

- Не волноваться?! Что будет?

Я думал, что меня могут дисквалифицировать. Это висело надо мною во время игры с Джоном Хиггинсом в полуфинале. Думаю, было бы лучше, если бы Йен подождал до окончания турнира и потом все рассказал. Он говорил, что будет взят повторный анализ, после чемпионата мира, но как только я узнал, что провалил первый тест, все кончилось.

После того, как и второй тест оказался позитивным, мне опять пришлось предстать перед дисциплинарным комитетом. Я сказал то, что должен был, они сказали, что все обдумают и позвонят мне через час. После обеда мне сказали, что меня лишили титула Айриш Мастерс, и деньги тоже переходят Кену Догерти. Справедливо, подумал я. Я был счастлив, ведь меня, по крайней мере не отстранили от турнира. Но потом до меня дошло, и меня словно наизнанку вывернуло. Это были очень серьезные деньги – шестьдесят тысяч, плюс еще кубок, и то, и другое переходило Кену.

В 2001-м я опять выиграл Айриш Мастерс, и журналист меня спросил, что я чувствую, впервые выиграв этот турнир.

«Минуточку, - ответил я. – Лучше возьмите этот вопрос назад. Я выиграл его во второй раз, и кубок взял второй раз. Если вы считаете, что косяк марихуаны мог улучшить мою игру, то, должно быть, бредите. Я выиграл тот турнир честно. Да и в любом случае, это мне еще услугу оказало – то, что я выкинул это барахло, потому что так игру не улучшишь. Я выиграл дважды и запомните это!»

Журналист рассмеялся.

Кен так и не выиграл этот турнир. Если вы его спросите, он скажет, что его разгромили в

финале со счетом 9-3 на глазах у огромной толпы земляков.

Думаю, в некотором смысле я и заслужил этот ярлык «плохого парня», но я никогда не был плохим парнем внутри – никогда не ощущал, что это моя истинная сущность. Надеюсь, я уже избавляюсь от этого клейма, хотя не думаю, что когда-либо оно исчезнет полностью. А может быть, даже если и исчезнет – не так-то уж это и замечательно. В конце концов, взгляните на историю снукера, по каким-то причинам, плохих парней с талантом всегда любили больше всех.

Глава 7. Примирение с зависимостью

Возможно, остальным это покажется незначительным, но для меня это огромная часть моей жизни. И я ее ненавижу: я могу целый месяц не прикасаться ко всякой дури, но потом я должен закурить или выпить. Я аддикт, который постоянно борется со своей зависимостью, и это никогда не изменится. Это часть меня самого. Моя зависимость может быть самой разной. В хороший день – снукер, в плохой – наркотики. Самым тяжелым, что я пробовал, была марихуана. Многие говорят, что к марихуане зависимости не вырабатывается. Но я думаю иначе.

Шел 1998 год. Я вернулся к выпивке, курению и саморазрушению, был разбит и знал, что мне нужна помощь. Успешный игрок в снукер, третий номер в мире, но я был просто жалок. Часть моей аддиктивной личности вечно стремится к совершенству, а поскольку я никогда не достигал этого, то во мне постоянно присутствует ощущение провала. Такова была моя жизнь в течение шести или семи лет: стремление к совершенству, невозможность достигнуть его, отчаяние. И самое странное – мне было комфортно, когда я чувствовал себя жалким. Я был даже относительно счастлив, если это имеет какой-то смысл. Я привык к этому ощущению, у меня ведь было оправдание тому, чтобы затыкать людям рты, нить и пьянствовать.

Но что меня совсем не устраивало – так это когда я чувствовал, что не имею права быть в депрессии. Классический случай – когда я разгромил Джона Хиггинса у него дома в Шотландии и выиграл Мастерс 1998. А самым безумным было то, что я даже подумывал о том, чтобы завалить финал, потому что после каждого турнира Эмбасси устраивают большой банкет, куда приходят спонсоры и их гости, и финалисты дают автографы. Ладно, думал я, если я проиграю, мне все будут сочувствовать и смогу сказать: «Да, я в отчаянии, меня это просто разбило» и, неким странным образом, я буду счастлив. Эта мысль то и дело приходила ко мне в голову, пока я играл. Я пытал себя вопросами: почему ты хочешь выкинуть тридцать тысяч фунтов, чтобы у тебя было оправдание для того, чтобы быть несчастным? Это не имело смысла.

Большую часть финала я играл нормально, но при счете 6-6 что-то шелкнуло, и все встало на свои места. А Джон растерялся. Он играл перед своими земляками, и все ждали, что он победит, потому что он только что выиграл чемпионат мира. Думаю, он просто не справился с этим. Как у меня, когда я играю на Уэмбли: отчаянно хочешь победить у себя дома, и это давит еще сильнее.

В мире не было ни единой причины, чтобы я был в отчаянии, но я был. И должен был

держат марку и притворяются, что я счастлив. Я всегда считал, что должен быть тем, кем меня хотят видеть. После финала, на банкете Эмбасси мне говорили: «Вы только что выиграли турнир, Ронни, должно быть, вы сейчас в восторге», хотя внутри это причиняло мне боль. Все, чего я хотел – это сказать: «Спасибо вам большое, я иду к себе», но я не чувствовал в себе силы сказать это, потому что знал, что должен праздновать, гулять и веселиться. Я размышлял над тем, что должен произнести речь и сказать, какой это замечательный турнир, и какие чудесные спонсоры, и каким фантастическим менеджером был для меня Йен Дойл, и сказать спасибо шотландцам, и что я безумно рад играть перед ними, и что жду не дожусь вернуться сюда в будущем году. На самом деле я не мог дождаться того, чтобы оказаться в своем номере и жалеть себя вместе с Делом. Он управлялся со мной; знал, в каком состоянии я нахожусь. И знал, что это всего лишь внешность, потому что жил со мною целую неделю и понимал, что от победы на турнире мне легче не станет.

Я встал и произнес речь. Джон Хиггинс только что закончил свою. Он так уверенно обращался, «дамы, господа и почетные гости», а я думал, черт, а мне что говорить? Джон сказал, что это был замечательный турнир, и что он очень рад, что я его выиграл, очень весело пошутил и все засмеялись. Он только что проиграл и был счастлив, я только что выиграл и мне было ужасно плохо. Я встал и сказал: «Здравствуйте, дамы и господа» три сотни людей, приглашенные гости от спонсоров, Эмбасси, а я даже в глаза им смотреть не мог. Кажется, я сказал: «Благодарю вас», хотя не уверен, действительно ли меня на столько хватило, а потом просто добавил: «Эээ...и все». Я услышал, как все засмеялись и был уверен, что смеются надо мною. Сейчас, оглядываясь назад, я знаю, что это было не так, но я был таким параноиком...

На следующее утро Дел завтракал, но я даже не спускался, настолько плохо мне было. Я попросил Дел, чтобы он попросил, чтобы завтрак принесли мне в номер, и сказал, что мы сразу же уезжаем. Я выиграл на этом турнире 65 тысяч фунтов после трехмесячного отдыха, так что не было способа начать сезон лучше, но я чувствовал себя полностью убитым. После завтрака Дел сказал, что беседовал со специальным корреспондентом «Гардиан», который освещал снукер, Клайвом Эвертоном. «Он слышал твою речь, - произнес Дел, - слышал, что ты говорил, и сказал мне: «Я был точно в таком же состоянии как Ронни – не мог смотреть людям в глаза; я вообще ни с чем не мог справиться. Я играл в снукер и вдруг бросал все и начинал плакать безо всякой причины. Он в депрессии и ему нужно что-то с этим делать».

Это все звучало очень знакомо: у меня бывали времена, когда я играл, а потом просто что-то ломалось. Тогда люди думали, что у меня все-таки не все дома. Я делал рискованные удары, потому что думал, ну и хрен с ним. Я так хотел, чтобы все закончилось скорее.

Иногда это срабатывало мне на пользу. Если я становился безрассуден и шары начинали летать, мой оппонент мог подумать: это важный матч, он не должен так играть, ведь он может выбыть из игры. Так что противник начинал промахиваться, потому что думал, что я ничего не боюсь. Но единственная причина моего бесстрашия у стола был а в том, что вне его я был просто дрожащей развалиной. Я часто доводил до счета 5-5 в матче из 11 партий и радовался осознанию того, что могу упаковать чемоданы и уехать домой, и мне не придется дольше задерживаться на турнире. Деньги были не важны: я знал, что даже если проиграю все матчи в первом раунде – у меня все равно будет чем оплачивать счета. Я думал: ну и что, худшее, что может случиться – это что я упаду в рейтинге, но мне все равно хватит, чтобы сводить концы с концами.

Добравшись домой, я позвонил Майку Бриарли (во время их утренней беседы Клайв Эвертон посоветовал Делу, чтобы я связался с Майком, который, после того, как ушел из крикета, работал психотерапевтом, специализируясь на спортивной психотерапии). Тот сказал, что очень занят, но порекомендовал мне доктора Марго, из частной клиники в двух шагах от

моего дома. Я ходил к нему почти месяц, и изливал ему душу. Он просто слушал; редко когда вставлял слово. У него было такое успокаивающее лицо, такое, какому доверяешь, и я говорил и говорил. Это было чертовски дорого, но я надеялся, что оно того стоит. Каждый раз, когда я выходил от него, мне было хорошо. Словно груз падал с плеч. Потом я шел спать, а на следующий день все опять возвращалось – приступы паники, чувство изоляции. Доходило до того, что мне уже ничего не хотелось делать.

В конце концов я пошел к другому психотерапевту, самому Майку Бриарли. Он выдал мне одну вещь, с которой я просто не сумел справиться. Я рассказал, что борюсь с собой и чувствую себя некомфортно, когда стою у стола.

- Ваш отец правша? – спросил он.

- Да, - ответил я.

- Значит, вполне вероятно, что он ударил того человека, которого убил, ножом в правой руке?

- Да, вероятно.

- Итак, может быть, то, что случилось той ночью в клубе, повлияло на вашу правую руку. Много лет назад на войне были те, кто не хотел стрелять, но их заставляли, и потом их руки парализовало.

После этого я не мог воспринимать его серьезно. Не то, чтобы он плохой специалист – я знаю, что у него прекрасная репутация, и что он помог многим людям – но как только он это предположил, я потерял в него веру. Я по прежнему ходил к нему на встречи примерно еще год, потому что моя самооценка была настолько низкой, что я не осмеливался сказать ему что в наших занятиях нет никакого смысла, и что мы не прогрессируем. Я даже платил ему больше его гонорара – кажется, он брал 80 фунтов за встречу, а я платил 90, потому что хотел ему нравиться, чтобы он считал меня хорошим человеком.

- Вам не нужно платить мне сверх, - говорил он.

- Нет. Мне от этого лучше, - отвечал я.

Опять же, все это было из-за моей самооценки. Я полагал, что единственным способом доказать, что я достойный человек было платить больше. Если я даю что-то людям, думал я, они не подумают, что я такой кретин, каким себя считал.

Майк Бриарли был хорошим специалистом. Обычно мне становилось лучше после встреч с ним, но часто я ехал к нему в Ислингтон, думая: зачем я еду туда, в час пик, если все равно мне станет легче на пару часов, в лучшем случае – на один день? Точно так же, как с доктором Марго – я не получал долговременной пользы и негодовал от того, что должен опять туда идти. В конце концов, я признал, что психотерапия со мною не срабатывает.

После победы на Скоттиш Мастерс я поехал в Ирландию играть показательные матчи и взял с собою Дела. Для Дела не имеет значения, жалок ли я на самом деле – он убирает всю боль. Если вы смотрели фильм «Зеленая миля», то Дел похож на того черного парня, который забирает боль у остальных. Мы столько вместе прошли. Точнее, это он много вместе со мною прошел. Без него, я это знаю, я бы сегодня не играл. Единственное пристрастие Дела – жизнь; он просто веселит людей, умея разглядеть в чем угодно забавную сторону, с ним мне всегда весело. Он как лекарство.

В первый же вечер в Ирландии – бац! Просто фантастика, я сделал 147, мне аплодировали стоя, все сходили с ума. Я сделал еще три сенчури в девяти партиях. Я должен делать сенчури и максимумы на показательных играх, потому что я не умею делать трикшоты и не прикалываюсь. Если я не сделаю сенчури, зрители решат: ну, я видел Ронни О’Салливана, и он не смог набрать 80 очков, и ни разу не матюгнулся. Фантастика! Так что я обязан это делать, иначе что они получат? С Дэннисом «Омаром» Тэйлором за весь вечер можно не увидеть ни одной серии хотя бы в 80 очков, зато будут потрясающие трикшоты и он вас развеселит. Так что в тот вечер мой снукер был на высоте, а я чувствовал себя хорошо, прямо на девятом небе.

На второй вечер мы пошли к Лили, пили, курили косяки, с нами приплелась еще куча наших ирландских приятелей и всем было весело. Дел ушел примерно в 3 часа утра, а я все еще гулял. Оттуда мы направились на Лизон Стрит и оставались там до семи утра. Я все еще был на ногах и не хотел возвращаться в номер. Так что приятели сказали, что можно пойти в «ранний дом». Я понятия не имел, о чем это они, мне объяснили, что так называются пабы, которые открываются с семи утра. «Идеально, - сказал я. – «Гиннес» на завтрак». Мы шли через центр города, а люди собирались на работу. На мне было здоровенное пальто, под которым ничего не было, потому что мой приятель облился и я отдал ему свою рубашку. Мы, должно быть, выглядели как четверо психов, сбежавших из клиники. А что еще о нас могли подумать? Но я зашел уже так далеко, что мне было плевать. Мы просидели в пабе, попивая «Гиннес» до полудня. Я должен был играть после обеда, но, разумеется, когда вышел к столу, то не смог забить ни одного шара.

И так мы продолжали пять дней и ночей. В последний вечер я просто сидел, обхватив голову руками. Дел спросил, в чем дело. Не думаю, что он понимал, насколько мне было паршиво. Я был как труп. Не мог пошевелиться. Я сказал, что не могу продолжать, и что мы должны вернуть зрителям их деньги. Мы пошли, все решили и я улетел домой на следующий день. Дома я сидел на диване, парализованный тем, что делал с собой всю предыдущую неделю. Оставалось всего девять дней до начала чемпионата Великобритании, девять дней, чтобы привести себя в чувство. Но дело не только в запое: я был в депрессии и вымотан физически.

Я почти не мог заставить себя заниматься, потому что в глубине души знал, что все это будет без толку. Нет меня. Я даже тренироваться не мог, не в том настроении ни на следующий турнир, ни на какой. И знал, что все почувствуют, что я их подвел. В конце концов, я еду на турнир как действующий чемпион.

Я пообещал, что последний раз довожу себя до такого состояния. Но перед этим мне предстояло кое-что худшее. Должен ли я рассказывать папе, как я царственно сам себя обломал? Иди подождать до начала турнира и потом ему сказать? Вот так, накануне одного из важнейших турниров я был полной развалиной. Я думал: там, где папа сейчас, последнее, что он захочет узнать – это что я был на мега-гулянке. Но если меня из-за этого вынесут с турнира – это для него будет вообще убийственно. Мне не нужно было сочувствие, я знал, что он просто скажет мне, какой я кретин, баран, и что я позорю семью. Я получу все это, и только остается молить бога, чтобы он не сильно на меня вызверился.

Сейчас вспоминая об этом, я так жалею, что просто не удержал язык за зубами, не отказался от турнира, и не рассказывал ему, почему, потому что его реакция оказалась даже хуже, чем я боялся.

- Папа, я был на прошлой неделе в Ирландии, я все прогулял, и не думаю, что в состоянии играть на чемпионате Великобритании. Я чувствую себя дерьмово, я измотан, я даже смотреть на кий не могу. Папа, я серьезно.

Моя депрессия все углублялась, но мне только еще предстояло узнать, что это такое.

- Я в это не верю, - отрезал отец. – Не верю, что ты это сделаешь. Я думал, у тебя больше ума.

- Папа, я знаю, - сказал я. – Это было ошибкой. Я просто запутался, этого больше не повторится. Пожалуйста, господа, пусть это больше не повторится.

Я сказал ему, что пытаюсь все исправить, но это были только разговоры. После этого он звонил каждый день и спрашивал, как я себя чувствую.

- Да все нормально, я тренировался и отдыхал, - отвечал я.

Но каждый день, когда он со мною говорил, казалось, что его достает что-то новое. Не только неделя, которую я провел в Ирландии, но все, что я сделал в предшествующие шесть месяцев, и что, как он решил, довело меня до этого состояния.

Потом, однажды, он сказал:

- Ты просто обуза. Мы с мамой не хотим иметь с тобой ничего общего. Ты с нами в деле, мы сводим концы с концами, но ты не выполняешь свою долю работы. Мы этого больше не можем терпеть. Мама хочет, чтобы ты ушел из нашего дома и я не хочу тебя больше видеть, ни твоих посещений – ничего. Я говорю с тобой в последний раз.

Он продолжал и продолжал, становясь все более и более расстроенным.

Не смотря на это, я сказал ему, что определенно не буду играть на чемпионате Великобритании.

- Отлично, - сказал отец. – Собирай свои манатки и живи сам, как хочешь. Желая тебе всего наилучшего, на всю оставшуюся жизнь, но ты больше нам не партнер.

Все, что я зарабатывал и что зарабатывали мама с папой – мы делили. Мы вместе покупали имущество и когда я слишком много тратил, мама помогла мне с моими налогами. Все шло в общую кубышку, пока отца не было рядом, я оставался единственным добытчиком в семье.

- Ты даешь все те обещания, а сам даже не можешь удержаться в форме для какого-то гребаного снукерного турнира! – Он орал на меня по телефону.

Я знал, что это слушают остальные заключенные и охранники, и они, возможно, отпускают по этому поводу шуточки, думая: «Он сорвался, наконец-то он сорвался!». Вероятно, единственным, что могло бы заставить отца сорваться – была семья, которая разваливается.

Я был опустошен. Знал, что никак не могу с этим разобраться. Я смирился с тем фактом, что больше не увижу отца, но я был так расстроен из-за него и мамы. Я всегда старался изо всех сил, и да, я был глуп, но мне было так плохо, самооценка падала до нуля, а моим единственным ответом на это было разрушать себя. Я никогда не говорил с ними, почему довожу себя до такого состояния, и как себя чувствую. Они думали, что я, как многие другие молодые парни, бывал на гулянках и принимал некоторые расслабляющие наркотики, и что пока я это контролирую – все будет нормально. Но я оказался в таком ужасном состоянии, что травка стала моим лекарством. Это становилось важнее, чем снукер. Я так отчаянно желал для себя этого постоянного химического облегчения, что не думал о последствиях. Доводил себя все сильнее и сильнее, но определенно – это было не для того, чтобы расстроить родителей. Они всегда говорили, что множеству людей куда хуже, чем мне, и, разумеется, они были правы, только мне не становилось лучше от осознания того, что я мог

позволить себе все, чего хочу. Родители не могли этого понять. Очень сложно понять, насколько плохо чувствует себя человек в депрессии, и почему он себя так чувствует, разве что вы сами не бывали в такой ситуации. В некотором смысле, самым бесполезным в такой ситуации является попытка изучить депрессивную ситуацию с помощью логики, потому что депрессия не имеет ничего общего с логикой.

Мама точно не могла этого понять. Она сказала мне:

- Посмотри, через что прошла я, и я со всем этим справилась.

Я ответил:

- Да, ты просто молодец, и я тобой горжусь, но это ты, и то, что папа в тюрьме – это не единственная проблема. Просто я чувствую себя разбитым каждый раз, когда просыпаюсь утром. И каждый раз, когда я выхожу на турнир – я не могу смотреть в глаза людям. Это нормально, думать, ну и на хрен снукер? Я просто хочу разбиться, чтобы как-то унять эту боль.

Оглядываясь назад, я понимаю, что мне нужно было пройти это все, чтобы найти ответ самому. Если бы я послушался родителей, то, вероятно, оставил бы игру. Они не хотели этого, но думали, что именно игра приводит меня в это состояние. До нашего разрыва отец часто говорил: «Смотри, если снукер вызывает депрессию, займись семейным бизнесом. Мы с мамой взяли хороший старт и думаем, ты готов». Я рад, что не пошел этой дорогой. Все на свете случается не просто так, и если бы я так поступил, то, может быть, я бы все бросил, и все равно чувствовал бы себя так же плохо.

Я переехал. К счастью, я как раз купил небольшой коттедж неподалеку. Я и до ссоры с отцом был очень одинок, но сейчас я вышел на новый уровень отчаяния. Мама от меня отказалась, папа от меня отказался. Все, что у меня осталось – это Дел. Так что я позвонил ему и сказал, что порвал с семьей, переехал из дому, и что все паршиво. В конце концов, он не стал травить мне душу, но спросил, где я с ним останюсь.

- Дел, только ты и я, - сказал я. – У нас с тобой общая миссия.

Но мне было так одиноко.

Дел позвонил Йену Дойлу, который был моим менеджером в то время, и сказал, что я не буду участвовать в чемпионате Великобритании и что он должен сказать организаторам, что действующий чемпион не появится.

Пресса отхватила сытный кусок, расписывая мою депрессию, а журналисты, пишущие о снукере, сочиняли статьи о моем душевном состоянии.

Однажды я открыл Дейли Мэйл и увидел большую – на целый разворот – статью, которую написал один хорошо знавший меня журналист. В статье говорилось, что в душе я хороший человек. Тот журналист, Текс Хеннесс, как-то раз пригласил меня на обед к себе и своей жене, когда мне было 18. Он написал, что когда-то я был самоуверенным молодым человеком, который громил любого, попавшего в поле зрения, но сейчас, семь лет спустя, я стал беспокойной душой. Он писал, что наблюдал все эти годы, как я менялся, как падал и взлетал. Читая, я все спрашивал себя: почему это все случилось со мною? Статья заканчивалась уверением, что все это связано с моим отцом, но я сражался со своими собственными демонами и пытался собрать свою жизнь воедино. Каждое написанное им слово било. Я наблюдал за остальными снукеристами, как они радовались жизни и перешучивались на турнирах. Я еще мог вспомнить эти чувства и завидовал им. Я думал:

везучие засранцы. А я другой, и вот он я, жалкий и несчастный.

Было еще кое-что, мучающее меня: все говорили, что я не реализую свой потенциал, что не выигрываю столько, сколько должен бы. Я читал эти статьи и спрашивал: зачем я пытаю себя снукером? Зачем я все еще играю в него? Почему я такой несчастный? Почему это все со мною происходит? И почему папа не может быть рядом, и радоваться? Если бы он не был там, говорил я себе, я знаю, что я не дошел бы до такого. Временами я чувствовал, что моя депрессия не имеет с этим ничего общего, но на следующий раз я знал, что все это во многом из-за того, что мой отец в тюрьме.

Когда мама и папа отказались от меня, я понял, что теперь у меня есть два пути. Я мог пустить все псу под хвост и разбить свою жизнь окончательно и бесповоротно. Или я мог заставить отца извиниться. Я отчаянно желал выиграть следующий турнир, чтобы он позвонил, хотя бы только маме, и велел: «Скажи ему, что он молодец». Я знал, что так и будет, ведь что бы он ни говорил, он меня любит.

Несколько недель спустя мама позвонила мне и спросила, что случилось, почему я с ней не разговариваю, почему не дома? Она разговаривала со мною, как обычно, словно забыв обо всем, что произошло.

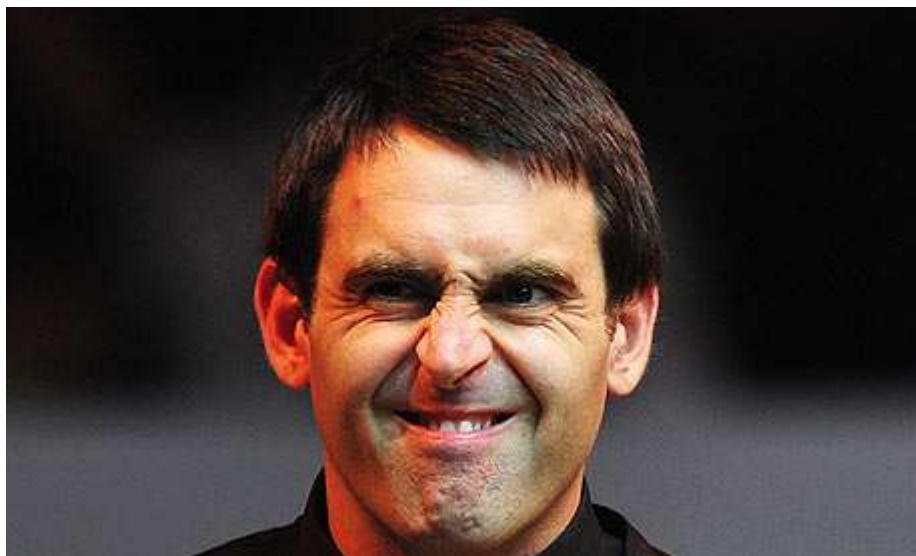
- У отца крыша поехала, - ответил я. – Я даже разговаривать с ним не хочу больше. И вообще, насколько мне известно, я вам больше не родственник. – В конце концов, именно это отец мне сказал. – Ну и отлично. Я сам собой распоряжусь, только не лезьте в мою жизнь.

- Я этого не хочу, - ответила мама. – Я хочу, чтобы ты вернулся домой. – И она начала плакать.

Я переключился на бешеный фитнес – ежедневные пробежки и тренировки по шесть часов на день. Я был намерен доказать папе, что он ошибается.

Я не выиграл следующий турнир. Точнее, проиграл в первом раунде. Но то, что мама приняла меня обратно – вот что было действительно важно.

Глава 8. В Прайори

Шел 2000 год. Я только что встретил Бьянку и думал только о ней.

Последние пару лет я провел, пытаюсь как-то собрать свои мысли воедино, но глубоко внутри я все еще был разбит и, что еще хуже – я не мог показать ей, в каком я на самом деле состоянии. Так что каждое утро я вставал раньше её и «приходил в себя», если можно так назвать косяк марихуаны в девять утра. Мне это было нужно, чтобы как-то существовать – или я так думал. Я бы никогда не предложил этого ей, потому что я знал, что это – неправильно, ненормально. Я стал зависим от этого. Моя предыдущая подруга была такой же испорченной, как и я, но Бьянка к этому никогда не прикасалась и я знал, что она будет относиться ко мне хуже, если узнает, что я этим страдаю. Я начал прятаться, а я никогда не умел хранить секреты.

Мне нужна была помощь. Я думал, что это депрессия заставляла меня первым делом поутру тянуться к сигарете с травкой, а потом – и целый день не выпускать её. Поэтому я позвонил в Национальную Линию Помощи при Наркотической Зависимости и поговорил с девушкой по имени Сэм, которая с тех пор стала мне хорошим другом. Я объяснил ей, что я считаю, что корень проблемы – в снукере, потому что когда игра идет хорошо, я и чувствую себя хорошо, а каждый раз, когда игра портится – мое настроение становится хуже. Я не знал, что из этого является первопричиной. Если я был не в настроении, то сидел дома и ни с кем не разговаривал, или шел в спортзал и тренировался по два часа, пытаюсь собраться. А то и просто шел к кому-нибудь из друзей, чтобы меня там разгромили.

Выслушав все это по телефону, Сэм пригласила меня на встречу. Я рассказал ей, что травка нужна мне для того, чтобы нормально себя чувствовать в компании других людей.

- Я думаю, у вас наркотическая зависимость, - сказала она.

К этому времени я перебивал у трех психотерапевтов и ни один из них даже не предположил этого.

- Возможно, вам стоит отправиться в Прайори? – предложила она.

Я слышал о Прайори, думал: Нет, это не для меня, это для тех, кто сидит на героине. Я всего лишь курю марихуану. Прайори – не то, что мне нужно. Но в голосе Сэм было что-то убеждающее.

- Вы пробудете в больнице четыре недели. Попробуете? – продолжила она.

- Я что угодно попробую, - ответил я. – Я уж пробовал гипноз, психотерапию, адвокатов. Да, я готов на все.

- Вы пойдете сегодня со мною на встречу?

- Да, пойду.

- Хорошо, - сказала она. – Сегодня вечером мы пойдём на встречу, а на завтра я закажу для вас место в Прайори.

- Погодите! Я не собираюсь отправляться завтра в Прайори. Это может подождать, у меня куча дел.

- Приходите на встречу, - сказала Сэм, - посмотрим, что вы решите, и если вы готовы для Прайори, то отправитесь туда завтра.

Я решил рассказать об этом маме и спросил Сэм, не могла бы она пойти со мною (я понятия не имел, как мама на это отреагирует). Если честно, я был немного напуган. Мы пришли к маме, сели, я представил ей Сэм, сказал, что она консультант по наркозависимости и что, может быть, я лягу в Прайори. Мама просто расхохоталась. Это был нервный смех, не думаю, что она осознавала, в каком я отчаянии.

- Ну, что ты думаешь? – спросил я.

- Рон, если хочешь, то отправляйся. Ты же знаешь, я сто процентов приму тебя обратно, - ответила мама.

Но она думала, что это все шутка – несмотря на то, что однажды выкинула меня на улицу и сказала, что не может смотреть на то, что я с собой делаю. Но тогда дело было скорее в моем весе, а не наркотиках, и раз я в хорошей форме и неплохо выгляжу, считала она, то все нормально. Я знал, что это не тот случай. Да, я смотрюсь нормально, но зачем тогда мне нужна травка каждое утро? Почему только после этого я могу посмотреть на мир или расслабиться в компании? Я чувствовал, как меня опять охватывает паника и что единственный способ от нее спастись – это покурить. Я мог спокойно ехать по дороге и вдруг, без какой-либо причины, меня начинало заносить. Паника наполняла меня, я даже не в состоянии был дышать. Люди смотрели на меня, а я думал: на что уставились? Я был параноиком и от марихуаны мне определенно становилось еще хуже. Она делала меня психом, сумасшедшим. Но когда я был не под кайфом, то безумно боялся, и был не в ладах сам с собою. Мне было неуютно в собственной коже. Просто не нравилось быть мною.

Первая встреча прошла в Майл Энд, восточный Лондон, в восемь вечера в четверг. Я не знал, чего ожидать. Сэм сказала: «Просто придите, сядьте и слушайте, вам не нужно говорить. Выпейте чашечку чаю и если вам захочется поговорить – тогда говорите». Я сидел рядом с ней. Люди обнимались, спрашивали друг друга, как дела. Подходили и ко мне, но я испугался. Я знал, что я публичный человек, и решил, что они будут смотреть на меня иначе, думая: а он что здесь делает? Потом женщина впереди спросила что-то о чтении, и присутствующие начали объяснять, почему они пристрастились к чему-то, и что такое аддикт, потом они читали что-то под названием «12-шаговая Программа для Анонимных Наркоманов». А женщина потом поблагодарила всех, кто выступал.

Потом один человек делился своим опытом, силой и надеждой – я тогда впервые услышал это выражение: «Джон пришел, чтобы поделиться своим опытом, силой и надеждой».

Предполагается, что вам нужно отождествить себя с говорящим. Я просто слушал. У меня с этим парнем не было ничего общего: его обижали, когда он был ребенком, он был черным, его из-за этого оскорбляли, он подсел на героин и оказался в клинике. Я смотрел на него и думал: он не такой, как я, я всегда работал, мы из разных миров. Он окончил свою историю и я спросил себя: что я здесь делаю? Это не для меня.

Мы сидели широким кругом. Люди называли себя, говорили, что они аддикты и рассказывали свои истории. Уже выступили пятеро или шестеро, а я по-прежнему думал: не-а, не отождествляю я себя ни с чем из того, что уже было сказано. Мне даже стало немного скучно, так что я откинулся на спинку и решил: я послушаю, что они там рассказывают, но в это Прайори я не поеду, точно.

Потом встал один парень и сказал: «Меня зовут Терри и я аддикт. Я помню дни, когда звонил телефон, а я лежал в кровати и натягивал на голову покрывало, чтобы не слышать. Я задергивал все шторы и никому не открывал дверей. А когда звонил этот телефон, то я был полной развалиной и не мог ни с кем говорить».

Он говорил, и я думал: я знаю это ощущение. Ведь это же было со мною, но взгляните, он сейчас сильный, значит, и для меня есть шанс. В безнадежности я обрел надежду, всего за те минуты, пока он рассказывал свою недолгую историю. Я никогда не переживал так из-за того, о чем все говорили раньше. Все говорили, что это как-то связано с тем, что папа в тюрьме, но не нужно быть гением, чтобы понять, если кого-то, кого вы любите, посадили на восемнадцать лет, то это определено на вас отразится. И не нужно особого ума, чтобы понять, что я не слишком хорошо с этим справлялся. Но психоаналитики не помогали мне с этим справиться, они просто рассказывали мне всякую ерунду, что я и сам о себе знал, не показывая мне пути вперед.

Но услышав Терри и поняв, что он сказал, я преисполнился надежды.

Следующим, кто делился своей историей, был полный героиновый аддикт, который жил только ради дозы, так что с этим я тоже себя отождествил. У тебя проблемы с наркотиками, сказал я себе. Чтобы оказаться здесь, вовсе не обязательно принимать тяжелые препараты.

Выходя оттуда, я сказал Сэм: «Это было невероятно, я в шоке».

Я тогда не рассказывал о себе – был слишком напуган или думал, что я не знаю, как вести себя, что я не готов. Так что я подумал, что если буду держать рот на замке, буду просто приходить сюда время от времени и просто слушать что-то в этом духе, что меня вдохновит.

- Да, я еду в Прайори, - сказал я. – Но не завтра. Сначала я должен пойти и рассказать об этом папе. Я не отправлюсь в больницу, не поговорив с ним, потому что газеты все разносят, а я хочу, чтобы он это нормально воспринял.

Нам было назначено посещение на следующий день, так что я пошел туда со своим приятелем Майклом. Почти час я хотел рассказать обо все отцу, но просто не мог выдать это из себя. Я не знал, как это сделать. В конце концов, я сказал: «Папа, мне нужно кое-что тебе рассказать».

Он сказал:

- Ладно, в чем дело? Что случилось?

- Я отправляюсь в Прайори, - ответил я.

- Слава богу, - сказал он. – Значит, идешь на Двенадцать Шагов? У меня тут есть приятели, которые сидят на героине: они были ужасны, но они ходят на эти встречи и проходят Двенадцать Шагов, и, Рон, теперь они самые спокойные люди, которых я когда-либо встречал. Они счастливы. Да, иди туда. Сколько бы тебе не понадобилось времени, желаю тебе удачи. И что бы ты ни сделал, я с этим справлюсь, ведь я знаю, что это хорошо для тебя.

Отец сказал мне, что каждый раз, когда меня показывают по телевизору, он смотрит это вместе с одним из своих друзей, который прошел Двенадцать Шагов. «Он не выиграет», - говорил друг, и папа спрашивал, «Откуда ты знаешь?».

- Его состояние. Он не в том настроении и он не выиграет.

И папа сказал, что его товарищ всегда оказывался прав.

- Ни хрена себе, - сказал я.

Отец еще сказал, что этот его приятель скоро выходит, и попросил, чтобы я провел его на турнир.

- Папа, - ответил я, - ты уже достаточно напакостил себе в жизни из-за своих приятелей, и я ими тоже сыт по горло. Я не хочу, чтобы они отирались рядом со мною, не нужно мне никаких психов. Я вполне счастлив и так.

Хотя на самом деле все было иначе.

Из-за моего отказа посещение закончилось немного грустно, но когда я вернулся домой, то все еще чувствовал себя замечательно. Я не отошел от предыдущего вечера, мне было хорошо и спокойно. Больше не спорило целое сборище в голове – мне казалось, что внутри меня звучат голоса, которые друг с другом ссорятся. Я не знал, куда идти, и что думать, потому что не слышал из-за них собственных мыслей. Они доводили меня до белого каления. А теперь они исчезли.

Я позвонил Сэм и она сказала, что договорилась обо всем для меня на следующее утро. Мне осталось переговорить еще кое с кем – с Бьянкой – так что я отправился к ней в Уолтэмстоу и объяснил, что я собираюсь сделать.

Она пришла в ярость.

- Ты не наркоман, - закричала она. – У тебя нет с этим проблем!

- Послушай, я еду, - сказал я, - и я хочу, чтобы ты меня в этом поддержала. Ты для меня очень много значишь, и одна из причин, по которой я еду туда – это моя встреча с тобой. Ты не признаешь наркотиков, а мне плохо от того, что я должен их принимать, но это сделает меня лучше. Может быть, это то, что мне нужно.

- Если ты туда отправишься, то между нами все кончено, - отрезала она.

Так мы расстались и несмотря на то, что она сказала, я был в таком чудесном настроении, когда пришел домой, что мне действительно захотелось покурить. Я знал, что завтра еду в Прайори и что там не будет абсолютно никаких наркотиков. Мне придется там ночевать целый месяц, думал я, как в тюрьме, так чем мне повредит один косячок? Но тут пришла Бьянка и мы все обсудили. В конце концов, она смирилась с мыслью о том, что я уезжаю. «Если ты считаешь, что тебе это нужно, то поступай, как знаешь», - сказала она.

Но на следующий день я проснулся и собрался уходить, когда она сказала: «Послушай, выбирай, или я, или Прайори».

Я сел и все обдумал. Через пять минут я упаковал чемоданы и сказал: «Увидимся позже». Я отправился к маме, и собрал там полный чемодан. Сэм подобрала меня и мы вместе поехали в Прайори, в Роухэмптон. Она высадила меня у ворот и я пошел пешком в приемную. После того, как я зарегистрировался и все подписал, меня отвели в мою комнату. Она была очень милая, уютная, и с телевизором. Нормально, подумал я. Потом прислали двух докторш, которые попросили меня заполнить форму насчет моих проблем. Они её прочли и быстро сказали: «Да, вас направляют к аддиктам». Я еще выпивал, но думал, что это только для того, чтобы отчиститься от наркозависимости, выпивку проблемой не считал.

Мне сказали, что я должен по утрам оставаться в своей комнате, а после обеда, возможно, мне стоит пойти на встречу Анонимных Наркоманов. «В субботу у нас полдня, - сказала одна из докторш. – Большинство идет на собрание в два тридцать. Если хотите – тоже сходите. Мы считаем, что вам стоит это сделать». Я до этого бывал только на одном собрании, пару дней назад, так что я решил, что попробую.

В комнате было полно народу, и это меня напугало. Выступала большая дама, с большими губами, в больших очках, в общем – она была даже слишком большой. У меня внутри все сжалось и в глазах зарябило, потому что я думал: мне придется тоже открыть рот, я должен что-то сказать.

Я слушал, как все делятся своим опытом, рассказывают друг другу о том состоянии, в котором были, и как намного лучше они чувствуют себя сейчас. Я собрался с духом, представился и сказал: «Я в депрессии, у меня приступы паники и я чувствую, что хочу курить. Мне неуютно в этой комнате, но я хочу частичку того, что есть у вас. Я не могу поверить, что когда-то вы были такими же, как и я. Но я здесь и проведу месяц в Прайори. - Эти выздоравливающие аддикты не лечились в Прайори, они просто использовали помещение для собраний. – Мне страшно, я не знаю, правильно ли, что я тут нахожусь. Да ладно, я все уже перепробовал и ничего не сработало. Поэтому я намерен попробовать это». У меня к глазам подбежали слезы. Все смотрели на меня так внимательно, и я надеялся изо всех сил, что никого не обидел тем, что сказал.

Но они все подошли ко мне позже и один человек сказал: «Ты придал мне силы». Я подумал: ЧТО?! Как я мог придать тебе сил? Ты надо мною издеваешься? Потом он сказал: «Ты там, где нужно, просто не торопись». Женщина с большими губами и в больших очках сказала: «Я ничего не принимаю уже четыре года, но то, что вы рассказали, заставило меня вспомнить, как я себя чувствовала, когда впервые вошла в такую комнату. И благодаря тому, что вы сказали, я буду держаться дальше. Я знаю, что если опять возьмусь за старое, то окажусь там, где вы сейчас. Когда я вижу вашу боль – это останавливает мое желание вернуться назад. Поэтому всегда говорят, что новички – самые важные персоны, потому что когда они рассказывают свои истории – это реальность проверяет нас. У болезни плохая память и она скажет, что вам хорошо, хотя на самом деле – нет, и что можно сделать то-то и это, когда на самом деле – нельзя. Я узнала это сегодня».

После собрания ко мне подошел один парень и мы сидели под деревом в парке Прайори. Все остальные ушли домой. Он просидел со мною почти полтора часа и мы просто разговаривали.

Я сказал:

- Я чувствую себя дерьмово. Думаю, я схожу с ума.

- Это нормально, - ответил он.

- Нормально быть в этой гребаной депрессии, злиться и ненавидеть весь мир? – спросил я.

Он кивнул.

Внезапно я понял.

- Да, это нормально, быть таким разбитым, так? – сказал я. Это было словно откровение. Как только я это произнес, то мне перестало быть плохо от того. Я даже расслабился и подумал, если я буду продолжать посещать эти собрания, и общаться с подобными людьми, то со мною все будет нормально. И не было ощущения, что мне чего-то недостает, потому что мой снукер в то время был полным дерьмом.

- А как насчет желания принять наркотик? – спросил я.

- Это тоже нормально, - ответил он.

А я подумал: бля, да все на свете нормально. И все будет нормально. Мне стало хорошо.

Я спросил, как долго он уже держится.

- Четырнадцать месяцев, - сказал он.

- Четырнадцать месяцев, и ничего не пробовал? – я не мог в это поверить.

- Именно так. Я прихожу на встречи, разговариваю с людьми вроде тебя и держусь. Бывают времена, когда я по-прежнему злюсь и чувствую себя уничтоженным, но это чувство тоже нормально.

Я подумал: отдам этому все силы. Но тогда я на сто процентов отдавался всему, что делал – вероятно, поэтому я и аддикт. Мне сложно ограничиться только одной сигаретой, или одной рюмкой, или одним вечером веселья. Я хочу пригласить всех вокруг и чтобы у меня была самая большая вечеринка, и хочу, чтобы никто не уходил домой. Я все делаю до предела.

Я начал узнавать себя в Прайори. Раньше я понятия не имел, как существую, и что мною управляет. Все, о чем я думал – это встать утром, играть в снукер, приносить деньги, чтобы оплачивать счета, и удостовериться, что с мамой все ОК, пока папа не вернется домой. Это было моим долгом в жизни. Я хоть и мог чувствовать себя дерьмово, но должен был продолжать работать, что бы ни случилось. До сих пор.

Иногда я долблю себя за свой экстремизм, или перфекционизм, называйте как хотите. Желание быть лучшим, желание победить – это важно, но можно сделать себя очень несчастным, когда не достигнешь тех стандартов, что сам себе поставил. Вместо того, чтобы прогрессировать, ты отбрасываешь себя назад. Теперь каждый раз, когда на меня накатывает нечто подобное, я стараюсь задавить это в зародыше, чтобы оно не вырвалось из-под контроля.

В Прайори медсестра будила меня в 7.30 и выдавала маленькую таблетку. Мне велели не пить растительное лекарство из суслу Святого Джона (его которое рекомендовал для моей депрессии Дел, это растение называют естественным антидепрессантом, но мне оно никогда не помогало) и посадили на антидепрессанты.

Была там одна медсестра средних лет, уверен, я точно ей нравился. Выглядела совершенной королевой наркоманов и мне было очень неудобно. Она постоянно заставляла меня в голом виде, я даже задумался, может, это она специально? Она входила и притворялась, будто шокирована. «Ох. Ронни!» - восклицала она, но не отворачивалась, а так и стояла и заводила разговор. Мне приходилось бежать обматываться полотенцем, думая: «Да проваливай уже, а то я меня чуть не встал». Хотя, вскоре она меня от этой проблемы избавила. Может, так и надо было: слезая с наркотиков можно превратиться в секс-аддикта, возможно её задачей было охлаждать желание.

Завтрак был в восемь утра. Идти туда было не обязательно, однако врачи рекомендовали мне поесть, прежде чем идти на занятия. Мы все встречались в Голсуорси Лодж. Если вы были алкоголиком, то шли к АА, если принимали кокаин или крэк – то к АКК – Анонимным Кокаинистам и Кракерам – это были встречи для тех, кто сидел на тяжелых наркотиках. Я перепробовал все группы, но, в конце концов, остановился на АН – Анонимных Наркоманов, это было мне наиболее близко.

Нас было примерно тридцать человек и все сессии проходили коллективно. Людей было слишком много для одной группы, так что нас разделяли на одну большую группу из 16-ти человек, и две – по семеро. Я начал в одной из малых групп.

У всех были свои обязанности. Кто-то назначался секретарем и должен был выяснять, кто на какую встречу должен идти. Кто-то должен был доставать сигареты, потому что целых десять дней не разрешалось даже выходить из здания. Только спустя десять дней ты должен выйти вместе с кем-то, проводшим в Прайори уже три недели. Доверие приходилось заслуживать постепенно. Меня это не беспокоило – я знал, что я здесь на месяц и нет никакого смысла отсюда бежать. Я решил, что окунусь в это и заставлю работать на меня.

Занятия начинались около девяти утра, с рефлексии. У нас была маленькая книжка с разными высказываниями и мы читали по одному абзацу в день. Например: «Сегодня мы передаем себя высшей силе. Чтобы мы ни делали сегодня, мы знаем, что наша высшая сила будет с нами в радости и в горести». Каждый день мы читали новое высказывание. Нам сказали, что лекарства от зависимости нет и единственный способ удержаться – это следовать Программе Двенадцати Шагов. Вот с этим у меня и были проблемы: с философией. Из-за того, что я всегда верил в то, что чему быть – того не миновать, я не видел смысла в том, чтобы противиться судьбе. А это приводит к мыслям вроде «да все нормально, один косячок, это не смертельно». Как и большинство зависимых, я старался подогнать вещи под свои потребности – или, по крайней мере, под свои желания.

Я думаю, что Программа Двенадцати Шагов близка к религии, хотя ее называли скорее духовной, нежели религиозной. Я сказал, что я агностик и точно не смогу проникнуться насчет всего этого, а мне ответили: «Ты не должен быть религиозным. Нужно просто верить в высшую силу или жить духовно. Будь честен с самим собой, все ответы находятся в твоей душе, на уровне чувств. Иногда говорил «да» тому, чему, возможно, хотел отказать. Возможно, ты хотел отказаться от наркотиков, но испугался, а может – испытывал чистое давление со стороны твоих товарищей, которые хотели, чтобы ты к ним присоединился. Духовность в том, чтобы не лгать себе, и чтобы отстоять себя». Все это – невозможность сказать «нет», чувство страха, давление товарищей – было мне очень и очень знакомо.

Первый из Двенадцати Шагов – это признать, что ты бессилен и что твоя жизнь вышла из-под контроля. Второй шаг – признать, что сила, более могущественная, чем ты, может вернуть тебе здравость – то есть «открой свой разум тому, что больше тебя». Я бы сказал, что это нечто большее, чем я – встречи АН. Шаг третий – ты должен решить изменить свою жизнь. Ты передашь себя высшей силе. Я решил, что сделаю то, про что они тут говорят, потому что это явно работает для остальных, и им становится лучше.

На одном из ранних занятий по терапии было три девушки, которые сидели сзади. Я с ними перешучивался – мне они нравились, все трое. Ну и у меня не было доступа к наркотикам, так что я мог думать только о сексе. Я что-то сказал, думая, что это забавно, но они просто вытаращились на меня. И я подумал: «Бл***, они меня раскусили, догадались, что понравились мне, и теперь будут держаться от меня подальше». Как я уже говорил, я был уверен, что они сочтут меня каким-то извращенцем, хотя и не понимаю, что плохого в том, чтобы смотреть на женщину и думать: ооох, а она милашка. Они были из высшего общества, как мне казалось, и я подумал: мне тут не место. Я стал таким параноиком, что решил, они расскажут всем, какой я на самом деле, и все с ними согласятся. Я тогда провел в Прайори всего три дня и знал, что не выдержу еще двадцать восемь, так что я вернулся к себе в комнату. Мои щеки пылали, меня кидало в жар, я вызвал такси по телефону, упаковал вещи и уехал.

Добравшись домой, я сказал, что в Прайори больше не вернусь. Сэм приехала к маме и попыталась уговорить меня вернуться.

- Ни за что, - отрезал я. – Я туда не вернусь.

- Почему? Что произошло?

Я рассказал.

- Ну и ну, - сказала она. – У вас паранойя. Просто возвращайтесь туда, посмотрите им в глаза и вам станет намного лучше.

- Нет. Я поеду в другой центр. Найдите мне другой лечебный центр. Туда я больше не вернусь. – Я сказал, что мне духу не хватит.

- Вы можете вернуться, - повторила она. – Вас учат именно этому: принимать вызов и выдерживать испытания.

В конце концов, она меня убедила. Четыре часа спустя, в полночь, я стоял с чемоданом у дверей Прайори. Все хотели знать, где я был, но я не мог рассказать. Мне было стыдно. Я даже докторам открыться не мог. Когда меня спрашивали, я просто отвечал: «Это не важно». Но это было важно, и мне нужно было поговорить об этом. В конце концов я сознался одной из докторш. «Мне неудобно, - сказал я ей. – Я сказал кое-что и, думаю, это не так поняли. Я не мог никому смотреть после этого в глаза и не мог вернуться после этого на занятия, так что я просто хотел убраться отсюда».

«Это нормально, - ответила она. – Для тех, кто здесь очутился – это нормально. Вы здесь не потому, что здоровы. Вы нездоровы, и об этом нужно говорить, пока вы здесь».

На следующий день те три девушки были со мною очень любезны. Они просто хотели знать, где я был. Я подумал, что, должно быть, точно свихнулся, это я все не так понял. Я даже не упомянул, почему я сбежал. Они явно не знали, что это случилось из-за них, так что я оставил все как есть.

Вернувшись в Прайори, я почувствовал, что преодолел барьер. Я даже не знал, какой, но чувствовал, что это так. Я-бывший никогда бы не вернулся туда, где возникла проблема. Я-бывший просто закурил бы косяк, чтобы забыть, как мне было неудобно. В те времена я был абсолютно ненормальным и все преувеличивал в тысячу раз. Так что ощутить унижение и оправиться от него без помощи наркотиков – для меня было просто невероятно. Меня заставляли задумываться о том, что я ощущаю и как отношусь к остальным. Когда я

рассказал медсестре, почему я сбежал, он все поняла.

- Ваши чувства полностью смешались, - сказала она, - и вы не знаете, что делать.

Я посещал терапию и однажды сломался, когда рассказывал о том, что папу посадили в тюрьму. Меня спросили, из-за чего я злюсь.

- Я злюсь из-за того, где сейчас мой отец, - ответил я. – И из-за того, на сколько лет его посадили. Думаю, это произвол, и негодую из-за решения присяжных. – Когда я рассказал им, как отец себя вел на суде, то расплакался.

Возможно, здесь пережить это куда сложнее, чем в тюрьме. Мне пришлось очень постараться, чтобы как-то адаптироваться к тому, что отца нет рядом. Я этого не предвидел. Никогда не думал, что мне придется жить без него, без его заботы, а в 15 лет это очень сложно. Сегодня я справляюсь с этим совсем иначе, чем тогда.

Мы много говорили об отце во время терапии. Думаю, меня пытались заставить сорваться. Казалось, поднимается целая волна, когда я проявлял эмоции, потому что все остальные тоже начинали плакать. Если честно, для меня это было настоящим безумием, рассказывать всем этим людям, которых я только что встретил, о своих самых личных переживаниях и тайнах, но это делало нас ближе друг к другу. Мне это напомнило «Большого Брата»: нас заставляли делиться своим пространством и приходилось узнавать друг друга действительно хорошо. Только здесь было больше доброты, чем у Большого Брата – мы хотели помочь, а не притеснять.

Однажды мы сидели на траве и курили. Я предложил нескольким своим приятелям, с которыми сдружился в Прайори:

- Поехали в Ирландию. Вам там понравится. Поехали, посмотрим снукер и выпьем пива.

- Ты что, не понимаешь, - ответили они, - это полный отказ. Нельзя пить, нельзя принимать наркотики, ничего из того, что искажает психику.

Я провел там всего неделю и не разобрался.

- Вы шутите, - сказал я. – Я здесь только для того, чтобы бросит наркотики. Не для того, чтобы бросить пить. С этим у меня проблем нет.

- Одно ведет к другому, - ответили мне. – Может измениться наркотик выбора, а может, ты сначала выпьешь, а потом закуришь, а потом – все вернется обратно.

- Это полная чушь, - сказал я. – Да и я все равно никогда не любил выпивку.

Это было неправдой: я пил, как рыба. Но я никогда не думал, что это проблема, ведь это никогда не было первым выбором. Я пил, если не мог закурить. В то время я не мог вбить себе в голову идею полной трезвости, но сейчас я понимаю, что это важно. По собственному опыту знаю, что одна рюмка ведет к последствиям.

Я сблизился с одной леди по имени Роуз. Она была алкоголичкой 55-ти лет, и когда я впервые увидел её на занятиях, мне показалось, что все остальные её дразнят. Иногда она плакала. Она постоянно оправдывалась, рассказывала, почему ей нужен алкоголь, но многие проходили терапию годами и слышали все эти «ох, бедная я, несчастная» истории. Она рассказывала, что если бы не обстоятельства, ей бы не нужно было пить, говорила, что мы не знаем, каким был ей дружок, как он её мучил; рассказывала, что ее сын отказывался с ней

разговаривать. Мне было жаль ее, я за нее вступился, сказав:

- Неудивительно, что она пьет, при такой жизни.

Но остальные сказали:

- Она себя убьет, она алкоголичка.

Я решил, что это уже слишком. Эта женщина казалась достаточно сильной, чтобы все преодолеть.

- Она себя не убьет, - ответил я. – С ней все в порядке.

Я называл ее СуперБабушка. Она играла в гольф. После окончания занятий мы сыграли несколько раундов и у нас завязались особенные отношения.

В Прайори Роуз мне сказала, что я похож на ее сына, и она даже для меня стирала. Но на занятиях мне объяснили, что это неправильно, я это должен сам делать. Мы говорили о таком в наших группах и я думал, что это смешно. Я рос абсолютно иначе. У папы всегда были работники, которые делали что-то для него: он их очаровывал, и они думали, что помочь ему чем-то – просто замечательно. Но здесь мне сказали, что позволять Роуз делать за меня что-то – неправильно, как и сочувствовать ей в ее ситуации. Мне сказали, что я даю ей силы продолжать гробить свою жизнь, и что мы должны наоборот разрушать оправдания ее алкоголизму. Я так не считал. Я видел только пожилую леди, которой было нужно немножко любви. Но в конце оказалось, что они были правы, а я ошибался.

Роуз умерла в прошлом году. Она спилась до смерти. Ее почки отказали. Я не пошел на похороны – мне все еще неудобно из-за этого, но я не выношу похорон. Я должен был пойти, но отвертелся.

В Прайори я встретил еще одного замечательного человека, который стал моим опекуном в Программе Двенадцати Шагов. Опекун – это образец, тот, кто сумел выздороветь и может провести и тебя через Двенадцать Шагов. Я выбрал одного парня, который был в Прайори, и возвращался каждый четверг для Поддержки – это была целая сеть для бывших пациентов. Я зашел в комнату, сел в большое кресло и уснул, думая, как некультурно поступаю.

А когда я проснулся, он сказал:

- Все нормально. Если ты хочешь спать – то никаких проблем.

- Кто вы? – спросил я. – Вы только что пришли?

- Нет, я пришел, чтобы поделиться с вами, - ответил он.

- О, ну тогда ладно. Разбудите меня, когда начнете.

- Нет, - сказал он. – Можешь спать, все хорошо.

В комнату зашли все остальные. В этой маленькой чайной собиралось примерно шесть человек, мы смотрели телевизор и перешучивались. Он начал говорить, рассказал, каким он был, как сумел вернуться и как живет сейчас. Даже будучи неспособным разлепить глаза, я был потрясен тем, что он говорил, потому что это было такое мощное послание. Нам всегда говорили, что нужно собирать номера телефонов бывших аддиктов, чтобы создать собственную сеть поддержки, когда мы покинем Прайори. Чтобы было кому позвонить и

попросить о помощи, если нам будет плохо. Поэтому я просто подошел к нему и сказал: «Дайте мне свой номер телефона». Я знал, что когда покину Прайори, то он будет первым, кого я попрошу стать моим опекуном.

После собрания мы все вышли на улицу покурить и пообщаться. Я рассказал, что только что услышал самую невероятную историю в жизни и что я от этого как под кайфом. «Поверить не могу, что этот парень когда-то был аддиктом», - сказал я. На меня смотрели как на психа. Но он казался таким спокойным и уравновешенным и это все, о чем мечтал я – немного покоя в моей жизни. Я всегда мчался на скорости 200 миль в час, всегда был беспокойным и нервным. Он же рассказал, что мог застрять в пробке, зная, что опаздывает на встречу, но также зная, что никак не может ускорить решение. Поэтому он просто смирился: все равно невозможно успеть вовремя, но он придет, как только сможет. «Мир не вращается вокруг меня, - сказал он, - и если я буду мчаться, невзирая на светофоры, то меня или остановит полиция, или я устрою аварию, пытаюсь успеть куда-то на пятнадцать минут раньше. Если я опоздаю на эти пятнадцать минут, то объясню, почему так получилось».

Такая простая история стала для меня откровением. За рулем я превращался в психа – хотел успеть всюду за пять минут. Поэтому я подумал: значит, вот что я должен делать в такой ситуации – смириться. И это касалось не только пробок на дорогах, но жизни в целом, ну и к снукеру. Я могу тренироваться, пока не натру мозоли на ладонях, но потом нужно сказать: все так все, сейчас это без толку. Нужно положить кий, немного успокоиться и вновь приступить, но уже отдохнувшим. Только аддикт во мне требовал играть и играть, пока я не свалюсь. Таков уж я есть.

Когда я впервые попал в Прайори, вряд ли кто-то знал, кто я такой. Все провели последние годы далеко от дома, не смотрели телевизор и не читали газет. Мне это было странно, потому что меня всегда узнавали, и было бы проще продолжать в таком духе, а не начинать все с нуля и быть самим собой. Но в Прайори никто от меня ничего не ждал. Меня приняли, и я со всеми хорошо поладил.

Хотя кое-кто и там меня не любил и считал избалованным пацаном из Эссекса. Один парень сказал мне:

- Ты – это одно большое «Эго», да? У тебя есть то, у тебя есть это, и ты думаешь, что все должны с тобой считаться.

- Нет, я так не думаю, - ответил я. – Это ты так думаешь.

Он уставился на меня, не зная, что сказать. Один из докторов глянул на меня, словно говоря: «Ты его сделал», и рассмеялся. Только я не собирался никого обламывать. Я ответил единственное, что мог, абсолютно правдиво. Так думал он, а вовсе не я.

Позже мы с этим парнем поладили. Возможно, благодаря тому, что ему хватило духу высказать мне все в глаза, а не улыбаться, но потом гадить за спиной. Я знал, что ему многое не нравилось, но по крайней мере, было ясно, как он ко мне относится. В итоге он оказался довольно приятным парнем.

Некоторые дни проходили очень медленно, а другие – быстро. Иногда я возвращался к себе в комнату в полпятого вечера, ложился на кровать и просто думал, до шести вечера. Потом звонил папа и мы с ним разговаривали часами. Впервые за годы мы с ним нормально общались.

Занятия длились с девяти тридцати до двенадцати тридцати, потом обед, а после – перекур в саду. Мы по очереди убрали со стола, мыли и вытирали посуду. Следующее занятие – до

половины пятого. Шесть часов терапии в день, одни занятия тяжелее, другие – легче.

Однажды мы играли в лапту, но даже это было тестом: врачи изучали наше поведение. Одна женщина сказала мне, что в жизни не встречала никого подобного мне. «Здесь побывал Газа, но даже у него не было такого духа соревнования, как у вас», сказала она. Эта женщина была когда-то алкоголичкой, но уже пятнадцать лет ничего не пила. Мы отлично ладили, а сейчас она управляет Прайори. Все ее боялись до безумия. Она не любила, когда говорят глупости, но я с этим как-то справился. Даже не знаю почему, но я ей тоже понравился.

Увидев ее впервые, я решил, что она одна из пациентов. «Кто это? – спросил я. – Ого! Она милая, а?» Красавицей она не была, зато имела стройные ножки, носила короткую юбку, и я подумал, что не отказался бы от этого. Ну, я прямо подошел к ней, и сказал: «У вас красивые ноги». Она не ответила, а остальные в группе зашептали мне, что это главный врач. Вот дерьмо, подумал я, хоть бы я не сильно влип. Но я же ничего не мог поделать! Оставалось надеяться, что она любит комплименты. Я был в сумасшедшем доме, и иногда меня начинало перемигать.

Бывали и такие времена, когда я чувствовал себя ужасно и хотел сбежать – особенно после визита Бьянки. Я должен был с ней попрощаться, зная, что не увижу ее целую неделю. Она приняла мое решение, а я думал, что с моей стороны эгоистично оставаться тут, и что пора выбираться. После трех недель терапии я вновь испугался, что мне это не помогает. Если я не чувствую изменений спустя три или четыре недели, думал я, то как мне это могло помочь?

Нам разрешалось играть в некоторые игры вроде «Монополии», но никому это не нравилось. Еще у нас был спортивный зал, но нам сказали, что туда можно ходить только во время обеденного перерыва (на час), и заниматься не больше получаса, потому что это может точно так же вызвать зависимость. Так что я пропускал обед и шел в тренажерный зал выгонять свою агрессию.

Однажды я сказал врачу:

- Я все еще чувствую себя дерьмово.

- Давайте поговорим об этом, - сказал она. – Что не так?

- Ну, мне кажется, что снукер определяет мою личность. Если снукер хорош, то настроение у меня хорошее, а если плохой – то и мне паршиво.

Она сказала, что это обычная ситуация, особенно для спортсменов – ассоциировать себя со своей работой.

- Вам следует отделить себя от снукера. Вы – Ронни. Вы должны понять Ронни-личность. Ронни-игрок в снукер совсем другой человек, чем просто Ронни. Но даже если бы вы не играли в снукер, вы бы все равно оставались Ронни – личностью.

- Вы правы, - согласился я.

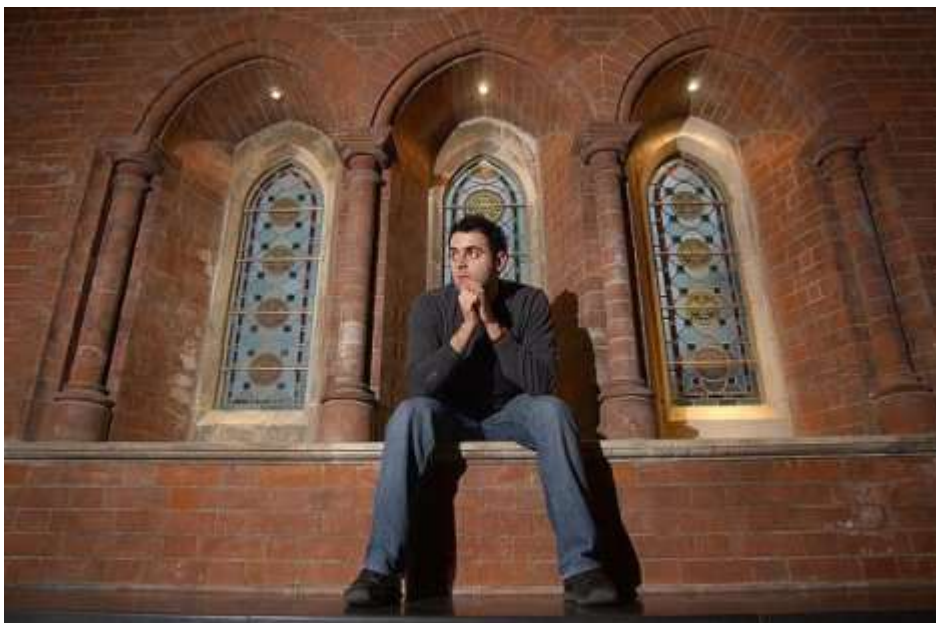
Это имело смысл. И она объяснила, что я делаю с собой и своей жизнью. Я это и так знал, но не мог выразить словами. Я боялся, что, как только уйду из Прайори, то опять начну думать о себе только как об игроке, и что единственное мое достоинство – это игра, и если снукер плох, то и я никуда не поеду как личность.

Иногда я чувствовал, что контролирую свою жизнь, иногда – что нет. То я понимал, в чем

заключается смысл лечения, то не понимал. Иногда врач смотрела на меня, словно говоря: «Вам очень больно», и была права. Я не мог даже заговорить с ней, взглянуть ей в глаза. А иногда она говорила: «У тебя все получается!», и я отвечал, «Ага! А как вы узнали?». Она это определяла просто по моему виду. И как только я подумал, что она меня понимает, то ощутил, что нахожусь там, где нужно.

В конце наших ежедневных занятий мы все собирались в огромном зале, садились в круг и глава группы (мы выбирали голосованием главу на неделю), подводил итоги сделанного за день. Потом каждый должен был назвать свое имя и рассказать, как прошел день для него. Когда подходила моя очередь, я говорил: «Меня зовут Ронни, и у меня был обычный пустяковый день», или «Меня зовут Ронни, и я провел фантастический день». К концу моего пребывания в Прайори я все чаще замечал, что говорю о том, что у меня был фантастический день.

Глава 9. Возвращая свою жизнь

Проведя месяц в Прайори я опять почувствовал себя человеком.

Я отправился навестить папу, мне было приятно стоять с пропуском в руках, и быть любезным. Я был самим собой, хотя раньше, стоило кому-то что-то сказать – и я заводился.

После Прайори я решил, что мне важнее быть счастливым как личность, чем играть в снукер. И на первом нашем свидании с отцом после моего выхода из клиники, я сказал:

- Не думаю, что хочу продолжать играть. Ты ведь меня понимаешь?

Он уставился на меня.

- Нет, не понимаю, - ответил он.

- То есть, как это ты меня не понимаешь? Папа, если я хочу этого, и это сделает меня счастливым, разве это не важнее всего?

- Да, - согласился он. – Но я не понимаю, почему чтобы быть счастливым, ты должен прекратить играть в снукер.

Я решил, что он сошел с ума. Ведь мне было так хорошо, я наконец-то начал ощущать себя цельной личностью, и последним, чего я хотел, было возвращаться к прошлому. Но я прислушался к отцу.

Целый месяц в Прайори я не брал кий в руки. Даже к столу подходить отказывался. Хотя я в любом случае никогда не играл летом – брал два-три месяца отдыха. После выхода я опять начал тренироваться и играл паршиво, но все равно был счастлив. Я думал, это прогресс – раньше бы я себя за это уже запинал.

Потом начались турниры, я очень старался.

Моим первым турниром стал Кубок Чемпионов. Я прошел его до финала и никогда не играл так эмоционально. Но начал я катастрофически – проигрывая 4-1 Марку Вильямсу. Потом я поднял голову и увидел на трибунах троих своих ближайших друзей из Прайори: Чарльза,

Мартин и Роуз. До этого я понятия не имел, что они здесь. Боже, подумал я, они считают, что я один из лучших снукеристов всех времен, и сейчас увидят, как меня размажут. Это подбодрило меня и я выиграл следующий фрейм. Мартин и я называли друг друга «бездельниками», так что я посмотрел на него и сказал одними губами «Ты, Бездельник!», а он рассмеялся, и выдал мне то же обратно. После каждой партии мы обменивались любезностями. Адреналин играл во мне, я был на подъеме, и подумал, что наслаждаюсь. А вот Марк Вильямс – нет. Он показал великолепную игру, лучшую из того, что я видел в его исполнении, но я начал сокращать разрыв и в конце концов выиграл 7-5, шесть из семи оставшихся партий подряд. Все было идеально – отыгрыши, дальние удары, серии.

После матча мы отпраздновали мою победу за чаем, что было в новинку. А потом Чарльз, Мартин и Роуз отправились обратно в клинику.

Когда я вышел из Прайори, все профи снукера знали, где я был, потому что об этом написали в газетах. Конечно, я говорил с Джимми, он был первым, кто убедил меня, что все нормально. Он задал мне кучу вопросов и очень поддержал. Другие почти ничего не говорили, хотя я уверен, что кое-кто прекрасно понимал, через что я прошел. Зарабатывать на жизнь игрой в снукер – это очень странная профессия, так что у нас всех имеется какой-нибудь пунктик. Куча свободного времени, а потом ты вдруг играешь при невероятном уровне напряжения целый сезон. Иногда просто сидишь, тебе паршиво, и нужно что-то сделать. У Стивена Ли определенно был такой заскок насчет катящихся шаров. Вилли Торн – хороший парень, но он слишком азартен. Это его пункт. Я ездил с ним и он круглосуточно висел на телефоне, записывая ставки. Наверное, нужно быть аддиктом, чтобы играть в снукер на высоком уровне – это настолько сложная игра, что ты должен иметь к ней пристрастие, отдавая ей часы за часами.

Зависимость не уходит после лечения. Аддикты навсегда такими остаются, даже если держатся десятилетиями. Говорят, что зависимость – это болезнь и отпуска от нее не возьмешь. После Прайори я держался семь или восемь месяцев, чувствуя себя превосходно. Я смог вернуться.

Но я сорвался, что было неизбежно. Я поговорил кое с кем из моих приятелей по Прайори, они сказали: «Не переживай, такое бывает, ты опять сможешь начать все сначала. Позвони, если почувствуешь, что тебе опять этого хочется», хотя последнее, что я сделаю – это стану звонить тому, кто попытается меня от чего-то отговорить.

Я знаю, что сейчас моя жизнь под контролем, но когда я попадаю в определенные круги и общаюсь с некоторыми людьми, то должен признаться, искушение велико. Можно просто подумать: да ладно, забудь, я же всегда могу опять вернуться на собрания в Прайори, получить профессиональную помощь, и начать все сначала.

Когда я остаюсь один, то начинаю вспоминать старых приятелей, с которыми когда-то кайфовал, и убеждаю себя, что могу с этим управиться. Я просто буду рядом, я же не обязан тоже принимать наркотики, если это делают они. Хотя, говоря это, я прекрасно понимаю, что несу чушь и сам себя обманываю. После Прайори я несколько раз срывался, но каждый раз находил в себе силы вернуться и начать все заново.

Жизнь аддикта – это постоянная борьба. Борешься за следование Программе Двенадцати Шагов, за правильные поступки. Моя жизнь была разбита, я был несчастен, и специалисты в Прайори сказали, что если я буду следовать Программе, то сумею восстановить равновесие. Но как я ни старался, я знаю, что бывали времена, когда я сдавался. Поскольку Программа – это духовная штука, нужно открыть свой разум этой огромной силе и передать ей свою жизнь, а мне это трудно. Каждый раз, когда я оступался, или срывался, меня переполняло чувство вины.

Особенно виноватым я себя чувствую перед своей девушкой Джо. Мы вместе были в Анонимных Наркоманах, и это еще одна причина, почему мы вместе. Она невероятна, и держится уже два года, что, в некотором роде, делает это еще сложнее для меня. Если я оступаю, мне хочется поговорить с ней, но я боюсь, что она разочаруется во мне. А если ей не расскажу, что наделал, буду держать это внутри, тогда я становлюсь нервным, раздражительным, и жить со мною сложно.

Часть меня всегда хочет большего. Я думаю: мне всего 27, я слишком молод, чтобы отказываться от того, чем занимаются мои приятели. Но на самом деле я ни от чего не отказываюсь, ведь если взглянуть на это с точки зрения здравого смысла, я понимаю, к чему меня привела такая жизнь: к страданиям и жуткой депрессии. Я пытаюсь убедить себя, что на этот раз все будет иначе; а потом я возвращаюсь к программе, и отношусь к ней с еще большим уважением, чем когда-либо.

Программа предлагает так много, и хотя сейчас я в куда лучшем состоянии, чем был пару лет назад, я знаю, что не получаю всех ее преимуществ. Я не поддерживаю связи с людьми из Прайори, я не пользовался Поддержкой, хотя, наверное, следовало бы, но до Рохэмптона очень далеко ехать, а я после игры выжат как лимон. Но я по-прежнему бываю на местных собраниях в Саусгейте, потому что это ближе ко мне и я получаю то же, что и в Рохэмптоне.

Я все еще не достаточно знаю о Программе, чтобы судить, что в ней правильно, что неправильно, я знаю только то, что прошел сам. Например, у меня есть один приятель, который звонит мне и приглашает сыграть в гольф. А я знаю, что если пойду играть с ним, то могу сорваться. Мы будем беседовать о том, как было бы здорово пригласить вон ту девушку, ли вон ту, и как классно поступать неправильно... в конце концов непременно появится кто-нибудь, у кого есть травка. Мне будет неудобно отказать и я тоже закурю. Это по-прежнему моя слабость. Я заранее знаю, к чему приведет эта ситуация, и говорю себе, что когда до этого дойдет, я скажу, что мне пора идти, но раз уж я там, в этой ситуации, больше всего меня волнует то, что, скорее всего я решу, что никуда оттуда идти мне не надо.

Надеюсь, что к тому времени, как вы все это прочтете, я уже полностью вылечусь, но пока что мне это удалось только частично. Быть зависимым означает знать, что внутри тебя есть маленькая частичка потребности, которая может вдруг вынырнуть без приглашения. Я не могу даже выпить стакан вина, потому что если я это сделаю, то захочу еще. Но я решил, что на этой неделе я не позволю себе сорваться. Это как домашнее задание – я должен записать все насчет отказа и бессилия, и каждый раз, записывая это, я думаю, что не могу сделать то-то и то-то, я так решил. Будучи зафиксированным на бумаге, это проникает в разум, поэтому когда мой приятель звонит мне и приглашает на гольф, я думаю, что сделал домашнее задание, выстроил для себя рамки, и знаю, к чему это меня может привести. Сегодня я выбираю – то ли идти играть в гольф с ним и потакать своим желаниям, то ли пойти поиграть в гольф с кем-то другим, кто не станет предлагать мне косяк марихуаны. Ну и опять же, я могу просто пойти на встречу. Я не хочу подставлять спину огню: ладно, может быть, это всего лишь одна сигарета с травкой, но я-то знаю, что она может привести меня к очередному загулу.

Этот мой приятель знает, что мы с Джо познакомились через Анонимных Наркоманов, и знает, что Джо больше не принимает наркотиков. Он заставляет меня чувствовать себя не в своей тарелке. Я не осмеливаюсь сказать ему, что я аддикт, потому что мне стыдно. Но Джо говорит мне, что я должен взглянуть этому в лицо и тогда я буду честен сам с собой, переводя это давление на них – если уже они предлагают мне косяк, то пускай они чувствуют себя дерьмово, а не я.

Мне следует ходить на встречи каждый вечер, но я этого не делаю, хотя сегодня точно

пойду. У меня есть консультант из Прайори, на этой неделе я рассказал ему, что чувствую себя слабым. Он ответил: «Если вы что-нибудь примете до понедельника, пообещайте, что приедете в Прайори на неделю».

Я сказал, что никак не могу пообещать ему этого. Но я докажу самому себе, что могу сдержаться. Мне будет хорошо, если я с этим справлюсь, а если я поддамся, то буду полным дерьмом. Последний раз, когда я сорвался, меня не было всю ночь, Джо ужасно переживала, потому что не знала, где я. Было бы здорово – погулять, покурить, выпить пива и в два часа ночи сказать, «Хорош, я иду домой». Но это не я. Хотя и очень жаль. Хотелось бы мне так уметь держать равновесие.

Наркозависимость заставляет лгать, а я это ненавижу, потому что по натуре я патологически честен. Так меня воспитывали.

Я уже побывал на пяти сотнях встреч АН и выслушал все жуткие истории, которые там рассказываются. Я видел, как умирают мои друзья. Один парень, с которым я был вместе на терапии в Прайори, умер после того, как оттуда ушел. Я увидел его на встрече, и подумал, что это какое-то недоразумение – ему было 30, он был миллионером и красавцем. У него было столько денег, что Прайори был для него как отель: он оставался там на какое-то время, потом возвращался домой. Я думал, что он просто развлекается. Шесть недель спустя он умер – отказали почки. Тридцать лет, алкоголик.

Это меня потрясло. Так это действительно вопрос жизни и смерти, подумал я. Смерть этого парня заставила меня осознать, как легко вернуться к прежнему: опять кутежи, опять лишний вес, алкоголь, наркотики и ненависть к самому себе. Такая жизнь для меня – не жизнь, а смерть. Когда я был в таком состоянии, я действительно хотел умереть.

Уикенд окончен. Мои приятели по гольфу опять звонили и оставили три сообщения, а я намеренно им не ответил. Я не сорвался, и по этому поводу – чувствую себя действительно здорово.

Глава 10. Игроки

Джимми Вайт

Первым игроком, который меня попросту вынес, был Джимми Вайт. Я был на турнире в Бирмингеме, играл в группе до 16 лет. Там были все профессионалы верхушки рейтинга, все лучшие юниоры и все лучшие игроки-женщины. Это был снукерный эквивалент Уимблдона.

Я как раз тренировался, когда в комнату вошел Джимми. На нем были джинсы, старая рубашка, старые ковбойские сапоги, он нес кожаный чемодан для кия, и сопровождало его человек пять. Выглядел он грубо, но ему это шло: этакая стильная грубость. Он подошел и сказал: «Здравствуй, меня зовут Джимми Вайт. Я много о тебе слышал, Ронни».

Мне тогда было 14, и я потерял дар речи. Стив Дэвис был моим любимым игроком, но Джимми был моим кумиром. И он был первым из великих игроков, подошедшим и заговорившим со мною как обычный человек. Я спросил, может, он хочет попрактиковаться на моем столе, и он сказал, «Замечательно, отличный стол». Я стоял и смотрел, как он тренируется, и он ни разу не промахнулся за пять партий. Он был просто невероятен. В то время он выигрывал все – ну, все, кроме чемпионата мира, конечно.

В следующий раз мы встретились в Блэкпуле на Открытом первенстве Европы, когда мне было 16. У Джимми был первый матч сезона, в котором я разгромил его 5-1, а весь матч длился всего 50 минут. Я был уверен в себе, но даже мечтать не смел, что переиграю его. Ему было тяжело играть в тесной комнате: я не привык к большим аренам вроде Театра Крусибл. Но он, скорее всего, еще и думал: «Я должен играть с 16-летним пацаном, он выиграл столько матчей подряд, и все о нем говорят», и давило это на него очень сильно. После матча я будто летел, а Джимми сказал мне «Молодец, хорошо сыграл», и больше ничего.

Потом, когда я перешел в профессионалы, он давал интервью, и сказал: «Ронни О'Салливан – глоток свежего воздуха в снукере, он играет фантастически». Как только я прорвался в

общество профессиональных игроков, мы сдружились. Но я все еще благоговел перед ними. Я чувствовал себя не в своей тарелке с ним и с любым другим из топовых игроков. Они все разговаривали друг с другом, а если даже просто здоровались со мною, я трепетал.

В Престоне в 1992-м я играл на чемпионате Великобритании с Клиффом Уилсоном за право выйти в ТВ-раунд, в одну восьмую против Стивена Хендри. Я сидел за завтраком в Постхауз Отеле, прямо напротив места сбора в Гилд-Холле, а за соседним столиком сидел один парень, которого называли Хэрри Пес. Хэрри Пес был игроком, большим, толстым, мягким, как плюшевый медведь. Но серьезным игроком – я услышал, как он сказал: «Так, пятьдесят тысяч на этого, этого, этого, и на Ронни О’Салливана». Это было подтверждение – когда вы ставите на десять имен, то не думаете, что проиграете. Он считал, что это его банк – способ превратить пятьдесят тысяч в сто пятьдесят. И я подумал: «Вот хрен, он только что поставил пятьдесят тысяч на меня? Это многовато». Тогда я не знал Хэрри Пса, но позже мне рассказали, что это его работа – он приезжает на каждый турнир и ставит на игроков».

После первой сессии в нашем с Клиффом Уилсоном матче был счет 4-4, хотя сначала я вел 4-1 и сделал брейк в 145 очков – наивысший из всех, что были сделаны на этом турнире. Я играл действительно хорошо, но потом он начал забивать шары отовсюду. На следующий вечер мы вернулись, чтобы доиграть матч, и там стоял Джимми Вайт. Он посмотрел на меня и сказал: «Есть ли хоть один гребаный шанс, что ты победишь этого толстого, лысого, полуслепého чудака?»

- Что? – не понял я.

Потом до меня дошло: накануне я видел Джимми у тренировочного стола, и он просил кого-то поставить для него четыре тысячи. Эта ставка была на мой матч. А я все испоганил.

Джимми играл с Дэвидом Ро на другой стороне арены. Можно было пройти по залу, чтобы посмотреть оба матча, и после каждого фрейма он подходил ко мне – посмотреть, как я справляюсь для него. Мой матч проходил так: 5-4, 5-5, 6-5, 6-6, 7-6, 7-7, а Джимми тем временем играл свой. Я понял, что все игроки поставили на меня.

В конце концов, я проиграл 9-8 и чувствовал себя отвратительно. Джимми выиграл 9-8 и потом разбил Джона Пэррота в финале. Так что для него все окончилось неплохо. Но это заставило меня жутко мучиться во время матча, и особенно – когда я оттуда уходил. Он слишком давил на меня. Если бы я поставил на игрока, то я бы никогда ему не рассказал. Спасибо, Джим!

После матча все засмеялись. Игроки вроде Вилли Торна нашли это забавным, но лично я счел это пугающим. Я никогда не рассказывал Джимми, каково мне пришлось. Да это и не изменило мое мнение о нем – он все равно был героем и я по-прежнему хотел быть его другом, потому что мне он нравился. Я никогда не забывал, как он подошел ко мне и заговорил, когда мне было 14.

Джимми часто спрашивают, почему он ни разу не выиграл чемпионат мира – у него было шесть финалов, и все он проиграл. Думаю, причина этому частично в том, что он никогда не принимал всерьез весь остальной сезон. До Шеффилда он редко успевал соревноваться в достаточном количестве турниров или выиграть достаточно матчей.

Когда я начал играть в Шеффилде, то видел, как Джимми играет в местном клубе, до пяти побед, или до шести, за 500 или 1000 фунтов, и не придавал этому значения. Потом я понял, что он пытался набрать как можно больше практики до чемпионата мира, словно больше ни один турнир не имеет значения. За месяц до начала он начинал бешено тренироваться, его словно бы подменяли, и если бы он с таким отношением приступал ко всему сезону, то,

уверен, он бы выиграл чемпионат мира, и не один раз.

Джимми придавал победе на чемпионате мира такое значение, что это стало наваждением. Он так сильно хотел этого, что в итоге это просто переутомляло его. Пару раз он начинал паниковать в финалах. Однажды он вел 14-8 против Стивена Хендри. Я знаю, что Хендри тогда играл хорошо, но как бы ни играл сам Джимми – он мог выиграть оставшиеся четыре партии.

У него было больше способностей, нежели у любого другого игрока. Технически Стивен Хендри, Стив Дэвис и Джон Хиггинс его намного превосходили, знали игру от и до, когда Джимми играл скорее на инстинктах, нежели на стратегии. Но изо всех игроков мне сложнее всего играть именно с Джимми, потому что когда он в форме, то на столе нет безопасного шара. Он блестяще делает отыгрыши и набирает серию, он может выигрывать турниры, но я думаю, ему не хватает дисциплины как игроку. К сожалению, рядом с ним никогда не было такого, как Дел, мой наставник и друг.

У всех топовых игроков есть поклонники. Чем более ты популярен, тем их у тебя больше. У Джимми их было больше всех. Большинство их было вполне приятными людьми, но я помню, как он играл в финале чемпионата мира против Джона Пэррота, а пятеро или шестеро ребят сидели в его комнатке, распечатывали пиво и говорили: «Джимми сейчас сделает его и мы будем отмечать». Через час Джимми уже проигрывал 7-0. Ему был нужен кто-то рядом, чтобы помочь опять сосредоточиться. Времени на празднование хватает после чемпионата мира, когда у вас есть три или четыре месяца и можно делать все, что угодно.

Финал – это окончание недели напряженнейшего снукера, и тогда тебе не хочется даже, чтобы приезжали родные и друзья. Мои приезжали только на самый последний день, и я им говорил, что на самом деле им не стоило и этого делать.

Мне ужасно жаль, что Джимми не стал чемпионом мира, потому что он мой друг, и я знаю, как много это означает для него и для его отца, Томми.

Пока я не выиграл чемпионат мира, я часто говорил сам себе: «Неужто так важно выиграть этот титул? Вряд ли. Здоровье важнее, и вообще, тут такое происходит, а ты переживаешь из-за чемпионства». Я пытался обмануть себя, только это никогда не срабатывало. Теперь, имея титул чемпиона мира, я точно знаю его значение. В конце карьеры игрока, первым, что спрашивают, оценивая его достижения, это «А выиграл ли он чемпионат мира?»

Я бывал в похожем положении во время моего собственного финала против Джона Хиггинса. Я вел 14-7, и чуть не провалил все. Это особый гнет, но я сумел его преодолеть. И надеюсь, что, выиграв однажды, я еще лучше справлюсь с этим в следующий раз.

Мне очень грустно из-за Джимми, потому что я не думаю, что он сумеет выиграть чемпионат мира. Прошли годы, и чем старше ты становишься, тем сложнее удерживать концентрацию. Сегодня слишком много хороших игроков. Будь их всего два-три, реально блестящих игроков, как во времена царствования Самородка, тогда, конечно, Джимми сумел бы. Но в наши дни вряд ли будет возможно повторить победу Дениса Тэйлора на чемпионате мира, потому что тогда Стив Дэвис был выше всех на голову и победа над ним автоматически означала победу на чемпионате мира. Сейчас, если вы победите Стивена Хендри, еще остаются Марк Вильямс, Питер Эбдон и Джон Хиггинс.

Но я бы очень хотел ошибиться.

Джимми – гений снукера, но слишком часто ему не хватало самой малости. И винить в этом ему следует лишь себя. Если ты лучше, чем твой оппонент – ты должен побеждать.

Посмотрите на Тайгера Вудза – он настолько сильнее всех остальных, он выиграл столько Больших Шлемов потому, что заставляет с этим считаться. Когда дело доходит до последних девяти лунок в гольфе, говорят, что именно тогда турнир и начинается. Я считаю, что в снукере точно все так же. Попади в четверть финал или полуфинал чемпионата мира, и тогда Стивен Хендри вдвойне опасен, потому что он уже ощущает запах победы.

Однажды я был на турнире в Абердине, мой матч с Полом Хантером должен был уже начинаться, и Дел пришел ко мне в комнату. Он был внизу, болтал с игроками. Дел умел говорить со всеми: я видел, как он долго беседовал даже с теми, кто вообще не знал английского, и потом он говорил, «ох, мы хорошо побеседовали». Я тогда сказал: «Дел, она же не говорит по-английски, а ты не знаешь ее языка», а он ответил, что разницы нет никакой! Если я скажу Делу в три часа ночи, «Нужно пойти и забить пару шаров», он встанет с кровати и пойдет со мною. Поэтому я очень люблю Дела. Отец однажды сказал, что если велеть Делу засунуть огурец себе в зад и ходить так вокруг арены, потому что это сделает твою игру лучше, то Дел так и поступит. «Я знаю», ответил я отцу. «А что еще нужно? – сказал отец. – Рядом с тобой хороший человек».

Итак, Дел барабанил в мою дверь, а ответа не было. В 7.45 он вошел, я все еще лежал в постели. Он сказал:

- Рон, у тебя игра через пятнадцать минут, вылезай из постели.

- Я не буду играть, - сказал я. – Не буду играть.

- Ты должен, - продолжал Дел. – Твой матч транслируют по телевидению. Все ждут, и спрашивают, где ты.

- Скажи им, что я не играю, - ответил я. – Я не в настроении.

Я боялся выставить себя идиотом. Просто я был не настроен на игру. Я играл профессионально уже восемь лет, и игра не приносила мне удовольствия. Дел продолжал меня дергать и говорить, что я должен вставать. В конце концов, я натянул штаны, а жилетку застегивал уже в лифте, пока Дел завязывал мне бабочку. Я даже не забил ни шара на тренировке, потому что очень опоздал.

Я проиграл 5-3, с самого начала уступая 3-0. Самым же безумным было то, что при счете 3-0 я так хорошо себя чувствовал, что даже размечтался о том, что выиграю этот матч, как-то все встало на места. Но вред уже был нанесен. Если бы «щелкнуло» немножко раньше, я мог все преодолеть и даже выиграть турнир, но я опять занялся саморазрушением. Я сказал себе, что мне не повезло, хотя, разумеется, это все было исключительной моей виной, поскольку я настроился на проигрыш. Так что я отошел от стола в паршивом настроении.

Я вбил себе в голову, что сыграю плохо и просто не дал себе шанса.

Я отправился в комнату к Джимми, и рассказал ему, каково мне было:

- Я лежал в кровати и думал, что не хочу здесь быть.

- Рон, у меня то же самое, - ответил он. В тот вечер Джимми тоже проиграл.

- Но ты же говоришь, что любишь игру, - сказал я ему.

- Бывают времена, когда я ее люблю, а бывают – когда ненавижу. Это проклятье, но когда я играю хорошо, то люблю ее.

- Так было сегодня со мною, - сказал я. – Я не хотел идти и играть, Делу пришлось стаскивать меня с кровати. Я чувствую, что все бесполезно, потом внезапно все начинает получаться, но уже поздно.

Мы с Джимми проговорили пару часов, пока я не сказал:

- Джимми, кажется, я больше этого не вынесу.

- Я знаю, о чем ты говоришь. У меня осталось еще шесть или семь лет в игре и я хочу выступить так, как сумею. Но у тебя целая жизнь впереди. Наслаждайся этим, пока можешь.

- Я хочу только развлекаться, - сказал я, - и даже это у меня не получается.

Снукер вошел в мою жизнь. Не скажу, что не мог выйти из комнаты после проигрыша в первом раунде в Абердине, у меня, в конце концов, был еще один турнир через неделю. Но в моих глазах это означало девять месяцев мучения ради трех месяцев удовольствия, когда я смогу делать, что хочу. А это нездоровое отношение.

Меня нельзя назвать профессионалом. Скорее, у меня есть способности, которые проявляются время от времени. Только так мне удавалось сохранить свое место в первой пятерке. Но эти часы вместе с Джимми помогли снять груз с плеч, освободиться. Я вернулся к себе, переночевал, встал на следующее утро и продолжил.

Когда я впервые вышел в полуфинал чемпионата мира в 1996-м, мне в номер позвонили. «Мистер Вайт хочет с вами поговорить», - сказали на коммутаторе.

Джимми взял трубку. «Ты фантастически играл, - сказал он. – Выиграй чемпионат мира. Правда, это будет немножко по-другому, но ты играешь невероятно и мы все тут за тебя болеем. Если ты пройдешь в финал, я смогу спокойно уйти».

Я подумал, что это было очень любезно с его стороны. Джимми проиграл раньше и уехал домой. Но его слова так меня подбодрили, что я почти летал. Но все равно проиграл.

Я стараюсь относиться также к тем, с кем играю. Джимми научил меня быть спортсменом. Если кто-то выступает хорошо и я считаю, что он этого заслуживает, как Джон Хиггинс, например, я звоню ему и говорю: «Потрясающе! Я очень рад за тебя!»

После проигрыша на старте чемпионата мира в 2001-м году, Джимми сказал мне: «Теперь единственное, чего я хочу, это чтобы Ронни прошел в финал и победил». Он сказал, что едет на отдых, и будет смотреть снукер, только если я буду играть. «Если он пройдет в финал, я сокращу свой отпуск, чтобы вернуться и поддержать его».

И кто еще заскочил бы ко мне прямо перед началом вечерней сессии финала? Джимми зашел в раздевалку, пожелал мне удачи, и сказал: «Мы все тебя поддерживаем. До сих пор ты играл фантастически, но сейчас иди и побеждай». Сама мысль об этом поднимает мне настроение. Он приехал с Ронни Вудом, который прохрипел: «Да, иди и делай свое дело, Рон». Я вспомнил, как когда-то мы с Джимми играли лучший снукер в своей жизни как раз у Ронни.

После победы на чемпионате мира я первую очередь подумал о маме и папе, но и о Джимми тоже, потому что я знал, как он хотел, чтобы я выиграл. Каждый снукерист говорит, что если не он станет чемпионом мира, то он хотел бы, чтобы это сделал Джимми. Его любят все. Он со всеми находит общий язык, и он один из самых веселых людей. Он как я, только старше. Даже в сорок лет он по-прежнему отдается тому, что делает, без оглядки: например, играет в

карты у себя в номере, когда внутрь набивается под тридцать человек, а снаружи скапливаются подносы. Когда видишь, что под дверью номера в отеле скопилось куча подносов с едой – то сразу же понимаешь: это комната Джимми. Он просто любит себя и любит веселиться.

И даже хотя он не выиграл чемпионат мира, он не лузер. Возьмите любого игрока – от Дениса Тэйлора до Стива Дэвиса, от Джона Хиггинса до Мэттью Стивенса, от Марка Вильямса до Кена Догерти, ну и меня – мы все восхищаемся Джимми, его отношением к жизни, и как он одинаково принимает и победы, и поражения.

Однажды я играл вместе с ним на Кубке Наций в 1999-м, и мне было его очень жаль, потому что Стивен Ли, Джон Пэррот, и я – мы все играли блестяще, а Джимми играл или нормально, или ужасно, и было видно, как он старается, как ему не хочется тянуть команду назад. После нашей победы мы отмечали выигрыш – ведь мы целую неделю играли на турнире, и выиграла его. Это была замечательная победа – Англия не была победителем уже долгие годы – но Джимми нигде не было видно. Я знал, что он ощущал, поэтому позвонил ему и спросил, где он. Он ответил, что ему неудобно. «Ну и хрен с этим, - сказал я ему, - ты играл херово, и победа – результат усилий всей команды». И это тоже была правда, потому что даже если Джимми играл не лучшим образом, он все равно поднимал общий командный дух. Такое воздействие он оказывает на игроков.

«Новости мира» как-то напечатали большую статью обо мне и Джимми в Таиланде. Там была одна девушка – ее звали Джим, забавно, – которая была у меня в номере. Хотите верить, хотите – нет, она не была проституткой, но я знал, что все подумают наоборот, и что вокруг крутятся ребята из «Новостей мира». Я беседовал с ними, когда приехал, они притворялись обычными туристами, но я заподозрил, что на самом деле они вынюхивают тут какие-нибудь истории. Поэтому я сказал той девушке: «Встречаемся на двадцать седьмом этаже, я там буду», и она ушла. К сожалению, журналисты поехали с ней на лифте и ждали на площадке, когда же я сам поднимусь на двадцать седьмой этаж. Я увидел их обоих, и она начала звать меня. Я решил: «Какого черта, все равно я попался», мы просто пошли ко мне, не обращая внимания на журналистов.

Позже они позвонили мне в номер и попросили прокомментировать, а я сказал: «О, не делайте этого со мной. Я собираюсь жениться, когда вернусь, она расстроится, если узнает об этом. Она не выйдет за меня! Пожалуйста, не выдавайте меня!» Конечно, все это была ерунда, но я решил, что хотя бы повеселюсь. Разумеется, все это появилось в газетах, классический вариант эксклюзива: «РОННИ ПРОВЕЛ ШЕСТЬ ЧАСОВ В НОМЕРЕ С ДЕВУШКОЙ!» Папа мною гордился. Когда ему показали газету в тюрьме, он сказал: «Да, это мой мальчик!». Несмотря ни на что, моя тогдашняя подружка Ванесса, встретила меня в аэропорту. «Не верь всему, что читаешь в газетах», - сказал я, решив испытать удачу. «Я и не верю», - ответила она.

Я был влюблен в Ванессу, которая была примерно на восемь лет старше меня. Я встретил ее, когда мне было 18, после победы на чемпионате Великобритании. До этого у меня была только одна девушка – Пиппа – и я определенно не был знатоком женщин. Дело было на Рождество, я пошел в клуб, и туда вошла блондинка, похожая на Ульрику Джонсон. Я заговорил с ней, а потом доставал ее целых два месяца, названивая ей каждый день на работу – она работала в Хэрролдз, в отделе товаров после бритья – и приглашая ее на свидание. Она все время отказывалась, потому что уже с кем-то встречалась, но, в итоге согласилась.

Мы встречались примерно полтора года, и в конце концов стали жить вместе. Моя мама невзлюбила ее с самого начала, потому что Ванесса была намного старше меня, и у нее все еще был приятель, когда она начала встречаться со мною. Но она хотела каких-то обязательств, а я тогда был категорически против того, чтобы заводить детей, так что мы

расстались. Она уехала в Австралию и завела ребенка от кого-то другого. Мы до сих пор иногда видимся, и она определенно хорошая мать.

«Новости мира» приплели и Джимми. Вот это меня действительно потрясло. Я сидел в фойе отеля с Тони Драго и заметил журналиста, который написал эту историю. Я почувствовал, что должен как-то отомстить, даже если это и смешотворно. Поэтому я взял большое ведро с ледяной водой, подошел к нему сзади, и опрокинул ему на голову. Он завизжал, как свинья, а я сказал: «Это тебе за моего друга. Насчет себя я не переживаю». Он ничего не ответил, но я знал, что он был в шоке. Словно бы это заставило его впервые в жизни задуматься о том, чем он зарабатывает на жизнь. Ведь его прислали специально, чтобы он что-то выискал об известных людях. Хоть этого и никогда не случалось раньше, но все знали, что там буду я, и там будет Джимми, значит, будет весело.

Джон Пэррот

Когда Англия выиграла Кубок Наций, Джон Пэррот был нашим капитаном. В конце матча мы перелезли через ограждение, чтобы обнять его, ведь он выиграл для нас финальную партию.

Мы были очень разными по характеру. Джон – семейный человек, разводит лошадей для скачек и почти не пьет. Если мы с Джимми шли гулять и веселиться и в конце оказывались в борделях, то Джон шел поесть. Но он отличный товарищ, особенно когда мы далеко, где-нибудь в Таиланде или Китае. Он шел с нами на ужин, мы болтали и шутили по три-четыре часа, а потом он возвращался в отель, оставляя меня с Джимми – «Всего доброго, мне уже пора в кровать, увидимся утром». Каждый раз, когда мы были на Дальнем Востоке, первым, что видели поутру, был Джон, который сидел и разгадывал кроссворды. Он решает кроссворд в «Таймс» примерно за десять минут. Забавная смесь: один из веселых приятелей, а через минут – решает кроссворды.

Хотя мы и неплохо ладим и знакомы уже десять лет, я не ощущаю, что знаю его. С Джоном Пэрротом невозможно по-настоящему сблизиться. Он говорит: «Когда будешь в Ливерпуле, позвони мне или заезжай, мы куда-нибудь сходим пообедаем». Но скорее он поздоровается, спросит, как дела, и уйдет.

Он все еще играет, хотя в наши дни, вероятно, он более известен своей работой в «Вопросе Спорта» и комментированием для ВВС. Несколько раз он говорил то, что заставляло меня чувствовать себя неуютно. Например, однажды он сказал, что у меня невероятные способности, больше, чем когда-либо были у него. Думаю, он честен с собой: он великий игрок, смелый, и до появления на сцене Джона Хиггинса, Марка Вильямса и меня, он был единственным, кто шел вровень с Хендри и редко уступал. Он был единственным, с кем Стивен не любил играть.

В другой раз он вдруг спросил меня, сколько я зарабатываю своей игрой. Это не было проявлением неуважения, просто ему было интересно. Я рассказал и он ответил: «Ну, я тоже столько заработал. Правда, я играл вдвое дольше тебя, но ты раз в пять способнее». Полагаю, он мне сделал комплимент, но мне до сих из-за этого нехорошо.

Потом он сказал, что будь у меня голова Джона Хиггинса или Марка Вильямса, я бы никогда не проигрывал. «В мире нет никого, кто хотя бы приблизился к тебе, но иногда твоя голова выкидывает номера, и любой сможет тебя победить».

Но он определенно знает, как победить меня. Довольно долго, шесть или семь матчей подряд, он был моим палачом, я просто не мог его переиграть.

Стив «Самородок» Дэвис

Когда я впервые встретил Стива Дэвиса, он уже был легендой. Я играл в клубе в Баркинг и проиграл. Отец сказал:

- Ладно, пойдем домой, а китайскую еду закажем с собой.

Он позвонил в китайский ресторан, и там сказали: «А, Ронни, Ронни, здесь у нас Дэвид Стивен, Дэвид Стивен, Дэвид Стивен».

- Кто такой Дэвид Стивен? – спросил отец.

- Игрок в снукер Дэвид Стивен в нашем ресторане, - ответили ему.

- О, вы имеете в виду, Кирк Стивенс? – переспросил отец.

- Нет, Дэвид Стивен, - сказали ему.

Папа понятия не имел, о ком это они говорят. Мы пошли в ресторан, и он сказал:

- Здесь один снукерист. Точно не знаю, кто, но может быть, Кирк Стивенс.

Мы вошли, и увидели Самородка, Стива Дэвиса.

Отец повернулся ко мне, и сказал:

- Это Стив Дэвис! Подойди к нему и возьми автограф.

- Нет, я не могу, - отказался я.

- Все нормально. Ты же можешь подойти и поздороваться. Он обедает, но он не будет возражать. Просто подойди и попроси.

Так что я подошел, попросил автограф, а он спросил, как меня зовут. Я с трудом выдал ответ.

- А, так это ты сделал сенчури брейк: 117, да?

Я был потрясен. Стив Дэвис обо мне слышал! Кажется, я не мог дождаться, когда же смогу оттуда убраться, так был испуган, но одновременно – и жутко польщен. Этот автограф до сих пор моя гордость, я храню его в Библии: «Ронни, с наилучшими пожеланиями, Стив Дэвис».

У папы был с собой фотоаппарат и он сфотографировал меня и Самородка. Мама увеличила снимок, он висит на стене в снукерной, рядом с полкой с моими кубками. Странно смотреть на нас двоих: чемпион мира и маленький мальчик, берущий у него автограф, который будет играть с ним, и сам станет чемпионом мира. Стив даже попросил копию этого снимка.

Следующая наша встреча произошла в Ромфордском Снукерном Центре. Мне, должно быть, было лет 15, мы пошли туда вместе с моим приятелем Роем Бэйконом, только чтобы посмотреть, как Стив тренируется. Ромфордский Снукерный Центр называли Мэтчрум, так же называлась компания Барри Херна. Это был снукерный клуб на три стола: маленький, но шикарный. Стол Стива был немного в стороне, поэтому вокруг него, пока он разминался, не собиралось много народу. Когда я вошел, он был занят тренировкой, и ничего мне не сказал.

Я пошел в туалет, туда зашел какой-то человек, встал неподалеку, и сказал: «Привет, Ронни. Как дела?» Это был Стив. Он начал расспрашивать меня о Джоне Хиггинсе: «Он хороший игрок?» «Да, - ответил я, - очень хороший».

Мы немного поболтали, и когда вышли из туалета, он вернулся к тренировкам.

А когда мы уходили, я сказал: «До свидания, Стив». Он ничего не сказал, просто махнул своей большой рукой. И он так забавно это сделал... В этом весь Стив – очень сдержанный, но веселый. Некоторое время спустя он пригласил меня на спарринг. Я знал, что он бы не позвал кого попало, так что это большая честь. Все было так серьезно, как будто играешь перед телекамерой, и на этот раз не было болтовни. Он только спросил, не хочу ли я чашечку чаю, и все. Кажется, он победил меня, 5-3, и я был от этого в восторге. В то время Стив был номером вторым в мире, но я по-прежнему его невероятно уважал. Он великий игрок, но я считал, что он даже лучше. Стив не был непобедим, но в моих глазах он был богом, и мне было очень сложно стоять перед ним, и доказывать, что я тоже хороший игрок.

Когда бы я ни встречал Стива, я перед ним благоговел. Если с Джимми мне было легко и свободно, то рядом со Стивом я переживал из-за каждой мелочи. Я старался вести себя как можно лучше, а вдруг Стив больше никогда не пригласит меня на спарринг. Сейчас я понимаю, что волноваться не надо было. С ним всегда можно и пошутить, и посмеяться. Это не так серьезно, но он просто так себя ведет. Его иронически называют Стив «Интересный» Дэвис, потому что многие считали его скучным, он и сейчас играет с этим прозвищем, но он вовсе не такой. С ним интересно поговорить, да и просто побыть рядом. Я провел с ним несколько потрясающих вечеров, когда мы шли перекусить, и беседовали только о снукере. Тогда, давным-давно, я задавал ему разные вопросы, вроде: «А что такое “running side”, что такое “reverse side” и “check side”?», а он смотрел на меня, как на ненормального, будто бы я его подкалываю. Снукерист должен такое знать, но я не знал – я только знал сто такое «право» и «лево». Он мне рассказал, и я подумал, что он теперь будет считать меня дураком, хотя это было и не так.

Это одна из черт, за которые я больше всего люблю Самородка: с ним можно серьезно заниматься снукером и он всегда расскажет что-нибудь интересное. Все, что он говорит об игре, стоит послушать.

Самородок ни разу не получил похвал, которые заслуживает его изобретательность: он изобрел столько ударов в снукере. Например, красный шар стоит у длинного борта и серия может прерваться. Тогда он бьет от одного борта, делает кэнон и биток остается в безопасности у нижнего борта. До того, как Стив придумал это, игроки считали, что у них нет выбора, кроме как сыграть этот красный, и это часто стоило им всей партии. Благодаря тому, что Стив был таким хорошим бильярдистом, он умел делать такие удары. Я тоже начал так играть, хотя и близко не так хорошо, как он. Это не трикшот, вроде тех, что играют Джон Вирго или Дэннис Тэйлор – не просто изобретательный удар, а удар, который потенциально спасает для вас всю партию.

Самородок тренировался, как безумный. Он был одержим игрой. Я слышал истории о том, что он приходил в клуб и гонял биток вверх-вниз по столу, по два часа, только для того, чтобы убедиться, что он бьет точно в центр. Он знает техническую сторону игры от и до. Может быть, это и было причиной его ниспровержения, потому что он стал таким перфекционистом, что в конце сам не знал, что делает. Он дошел до того, что на каждом турнире играл по-разному. Однажды он сказал, что будет играть как я! Когда он это сказал, я решил, что он издевается, потому как я в то время так мучался со своей манерой, что просто ненавидел ее. Я хотел играть, как Стив Дэвис!

Некоторое время спустя я играл с ним на турнире, и наблюдал, что он вытягивает руку при

выцеливании удара и роняет ее, как это делаю я. Потом он сказал для газет: «Я видел, как играет Ронни О’Салливан, он так блестяще забивает, потому что у него такое хорошее завершение удара». Но я думал, что это недостаток моей техники, и годами пытался от него избавиться. Я поверить не мог, что он это говорит всерьез, но так и было. И тогда я понял, что он начинает сдавать: игра стала слишком техничной.

Снукер очень сильно изменился за прошедшие годы. Стиву всего сорок с небольшим, раньше великий игрок в этом возрасте только достигал своего пика, продолжая выигрывать десятилетиями. Но не сейчас. Стив Дэвис продолжает быть хорошим игроком, но в нем недостаточно позитива, чтобы быть победителем. Сегодня, если у него есть возможность забить синий и остановиться на этом, он забудет, но не будет пытаться положить все шары на столе. Думаю, если бы он больше хотел победить сегодня, то по-прежнему был бы реальной силой.

Хотя он разбил меня в 1997-м году, в финале Бенсон-и-Хеджес. Я был впереди 8-4, и шел в раздевалку во время перерыва, потирая руки – Самородок никак не мог победить меня. Мне было нужно выиграть только два фрейма. Он переиграл меня 10-8, и я даже к столу не подошел.

Не думаю, что он сейчас всерьез воспринимает свою карьеру игрока. Хотя, пока я это писал, он удивил всех, пройдя в полуфинал кубка LG в Престоне, только чтобы изящно проиграть Алану МакМанусу. Его больше интересует карьера вне стола: он мог бы еще выигрывать турниры, но глубоко внутри, как я думаю, он признал, что уже не сможет состязаться на высочайшем уровне, и что его будущее, вероятно, в комментировании, чем он и начал заниматься. Возможно, он станет новым Тедом Лоу.

Алекс «Ураган» Хиггинс

Наша первая встреча с Ураганом произошла в Баркинг. Алекс Хиггинс был легендой, но больше поколения моего отца, а не моего: когда он был на пике, я был совсем маленьким. Мы встретились в 1986-м, через четыре года после того, как он выиграл свой последний чемпионат мира – тот самый, когда он вывел на сцену свою жену и ребенка и плакал перед камерами. Сейчас он уже давно минул свои лучшие годы, но продолжает оставаться героем. Когда он появился, то выглядел подтянутым и молодежавым. У него был стиль

Он выступал с показательными, и менеджер клуба сказал, что я могу сыграть с ним одну партию. Я был одним из примерно десяти человек, которые играли с ним в тот день, перед сотнями его фанов. Мне было тогда лет десять. Я сделал серию в 20 очков, и немного расстроился, потому что мне не удалось забить побольше (примерно в то время я начал делать сенчури).

У него всегда была слабость к киям – он менял их постоянно. Всем нравился мой кий: он был старый и прекрасно изготовленный. Все, кто брал его в руки, восхищались его балансом и тем ощущением, которое возникало от прикосновения к нему. Отец сказал: «Если он подойдет к твоему кию, скажи мне, потому что он его не получит».

Следующая встреча произошла в Блэкпуле в мой первый профессиональный сезон. Я играл квалификационные матчи, а шесть недель спустя Алекс приехал играть свои. Я пошел посмотреть на его игру, хорош ли он до сих пор, и как играет. Так что я сидел в первом ряду, и наблюдал, как он себя ведет. Он имел привычку идти обратно к своему креслу, кивая головой, как цыпленок, и смотреть на меня, как если бы я сделал что-то не так. Я подумал: «Может, это я его раздражаю? Может, мне нужно встать и уйти? Я его отвлекаю?» В конце концов он пробормотал: «Пойди и принеси мне пива. Принеси пива!»

Так что я побежал и принес ему пиво.

С тех пор я смотрел все его матчи и был вроде его талисмана. На каждом матче он говорил: «Пойди принеси мне пива Гиннесс, и полпинты лагеря. Гиннесс и полпинты лагеря». Он невнятно произносил слова, так что они сливались в одно.

Я думал: невероятно, я приношу выпивку Алексу Хиггинсу. Я был так польщен тем, что он просил об этом меня, и больше никого.

Я ставил все это назад, и смотрел, как он играет.

Однажды его матч судил Лен Генли, и Алекс сказал ему: «Отойди».

Лен Генли ответил: «Я и так стою в стороне, Алекс».

Но тот опять сказал: «Отойди на два шага».

Лен ответил: «Я стою в двух шагах от тебя»,

«Ты большой человек, Лен, большой», - сказал Алекс.

Он ненавидел Лена Генли, но чиновники всегда заставляли судить матчи Алекса или Лена Генли, или Джона Вильямса, потому знали – любого другого рефери Алекс попросту запугает. Я сам это видел: он действительно наводит ужас на людей.

Теперь, когда я его знаю, думаю, что ему нужно одобрение. Он любит внимание и шумиху, любит играть на публику и развлекать ее. И в тот первый раз, когда он смотрел на меня, а я так из-за этого переживал, он просто молча спрашивал, хорошо ли он выглядит.

Годы спустя, в Дублине, когда я только что выиграл Бенсон-и-Хеджес Айриш Мастерс, Алекс подошел ко мне, и сказал:

- Ронни, я могу заставить тебя выиграть чемпионат мира.

- О чем это ты, Алекс? – не понял я.

- Я поеду с тобой в Шеффилд, и заставлю выиграть чемпионат мира.

- Твою мать, Алекс! Ты что, издеваешься? У меня есть Дел, он мой тренер, и всюду ездит со мной.

- Это еще кто? – спросил Алекс.

- Он тут, - сказал я, - это Дел.

Он посмотрел на Дел, смерил взглядом все его шесть футов восемь дюймов, и произнес в своей обычной невнятной манере, то ли Брандо, то ли уличный бродяга:

- Ты такой высокий, что мог бы забить черный от противоположного борта.

Я решил, что он точно чокнулся, а Дел расхохотался.

Однажды вечером в Дублине мне в номер позвонили. Я уже спал, но мой приятель Майки Кефаль был по соседству, он поднял трубку и спросил, кто звонит.

- Это Алекс.

- Алекс, сейчас полтретьего ночи, - сказал Майки.

- Скажи Ронни, что мне нужно три минуты его времени.

- Зачем тебе три минуты его времени? – ответил Майки. – Яйцо сварить?

Я к этому моменту проснулся и уже хохотал, лежа в кровати.

- Неа, - сказал Алекс. – Скажи ему, можно сходить на классную вечеринку. Полно женщин и море выпивки.

- Алекс, - сказал Майки, - нам это не интересно, мы пытаемся поспасть.

- Ладно, можешь передать кое-что Ронни?

- Ну. И что?

- Скажи ему, пусть идет к черту.

Питер Эбдон

Мой папа прозвал Питера Эбдона «психом». Наша первая встреча состоялась в Снукерном Центре Кингз Кросс, ему было около 14, значит, мне тогда было лет 8. У него тогда были короткие волосы, он отличался худобой, и еще я заметил эти его безумные глаза.

- Он выглядит неплохим игроком, а? – сказал папа. Так что он подошел к нему и сказал: «Не хочешь сыграть с моим сыном?»

Я играл с Питером три или четыре часа, потом отец спросил его, будет ли он в Центре на следующей неделе. Питер ответил, что будет, и папа сказал: «Отлично, я буду привозить сюда сына каждую субботу».

Вскоре после нашей встречи мы отправились с ним и с отцом в Хемсби, возле Грейт Ярмут. По дороге туда Питер уснул в машине: спал он, водрузив свой чемодан себе на колени и крепко обхватив его руками. Должно быть, его мама велела ему присматривать за своими вещами, чтобы никто из нас туда не лазил, ведь он нас едва знал. А когда мы прибыли в Хемсби, папа попросил Питера одолжить расческу. Тот передал ее, но потом я заметил, как он протирает ее Деттолем. Думаю, это его мама велела ему никому не давать свою расческу, потому что ведь неизвестно, что может быть с чужими волосами.

Мы с Питером росли вместе, сыграли множество матчей, пока мне наконец не удалось его переиграть. Я играл с ним на Про-Ам в Уитхэме – одном из тех матчей, где вы встаете в 10 утра, перекусываете бутербродом, а потом весь день играете по шесть или семь матчей, каждый из пяти партий, и все это продолжается до двух часов ночи. Питер был серийным победителем, и никто, кроме Энтони Хэмилтона, не мог его одолеть. Мне было лет 13 или 14, когда я встретился с Питером в полуфинале. Он всегда был в рубашке, жилетке, с галстуком-бабочкой и с запонками, в то время как остальные играли в джинсах и футболках. У него всегда был сильный характер: плевать он хотел, кто там что о нем думает. Я думаю, это замечательно. Он сам себе хозяин.

В Уитхэме мы играли в полуфинале, я был впереди 2-1, и в четвертой партии ему были

нужны снукеры. Я забил шар, потом еще один, и двигался все быстрее и быстрее. Он крикнул: «Давай, Джимми! Вперед, Джимми!». Я подумал: да он наслаждается этим! Я начал забивать шары отовсюду, играть одной рукой, ну и все такое. После матча он ходил по клубу туда-сюда, а потом подошел ко мне и сказал:

- Ты замечательный игрок, но ты больше никогда, никогда не победишь меня опять.

- Ты продул, - ответил я. – Я тебя сделал. Ты полностью потерял голову. Чтобы ты отсюда вышел, я должен тебя вести.

И это было правдой. Зять Питера рассказал моему приятелю: «Мы вышли из этого клуба и должны были ехать на юг, а сами поехали на север, и проехали пятьдесят миль, прежде чем он понял, куда он направляется. Ронни, должно быть, задурил ему голову по-крупному».

Следует отдать Питеру должное, в следующий раз, когда я играл с ним в Уитхэме, примерно через два месяца, он меня разбил. Я вел 1-0, и действительно хотел его размазать, но он выиграл следующие три партии. Я всегда ненавидел проигрывать, но в тот раз я был просто как выжатый лимон.

После этого матча он подошел ко мне, пожал мне руку, и произнес: «Помнишь, что я сказал когда-то? Я был не в порядке. Ты лучше, чем Кен Догерти и Джеймс Ваттана. Ты лучший игрок из всех, с кем я когда-либо играл». Кен и Джеймс в то время как раз стали профессионалами. Мне было всего 14, и я подумал, что это здорово, суметь признать, что был неправ, а не затаивать неприязнь.

С тех пор я обычно выигрывал у него.

Как-то раз я должен был играть с ним в Абердине, и меня спросили, что я ощущаю перед игрой с Питером в следующем раунде. «С кем? – переспросил я. – С Психом?» Репортеры засмеялись и записали это прозвище. Питер, должно быть, увидел это в Телетексте в своей комнате, потому что когда я сидел в ресторане, он ворвался туда с криком «Значит, я Псих? Псих, да? Псих?» Он просто ужасал меня, и не зная я его так хорошо, подумал бы, что действительно его обидел.

«Да ты посмотри на себя, - ответил я. – Полный психопат. Крыша едет, да?» Он начал смеяться, хотя его глаза по-прежнему были глазами Энтони Перкинса. Он может быть абсолютно безумным, но он добрый безумец. С ним можно от души посмеяться.

А еще он очень, очень умен, и один из самых искренних и приятных ребят среди снукеристов. Если ты выигрываешь турнир, он первый тебя поздравит. Если ты хорошо играешь против него, он подойдет потом, и скажет: «Ты играл блестяще». Он не любит проигрывать, но если он считает, что заслужил, чтобы его переиграли, то обязательно скажет, что победил лучший.

Единственное, что мне в нем не нравится – это как он вскидывает руки в воздух после того, как победит. Вас только что побили, и это ужасно, а он тут так радуется. Но когда он выиграл чемпионат мира в 2002-м, он о держал себя в руках и не жестикулировал так. Я смотрел матч со своей девушкой Джо, и каждый раз, когда кто-то звонил, я говорил: «Только обязательно посмотри, потому что если победит Питер, то он точно с ума сойдет. Он может выкинуть все, что угодно». Потом он выиграл и был таким спокойным, что я просто поверить в это не мог. Но я подумал: Замечательно, молодец. Я так радовался его победе, и даже еще больше – тому, как он себя держал, потому что последнее, что хочется увидеть после того, как ты только что проиграл значительный матч – это как кто-то носится вокруг как ненормальный.

Я думал, что он ни за что в жизни не сможет переиграть Стивена Хендри в этом финале. Но я также не ожидал, что он так легко победит Энтони Хэмилтона в четвертьфинале, и действительно не ожидал, что он победит Мэттью Стивенса в полуфинале. Думаю, Питер и сам признает, что тот полуфинал был самым тяжелым матчем из всех, и что Мэттью должен был победить – Псих сильно проигрывал. Но именно поэтому он такой сложный противник – он никогда не знает, что проиграл. А это одно из важнейших качеств чемпиона мира. Он обладает огромной силой воли. Когда он вобьет себе что-то в голову, например, что хочет выиграть этот чемпионат мира, переиграть его невероятно сложно. Даже если он отстает на пять партий, он все равно будет бороться изо всех сил. Когда я оказываюсь в такой ситуации, я обычно просто решаю повеселиться, но Питер такой настойчивый, что будет сражаться.

Марк Вильямс

Мы с Марком росли вместе, играя в юниорах и на Про-Ам. Он где-то на год меня старше, и хотя он жил в Уэльсе, а я в Эссексе, мы регулярно виделись на снукере. Также мы одновременно перешли в профессионалы – в 1992-м, в Блэкпуле. Ни один из нас не умел водить, но отец обычно разрешал нам взять «Мерседес» и покататься по автопарку Норбрэк Касл. Помню, как Марк сказал отцу, что это потрясающая машина.

- У тебя такая тоже будет, - ответил отец.

- Нет, у меня таких никогда не будет, - Марк думал, что никогда не сможет себе такое позволить.

Но, разумеется, отец оказался прав. Марк добился огромного успеха. Думаю, он изменился за прошедшие годы. Со мною он похож на Джекила и Хайда: он говорит привет, а в следующее мгновение – вызверяется.

После того, как он победил Джимми на Бенсон-и-Хеджес в 2002-м, я его поздравил. Джимми выбил меня в четвертьфинале, и его поддерживало столько народу, что это был один из сложнейших матчей, которые я когда-либо играл. Марк выиграл у Джимми 6-5, и я сказал ему: «Снимаю перед тобой шляпу, отличная игра, потому что чертовски сложно играть, когда такая толпа болеет за Джимми, так что молодец». Он, казалось, был польщен, но после этого он выиграл пару турниров, и опять начал со мною ругаться. Понятия не имею, в каких мы с ним отношениях.

Мы частенько практиковались вместе и ладили, когда были детьми. А позже я понял, что с Марком стало сложно общаться. Я спрашивал себя, почему он так себя ведет, но единственное, что приходит мне в голову – это что он выигрывал турнир, и что идет какая-то странная умственная игра. Например, он может часами выцеливать удар, получится ли, и ты думаешь: ясно, или он не проходит, или слишком сложен. В конце концов, он подходит и забивает с такой же легкостью, как и любой другой.

Возможно, это прозвучит банально, но именно это и может повлиять на вас в снукере. Отношение Марка, как у стола, так и вне его, больше меня не тревожит, потому что я нашел внутреннее равновесие. Если он чувствует, что должен это делать, значит, должен...

Джон Хиггинс

Джон Хиггинс – самый добрый и приятный человек, кого я когда-либо встречал.

Мы впервые играли вместе на Home Internationals, когда мне было 14. Мы были среди юниоров, и никто не слыхал о Джоне. Двумя сильнейшими юниорами считались я и Марк

Вильямс. Шотландия играла с Уэльсом, и кто-то сказал мне, что этот шотландский паренек по имени Джон Хиггинс чуть не сделал 147 – забил одиннадцать красных и одиннадцать черных. Но это имя ничего для меня не означало.

Затем я играл с ним на юниорском соревновании в Престатине, и я знал, что теперь не забуду его имя – он победил меня 2-1. Один из моих приятелей спросил его, хорошая ли была игра, и, как рассказал мне он потом, Джон ответил: «Да, игра была нормальная, только у этого Ронни О’Салливана азарта нет совсем». Вспоминая об этом сейчас, я думаю, что мой приятель, наверное, заводил меня, потому что не представляю, чтобы Джон сказал что-то в этом роде – это не в его характере.

Мы никогда не выпивали вместе. Он любит немного выпить, но в целом, когда он на турнире, то очень серьезен и сосредоточен, настоящий профессионал. Я восхищаюсь этой его чертой. И если он играет хорошо, то вам остается только сидеть в кресле: он выходит и не промахивается.

Я играл с ним однажды в Лиге Мэтчрум. Перед матчем я увидел Джимми Вайта, и он спросил меня:

- Где ты был вчера вечером?

- О чем ты?

- Мы с Джоном пошли в этот маленький паб, смотрели футбол, и Хиггинс здорово напился.

Ай-ай-ай, подумал я, как это хорошо, сегодня он будет не в состоянии забить шар. Джон сидел там же и читал газету. Он не выглядел очень уж плохо, но и хорошо тоже не выглядел.

Я сделал серию в 40 очков в первом фрейме, потом он подошел к столу, и забил все остальное. В следующих фреймах он набрал 100 очков, потом 90, и опять 100: это после того, как он гулял всю ночь. Ни разу не промазал. Он не мог пить вчера, подумал я. Невозможно, чтобы кто-то так играл с похмелья.

Во время перерыва он подошел ко мне: «Меня всего колотит, мы слишком много выпили вчера», и это – продемонстрировав едва ли не лучшую игру, какую я когда-либо видел.

На чемпионате мира 1998-го года мы опять играли друг против друга, и я не забил шар. Счет был 4-4, и он просто вытер мною пол, выйдя вперед 12-4. Финальный счет был 17-10. Он меня разгромил. Я знал, что он выиграет чемпионат мира. Дел мне сказал: «Я думаю, что это сделаешь ты, мы выиграем», но я не был уверен, не был в ладу с собой, и Джон просто раскатал меня, так что ответить я не смог. Он просто был на пике, и хотя играл нормально, я знал, что недостаточно хорошо, чтобы победить его.

Несомненно, лучший из игроков, с которыми я играл – это Стивен Хендри, но Джон Хиггинс второй (а за ним – Марк Вильямс, Стив Дэвис и Джимми Вайт). Разница между ними в том, что с Хендри, когда ты отходишь от стола, нельзя быть уверенным, что ты сделал хороший отыгрыш, а Джон играет более позиционно. В некотором роде, из-за этого его еще сложнее победить, потому что его отыгрыши просто великолепны.

Стивен Хендри

Когда я это пишу, мы со Стивеном Хендри встретились впервые после того, как я объявил на чемпионате мира 2002, что хочу его отмолотить и спустить туда, откуда он пришел. Мы только что сыграли Скоттиш Мастерс в Глазго, первый турнир сезона 2002-2003, и я выиграл

этот турнир – замечательное ощущение. Я победил Стивена в полуфинале, а потом Джона Хиггинса в финале. Мы со Стивеном пожали друг другу руки перед матчем, но он отказался со мною разговаривать. Я увидел его из зала, позвал и поздоровался, но он меня проигнорировал. Я почти хотел сказать: «Слушай, я совсем не имел в виду того, что сказал, я просто хотел подбавить перцу в матч», хоть это не совсем правда. Я хотел его разгромить, но надеюсь, что Стивен понимал, что я подразумевал снукер. Может быть, стоило выразиться более определенно, хотя я тогда был очень расстроен; наверное, мое чувство неудовлетворенности как раз тогда в очередной раз решило самовыразиться.

Между нами возникло напряжение с тех пор, как я играл с ним на чемпионате мира в 1999-м году. Если ваш оппонент считает, что вы специально промахнулись по шару, выходя из снукера, он может попросить вас повторить удар. Это Стивен и попросил меня сделать, а я решил, что у него не порядок с головой. Он знает, что я никогда не промахивался по шарам намеренно, я так просто не играю. Я еще никогда не выходил с матча таким взвинченным. Мне это показалось таким неспортивным поведением, что из-за этого мое мнение о Стивене сильно упало. И это было действительно жаль, потому что полуфинал был одним из лучших матчей, когда-либо показанных по ТВ. Хендри победил меня 17-14. Он сделал четыре или пять сенчури, я сделал четыре, в одном промахнулся по розовому и недобрал до 147, остановившись на 134-х. Это был бы мой второй максимум подряд в Шеффилде, чего пока никому не удавалось сделать, так что я бы хотел его набрать.

Память о том полуфинале мучила меня три года, и в 2002-м я решил: да, пришла пора расплаты. В итоге, разумеется, ничего не получилось. Это ударило по мне же и я проиграл. Может быть, следовало лучше контролировать себя перед камерами на этом интервью, но я хотел это сказать, и сказал.

Размолвка со Стивеном идет гораздо глубже, чем тот матч в девяносто девятом. Скорее всего, ее корни в том времени, когда менеджером у нас обоих стал Йен Дойл. Не думаю, что сейчас Йен меня любит, он со мною не разговаривает со времен моего срыва перед игрой со Стивеном в 2002-м. Может, потому что они со Стивеном как отец и сын, как у меня было с Барри Хирном. Его лично задевает, если кто-то переходит дорогу Стивену или критикует его. С Йеном Стивен всегда был номер один и обращение получал тоже по высшему уровню. На матчи его возила машина, в то время как остальным нам приходилось брать машины напрокат. А если Стивену нужно было что-то сделать, ему предоставлялся персональный водитель, Джон Кэрролл. Ну а мы, из конюшни Йена, обычно смеялись над этим, потому что это было так явно – машина подъезжала, и мы говорили: «О, экипаж лорда Хендри».

Один инцидент в полуфинале 1999-го, думаю, объясняет, как работали конюшни Йена Дойла. Это случилось, когда в моем матче с Хендри установилась ничья 12-12, перед финальной сессией. Я зашел в ресторан при отеле, а там сидели Джон Кэрролл с Йеном Дойлом. Я был с моим приятелем Эндрю, и мы ждали, пока освободиться столик. Тут-то Йен меня и позвал:

- Слушай, Ронни, ты уже распланировал свои выходные? – спросил он.

- Нет, никаких планов на выходные нет.

- Хорошо. Потому что если ты выиграешь чемпионат мира, тут соберется толпа: будут представители прессы, которым жутко захочется наложить на тебя лапы, будут спонсоры. Будет то и это.

- Йен, - сказал я, - я не хочу ничего этого знать. Я в середине самого значительного матча в моей жизни, и последнее, что мне нужно – это раздумывать наперед обо всех этих замечательных контрактах, которые мне будут предлагать. Я не хочу об этом сейчас

говорить. Я здесь, чтобы сыграть гребаный матч.

Некоторые думают, что Йен Дойл занимается снукером только ради денег, и что он даже не любит игру. Не думаю, что это так. Он любит игру и любит Стивена Хендри. К тому времени, когда я подписал контракт с Дойлом, мне был 21 год, и я знал, как заключать сделки. Я добился большего контроля над своим доходами, чем остальные игроки, но мне не нравилось, как он ко мне относился, и я просто возненавидел все, когда он захотел устроить собственные турниры. Это произвело сокрушительный эффект на игру в целом. Я заключил договор с Всемирной Ассоциацией Снукера, чтобы перейти к ним, потому что я в любом случае хотел уйти от Йена, и, вероятно, это было лучшим моим решением, поскольку это вернуло мне контроль над собой.

При тех порядках, что были в конюшне Йена, я знал, что если мне придется играть против одного из большой тройки, он будет болеть за них, не за меня. Вообще-то, это ненормальная ситуация, и думаю, что слово «конюшня» все объясняет. Можете представить себе, что Алекс Фергюсон одновременно является менеджером «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуля» и «Арсенал»? Как по мне, сама идея «конюшни» в снукере – деградирующая, и приводящая к конфликту интересов.

В декабре 2000 я, наконец, ушел от Дойла. Я не хотел быть вторым. Я уже поднялся на ту ступень своей карьеры, где мне нужно было быть первым. С тех пор я показывал лучшую игру: я выиграл Бенсон-и-Хеджес Айриш Мастерс сразу после ухода, потом чемпионат мира и Премьер-лигу. Все это было очень приятно, особенно то, что в двух финалах я победил Стивена Хендри – Айриш Мастерс и Премьер-лиги. В моих матчах со Стивеном я все чаще одерживал победу, и я этим очень горжусь.

Меня часто спрашивают, какой на самом деле Стивен Хендри? Думаю, иногда он может быть скучным, но он не неприятный человек. Он сосредоточен на своей работе, и просто довольно застенчив и не очень общителен.

Годы назад, когда Стивен только что победил меня в финале Бенсон-и-Хеджес, Йен Дойл стоял рядом с Делом, когда мы шли на послематчевые интервью. Йен сказал: «Для того, чтобы Ронни стал как Стивен, он должен...», но Дел просто оборвал его, не дав закончить. Он сказал: «Ну-ну, Йен. Не надо, чтобы Ронни был как Стивен. Они и сам сумеет».

Но, несмотря на все мои чувства по отношению к Стивену, он для меня, вероятно, величайший снукерист всех времен. Лучшим его делает игра в напряжении. Любой хороший игрок умеет забивать шары, но он забивает их великолепно, когда напряжении действительно велико. Он всегда проявляет лучшую форму в самых стрессовых ситуациях, обычно на Чемпионате мира. И когда вы думаете, что сделали хороший отыгрыш, он забивает красный и набирает сотню. Иногда он выбирает такие удары, что кажутся безумными или самоубийственными, но достаточно часто – слишком часто для нас всех – он забивает. И удары оказываются вовсе не самоубийственными: они просто представляют собой его версию обдуманного риска. В стрессовой ситуации, где большинство игроков сдают, он проявляет свою лучшую игру.

Именно поэтому я считаю, что он бесспорно – лучший.

Глава 11. Становясь чемпионом мира

Прошел почти год после Прайори, и хотя я по-прежнему проходил Программу Двенадцати Шагов и держался в форме физически, в душе мне лучше не стало. Если честно, то мне было хуже. Отказ от алкоголя и курения, разумеется, был шагом в верном направлении, но это не исцелило депрессию. Все это достигло предела непосредственно перед чемпионатом мира 2001-го года. Я опять дошел до той стадии, когда не мог смотреть людям в глаза. Незадолго до Шеффилда я поехал в Абердин играть на турнире, и у меня в номере стояло три телевизора – один для PlayStation, один для видео, и один, предоставленный отелем. Так что мне даже не нужно было выходить из номера, разве только чтобы играть в снукер.

Время от времени Дел спускался и звал кого-нибудь из игроков – может, Джимми или Стивена Хендри – «Не хотите сыграть с Ронни в гольф на PlayStation?» Так что они поднимались ко мне в номер, и мы играли часик. Еду приносили тоже в номер, я выходил оттуда только на полчаса перед матчем, чтобы размяться, а потом шел играть.

Я выиграл этот турнир в Абердине, но все равно был в ужасном состоянии. Многие игроки, знавшие меня еще в любителях, говорили, что я изменился. Я становился в оборонительную стойку и говорил, что не понимаю, что они имеют в виду, «стал совсем другим человеком». Но они были правы: я потерял чувство юмора и легкость в общении с людьми. Ко мне обращались, а я был словно за сто километров от них, не понимал, что говорят и не мог поддержать простейшую беседу. Я был словно парализован страхом.

Хотя внешне казалось, что у меня есть все на свете. Я был успешным снукеристом, у меня был отличный дом, машина, и я мог поехать на выходные в любой уголок мира. Почему не быть счастливым, имея все это? Я не мог понять, что со мною не так, и все искал что-то новое, что могло бы меня осчастливить. Были времена, когда я думал, что если брошу снукер и приму отцовский бизнес, то буду счастлив. Думаю, у меня бы все получилось, и мне бы это подошло. Но я рад, что остался в снукере и пережил суровые времена...

Но они были действительно тяжелыми, эти времена: даже победы не приносили радости. Просто еще один чек на круглую сумму. Ура! В тот сезон я выиграл четыре турнира, и это

меня не радовало. Я говорил себе, что у меня есть выбор – быть счастливым и без денег, или жалким, но с парой фунтов в кармане. Снукер давал деньги, но я был убежден, что все мои проблемы – именно из-за него. Конечно, все было не так. Проблема была в моей голове.

Перед Шеффилдом я был опустошен. За неделю до турнира я начал ходить в клуб, чтобы практиковаться с Энтони Хэмилтоном, которого я знал уже многие годы, еще со времен Про-Ам. Я сыграл пять или шесть партий, и отложил кий.

- Все. Больше не могу играть.

- Вижу, - сказал он, и спросил, что не так.

Но я не мог рассказать. Просто сказал: «Извини, что ты из-за меня перевел день попусту».

Я вернулся домой и сказал маме, что больше не хочу играть. И что Шеффилд будет моим последним турниром.

Дел порекомендовал пойти к врачу, чтобы он прописал мне таблетки. Я пошел, но сначала даже с ним не разговаривал. Потом открылся: объяснил, что не могу встать с дивана, потому что мне совершенно ничего не хочется – ни говорить, ни спать, ни думать, даже секс не интересен.

- Вы страдаете от депрессии, - сказал доктор Ходжес.

Я не в первый раз это слышал, но почему-то именно тогда понял, что действительно должен с этим что-то делать.

Он рассказал мне, как вырабатывается химический серотонин, и как мы в нем нуждаемся, потому что именно он дает нам энергию и заставляет чувствовать себя хорошо. Он сказал, что нормой является уровень серотонина 10, в плохой день он снижается до девяти, когда у меня его уровень – тройка или четверка. Он сказал, что-то в моем мозгу блокирует работу серотонина. «Я выпишу вам пилюли, которые способствуют выработке серотонина, и они снова сделают вам нормальным человеком». Для меня в этом был смысл, но я все еще не верил, что есть хоть какой-то выход. Врач сказал, что они подействуют примерно через одиннадцать дней.

Я уже однажды пробовал Прозак, но бросил это дело через три дня – а это было безумием. На этот раз, сказал доктор, если решаешься, нужно все делать, как положено. «При уровне два или три преобладают суицидальные настроения. Думаю, у вас примерно третий, или третий с половиной». Я не знал, говорит ли он все это только для того, чтобы я начал принимать пилюли, зато знал, как чувствую себя. Я подумал: да, точно, я действительно хочу себя убить. И единственное, что меня останавливает – то, что мне духу не хватает. Бывало, что мне просто не хотелось жить, но на самоубийство нужно решиться. Я думал о том, как сделаю это. Я не смог бы заколоть себя, не смог бы застрелиться, я боюсь высоты, поэтому не спрыгну с крыши. А если бы я разбил машину, то мог бы выжить и существовать как растение в инвалидной коляске, а это уж точно никуда не годится!

- Я думал о самоубийстве, - сказал я врачу, - но я знаю, что у меня не хватит на это смелости.

В детали я не стал вдаваться.

Я это говорил маме и папе и неоднократно говорил себе. Знаю, что мои слова их мучили и опустошали. Теперь, когда я чувствую себя более позитивно, и слышу, как кто-то говорит что-то в этом роде, я думаю: ты смеешься ведь? Не может же все быть настолько плохо. Но

потом я вспоминаю себя, и понимаю, что да, может. Со мной так было. Я ощущал себя бесполезным, хотел все послать и сбежать, я не радовался жизни, я должен был играть в снукер, и не видел выхода. А больше всего меня страшило то, что я был не в состоянии расслабиться и просто улыбнуться. Я стал таким замкнутым пессимистом, и так хотел измениться – стать опять веселым и беззаботным. Конечно, я был в депрессии, и по какой-то глупости я решил, что могу это все исправить, если опять начну курить травку.

Когда доктор объяснил все это насчет серотонина, я почувствовал себя немного лучше: дело было не только во мне – для этого есть естественная причина, это все химия. Он сказал, что пилюли мне помогут, но если я не хочу начинать их принимать прямо сейчас, то все нормально, это может подождать окончания турнира. Это звучало разумно, помощь была под рукой, но я не собирался использовать ее немедленно. Я полетел в Манчестер, на передачу «Вопрос спорта».

Я частенько увиливал от таких программ, хотя меня всегда приглашали. Просто я всегда знал, что не справлюсь со всеми этими «приколами». И этот раз не был исключением. После шоу я даже не пошел на обычный прием. И, взглянем правде в глаза, Сью Баркер, Джон Пэррот, Элли МакКойст и ко – намного приятнее меня в общении. Вместо этого я вернулся к себе в номер и там дулся на весь мир, пока Дел готовил «Хорликс».

Следующая остановка – Крусибл, чемпионат мира. В день открытия, в субботу, я позвонил «Самаритянам». Я был в кошмарном состоянии, и решил, что когда людям плохо, они звонят «Самаритянам». Женщина, которой я позвонил, сказала: «Вы можете прийти к нам в офис в Шеффилде, и поговорить с нашими людьми», но в то время единственным событием, проходящим в Шеффилде, был чемпионат мира по снукеру, и последнее, что мне было нужно – это прочесть в газетах о своих беседах с «самаритянами».

Я не называл им своего имени, сказал только, что я спортсмен, играю в снукер, у меня бывают приступы паники, я страдаю от тревожности, не могу смотреть людям в глаза, во мне много страха, и что я больше не хочу играть в снукер.

Девушка на том конце провода спросила:

- А вы должны играть в снукер?

- Это моя жизнь, - сказал я. – И это моя работа. Я хочу быть в состоянии играть.

- А разве здоровье для вас не важнее? – спросила она. – Вы когда-нибудь задумывались о том, чтобы бросить снукер?

- Да я об этом думал – последние восемь лет, - ответил я. – Но пока этого не сделал. Здесь я пытаюсь смотреть на вещи реально. А то, что я не играю в снукер – не реально.

Поговорив с ней, я почувствовал себя лучше. Мне нечего было скрывать по телефону. Хуже всего было бы разговаривать с теми, кто не знал, каково мне, и притворяться, что все замечательно. Если бы я рассказал, что мне сложно находиться в их обществе, на меня бы точно посмотрели, как на психа.

Но скрыть это было невозможно. Все встало на свои места на радио. В то же субботнее утро пресс-офицер чемпионата мира попросил меня дать интервью. «Без проблем», - согласился я. Он сказал, что мне позвонят в 9.30, подготовят эфир, чтобы провести все прямо из моего номера. И вот телефон зазвонил.

- Ронни, вы на связи с нами. Как дела?

- Отлично, - ответил я. – Все хорошо, - что было абсолютной неправдой. Но я уже привык делать вид, что все тип-топ. Я всегда думал, что если кто-то спрашивает, как дела, нужно говорить, что хорошо – никому не хочется слушать о ваших проблемах. Я говорил это столько лет, когда мне было ужасно, но я думал, что если расскажу, каково мне на самом деле, то мои собеседники, наверное, закричат и убегут. А я не хотел расстраивать людей.

Так что я поболтал с этим парнем, который сказал мне, что брать интервью у меня будет женщина. «Просто подождите тридцать секунд, и вы будете в эфире».

Через несколько секунд женский голос спросил, что я чувствую в преддверии турнира.

- Жду с нетерпением, - ответил я. – У меня был хороший сезон, и бла-бал-бла...

Мне казалось, что я пускаю пузыри, и вру, вру, вру... это было неправильно. Я подумал, что несу ахинею. И вдруг я больше не мог это продолжать – я сорвался, и рассказал, что чувствую на самом деле:

- Я не хочу больше играть. Мне плохо. И я вовсе не жду этот турнир. На самом деле я не могу дождаться, когда же он окончится. Единственное, что меня радует – что это мое последнее соревнование и потом у меня будет три месяца, когда мне даже думать об этом не придется. Я просто не соответствую.

- О, - произнесла она. Тон ее голоса изменился – она превратилась из профессионала, опытного интервьюера, в живого сочувствующего человека. – Надеюсь, вам станет лучше, Ронни, я вам этого желаю.

- Спасибо вам большое, - сказал я.

Потом тот парень тоже сказал мне: «Да, мы все вам этого желаем, Ронни. Держитесь, мы надеемся, что вам станет лучше».

Как только я все это сказал, то сразу же ощутил, как огромная тяжесть ушла с моих плеч. Я наконец-то рассказывал, что испытываю, и это имело целительный эффект. До этого Дел был единственным, кому я мог довериться, зная, что это не пойдет дальше, и все не начнут спрашивать: «Что такое с Ронни?»

Дел сидел со мною, весь напряженный. Я знал, что он думает, что я несу? Но Дел никогда не скажет, что не нужно было этого делать, он просто не из таких. Он меня обнял, и сказал, что все будет хорошо.

- Но Дел, я чувствую себя так ужасно, - сказал я.

- У тебя депрессия. Я поговорил с людьми, и они все так считают. И твой врач сказал тебе то же самое. К черту этот турнир, начнешь принимать таблетки, и я верю, что все опять будет нормально. Это болезнь, и здесь нечего стыдиться.

- Дел, мне все равно, – ответил я. - Я уже перепробовал все – психиатров, врачей, Прайори, то, это – и мне по-прежнему дерьмово.

В первом матче в Шеффилде я легко победил Энди Хикса, но внутри я был полностью раздавлен. И после этого я понял: Шеффилд – не Шеффилд, но еще одного такого дня я не вынесу.

Я дошел до ручки и решил, что единственная надежда – Прозак. Я сказал Делу:

- Если нужно ехать обратно в Лондон, чтобы взять рецепт, то вперед.

- Давай я позвоню твоему врачу, - ответил он, - посмотрим, может, он пришлет рецепт сюда, чтобы не ехать. Но ты уверен, что хочешь этого?

- Уверен, - сказал я. – Сейчас снукер это наименьшее, что для меня важно. А что действительно важно – если и есть что-то, что может мне помочь, мне это нужно. И за этим я пройду на край земли. – Я был в таком состоянии, что попробовал бы что угодно.

Дел напомнил мне, что доктор говорил – это может вызвать тошноту, головокружение, и ощущение как под кайфом, и что это может повлиять на мою форму.

- На хрен снукер. Я хочу попробовать эти пилюли. Если они подействуют, то мне это нужно. – Я был в отчаянии и наконец-то решил, что здоровье важнее снукера. В тот год это могло бы стоить мне титула, но я так решил.

Впервые попробовав Прозак, я почувствовал, что у меня сорвало крышу. Я начал принимать это во втором раунде, против Дэйва Хэролда. На чемпионате мира матчи второго раунда состоят из 25-ти партий, разбитых на три сессии. Хуже всего мне было между полуднем и тремя часами дня, тогда таблетки по мне и ударили. Я стал таким свободным, никаких стрессов, но физически – не мог играть. Впрочем, потом я почувствовал себя лучше.

Этот легкий кайф от таблеток был восхитителен. Я подумал: вот так я хочу себя чувствовать все время. Ладно, пусть я буду не в состоянии играть, зато не будет больше всей тяжести мира на моих плечах.

Мой матч с Дэйвом комментировал Вилли Торн. Он сказал: «Ронни не выглядит заинтересованным». Мне и в самом деле было паршиво, но я почему-то выигрывал, не вдохновенно, а словно делая свою работу. Потом я смотрел это в записи, и Вилли говорил, что я делал такие удары, которые точно не следовало бы. В конце сессии он сказал: «Итак, Ронни ведет 10-6, вряд ли он может проиграть в такой ситуации». Можно было почти услышать, как шелкают мысли Вилли. «Секундочку, - добавил он. – Я только что сказал, что он играет неподходящие шары, но он сделал серии в 88, 96, 104, 110, 54, 62, 48 очков, и все это с пугающей быстротой. И мы думаем, что его игра далека от идеальной, и что он не выглядит заинтересованным!»

Я играл плохо, не забивал так, как хотел бы, но шары все равно падали в лузы, а я набирал по 80-90 очков непонятно откуда. Значит, все правильно. Должно быть, именно это и сделал Прозак – заставил понять, что победа есть победа, нравится ли тебе играть, или нет, кажешься ли ты заинтересованным, или нет. Стив Дэвис как-то сказал, что нужно играть в снукер так, словно важнее его нет ничего на свете, но на самом деле это совершенно не важно. Нелегко достичь такого равновесия, но во втором раунде я почувствовал, что у меня начинает понемногу получаться. Тревожность ушла, и я выиграл 13-6.

В четвертьфинале я играл против Питера Эбдона, два дня, причем в первый день у нас была утренняя и вечерняя сессии. Утренняя окончилась ничьей 4-4. На чемпионате мира нужно сыграть 16 сессий (это если выиграть турнир), и я ни проиграл ни единой. Худшим результатом была эта ничья 4-4. Никогда не понимал, когда говорили: «Просто играй сессию», зато понимаю теперь.

После этой ничьей Дел сказал:

- Результат! Результат!

- Думаешь? – спросил я.

- Конечно. Он не сможет играть лучше. Питер Эбдон потерял самообладание, а ты нет. Ты задал тон матча. Наверное, он чувствует, что это он должен был вести в счете, 6-2, возможно, так и должно было быть, но ты отстоял себя. Сегодня ты играл лучше, чем когда-либо.

Но я все еще не был убежден в этом.

- Думаешь? – повторил я.

- Рон, неделю назад мне бы пришлось утешать тебя после того, как ты проигрывал бы 7-1 или 6-2, но ты поборол это, и я тобой горжусь. Поверь мне.

Переломный момент в этой сессии случился, когда Питер сделал серию в 64 очка и попытался исполнить совершенно безумный удар, чтобы выйти на 147 – он положил восемь красных и восемь черных шаров. Но промахнулся и я закончил партию. Когда я увидел, как он делает этот удар, то понял – все! В обычном состоянии он бы его просто проигнорировал. Даже если есть возможность набрать максимум, гораздо важнее выиграть партию. Думаю, в этот момент он и сдался. Наверное, он думал: я знаю, что не выиграю матч, ну так хоть попробую сделать 147, и получу за них 150 тысяч. Такая сумма полагается за максимальный брейк. Я не заикливался на этом и выиграл также и финальную партию сессии.

Все было нормально, но во время заключительной сессии, что игралась днем, мне снова стало плохо. Как только я начал играть, меня заколотило. Я толком ничего не видел и почти не ощущал свое тело. А Питер Эбдон в ментальном плане – один из самых сильных игроков, потому что он никогда не думает, что проиграл. Даже проигрывая 12-4, он все равно будет сражаться, словно счет 0-0. Питер выиграл первые две партии, и я подумал: ну вот, опять. Но потом я подумал: секундочку – я впереди с огромным преимуществом! Даже если я буду скакать вокруг стола на одной ноге или играть только одной рукой, все равно велика вероятность, что я наберу 50 или 60 очков и выиграю хотя бы одну партию. Только это мне и нужно. Может быть, это Прозак дал мне новое ощущение спокойствия и оптимизма, который, в свою очередь, придал мне сил, чтобы выполнить задание – показать чемпионскую игру. Я победил Питера 13-6, но к концу матча благодарил бога, что все это кончилось, потому что меня начало слегка шатать.

Мое настроение изменилось. Принимая Прозак, я просыпался утром, и думал: сегодня неплохой денек, а даже если и плохой, но не настолько, как бывало когда-то. Я даже стал выбирать удары иначе. Хотя пилюлю, которая бы заставила играть в снукер как чемпион, еще не изобрели, но Прозак дал мне уверенность и возможность думать о своей игре так, как думают о ней остальные игроки. Раньше, набрав 50 очков, я думал: вот черт, я не должен был потерять позицию, этот парень решит, что я дерьмо, раз не могу забить все шары, и в итоге играл какой-нибудь совсем безрассудный шар. Теперь я был счастлив, сделав неплохую серию, и играл отыгрыш. Я вновь крепко стоял на земле. Выигрываешь – молодец, но если промажешь – я тебя накажу. Благодаря этому мне не раз удавалось переломить игру. Впервые за пять лет я начал мыслить объективно. Темперамент мой тоже изменился. Я больше не думал: давай покончим с этим поскорее, я не хочу быть здесь, я хочу сидеть в номере, смотреть видео и есть китайскую еду из ресторана. Все стало просто: извлечем из этой сессии лучшее, пусть даже я и проиграю 5-3.

После матча с Питером я пошел домой и смотрел трансляцию по телевизору. Комментатор Джон Вирго сказал: «Это лучшая игра, которую когда-либо демонстрировал Ронни. Если он продолжит в том же духе, он победит». Я удивился – ведь я смотрел на себя, и думал: я не

настолько хорошо себя чувствую. Но я знал, что Джон Вирго ничего просто так не скажет.

Я вышел в полуфинал, и теперь-то турнир действительно начался. Я уже трижды играл в полуфиналах, но дальше не проходил. Но даже так – твоя игра должна была быть хороша, раз позволила пройти так далеко. Столько партий и столько матчей, значит, тебя сложно победить.

В полуфинале я встретился с Джо Свэйлом. Он победил Марка Вильямса, вот так легла моя карта. Марк выиграл чемпионат мира годом раньше, и я ожидал, что буду играть с ним в полуфинале. Джо – игрок из квалификации. Однако нужно быть достойным даже просто попасть в Шеффилд, не говоря уж о том, чтобы пройти в полуфинал. Но я был счастливее от того, что играл с Джо, ведь Марк был чемпионом, номером один в мире, он очень сложный противник, особенно если играть с ним три или четыре дня. С Джо я знал, что сумею победить в восьми случаях из десяти. Против Марка – было бы пятьдесят на пятьдесят. Я подумал: вот реальный шанс попасть в свой первый финал чемпионата мира. В предыдущие три раза я проигрывал Эбдону, Хиггинсу и Хендри, и только один раз, в матче против Эбдона, я мог бы выиграть.

Я отнесся к этому так же, как и ко всем остальным своим матчам. Не ездил в Крусибл, разве что должен был играть, и не практиковался в Шеффилде вообще. В тот год я достаточно напрактиковался. Перед моим первым матчем против Энди Хикса, мы с Делом сидели в кино и смотрели фильм с Пирсом Броснаном. Это было в полседьмого, а в полвосьмого нужно идти играть. Не такую подготовку рекомендовал Дел, но я сказал, что буду все делать по-своему.

Против Джо Свэйла я сразу повел в счете 6-2, и это еще не очень хорошо играя. Я справлялся со стрессом, но особого куража не испытывал. Он набирал 40-50 очков, потом я забивал все остальное на 70, и это его ранило.

Вечерняя сессия был сыграна вничью 4-4 и счет стал 10-6. Мне хватало энергии, но уже начинало немножко дергать. Я не мог не думать, что ни разу не был в финале чемпионата мира, и что это было бы замечательно для отца и всей семьи. Я провел хороший сезон, уже выиграл четыре турнира, было бы здорово окончить его, пройдя в финал чемпионата мира.

Я регулярно беседовал с отцом, и рассказывал ему, что начал принимать таблетки. «Отлично! – воскликнул он. – Я по голосу твоему слышу, что ты изменился и могу сказать, что тебе стало гораздо лучше». Он меня подбадривал. «Ты там меня пугаешь, - сказал он. – Аура, присутствие, дальние удары. Ого! Да ты так эти дальние забиваешь! Я думал, он же этот бить не станет, нет? Просто хватал соседа за руку, когда ты забивал, и думал – о, нет! И шар попадал!» Отец был так рад.

Несмотря на нервы, я взял этот матч, 17-9, и был в восторге. Я вышел и дал интервью. «Как ощущения, Ронни?» Все этим интересовались, из-за того интервью, которое я давал на радио в начале турнира.

- Я чувствую себя превосходно. Безумно рад попасть в финал. Сегодня вечером буду смотреть, как сыграют Джон Хиггинс и Мэттью Стивенс, и жду не дожусь, когда же сыграю с победителем. Я просто не верю, что я здесь, я в восторге.

Мы с Делом пошли искупаться, а потом – на обед. Я по-прежнему не подходил к тренировочному столу. В прошлом я постоянно был одержим тем или иным ударом, испытывал новые приемы, выискивал разные мелочи, искал что-то, что дало бы мне уверенность, но в Шеффилде меня это больше не беспокоило. Я только подумал – чему быть, того не миновать; я в это верю. Мысли были четкими и ясными, и я больше не мучил себя

попытками отработать какой-то новый удар. Я знал, что дополнительная разминка ничего не изменит, я ведь играю уже шестнадцать лет, и если я сейчас не знаю, как играть в снукер, то никогда не пойму. Конечно, замечательно иметь тренеров, которые говорят тебе, как сделать то или это, но в итоге все идет изнутри.

Эта моя новая философия была со мной до самого финала. Однако, сейчас я почувствовал, что нужно хоть немного потренироваться, потому что против Джона Хиггинса, моего оппонента в финале, проскочить не удастся. Я знал, что будет война, и что мне придется туго. Дел с этим согласился. Думаю, что он многое понял многое после того моего матча с Джоном Хиггинсом в полуфинале 1998-го года. Тогда он мне сказал: «В этом году ты выиграешь чемпионат мира».

Я ответил:

«Что ты имеешь в виду?»

«Я это знаю, - сказал Дел. – Тебя никому не победить».

Я никогда не разделял этого его убеждения, и проиграл Джону 17-9. После я сказал Делу: «Ты же говорил, что я выиграю».

«Глубоко в душе, - ответил он, - я думал, что ты ни в коем случае не можешь проиграть, но есть что-то в твоей голове, что не дает тебе этого достичь. Дело не в игре. Дело в тебе. – Он коснулся пальцем моего лба. – Вот эти шесть дюймов, там ты выигрываешь или проигрываешь. Рон, поверь мне, я годами наблюдаю, как ты играешь, никто больше так не играет. Только твоя голова виновата в том, что ты проигрываешь эти матчи».

«Нет, голова тут ни при чем, - возразил я. – Все у меня в порядке с головой, если игра хороша».

«Чушь, - отрезал Дел. – Никто не может играть хорошо все время. Ты должен выиграть матч в своей голове».

Через три года после этой беседы мы пришли в Театр Крусибл в восемь утра. Матч должен был начаться в три, и я сказал Делу: «Приедем туда пораньше, позавтракаем и немного прогуляемся у канала». Мне не было плохо, но слегка тревожило, что я решил нарушить принцип – не тренироваться. Может, следовало остаться в отеле и расслабиться. Но потом я решил: пошло все к черту, против Джона Хиггинса я должен играть хорошо. Я недостаточно силен в ментальном плане, чтобы выдавить его, а если я буду играть плохо, то мне не переиграть его плохую игру, он более сосредоточен, более методичен, чем я. Мой разум говорил мне, что для победы мне нужно вдохновение, и я был не против.

Мы пошли позаниматься пару часов. В некотором плане я даже пожалел об этом, но потом вернулся в отель, отдохнул, немного прогулялся и в два часа дня был уже готов и на месте. Там я минут пятнадцать разминался. Джон проходил мимо со своим другом, мы оказались у разминочных столов одновременно. Я наблюдал, как он играет, и казалось, что он забивает хорошо.

Часть меня все еще спрашивала, а достоин ли я быть в финале? Другая же часть говорила: а с чего это я это спрашиваю? Ты здесь, так что получай удовольствие. Однако, в финале чемпионата мира получать удовольствие сложно, у меня лично не получилось.

Я начал неплохо. В первой партии я позволил ему выйти вперед, он набрал 30 очков и чудесно играл. Ну вот, подумал я, сейчас он окончит партию, просто сиди и терпи. Но он

промахнулся по красному в среднюю лузу и все застонали. Я не ожидал, что подойду в этой партии к столу. Это был дальний удар, я решил, что если промажу, то это плохой знак. Удар был нелегкий, я не был уверен, но ударил, попал, а потом сыграл черный. Я выиграл эту партию, набрав 80 очков.

И после этого все устроилось. Хотя я не был доволен своей техникой, шары катились в лузы и у меня все получалось. Играл стратегически, не промахивался по легким шарам. Если нужно было делать отыгрыш, я его делал. Перед перерывом я вел 3-1.

- Ну, что думаешь? – спросил я Дела.

- Хорошо. Серьезно. Сильно. Как по мне, у тебя все получается.

- Но я этого не чувствую, - сказал я. – Мне паршиво.

- Продолжай делать, что делаешь, - ответил он. – Понимаешь? Просто продолжай, и все, - повторил он. – Хочешь чашечку чаю?

- Да, с удовольствием.

- Закурить?

- Да, было бы здорово.

- Печенья?

Он ушел и вернулся с печеньем и чаем. Прямо как родная мама и нянюшка.

- Какую газету изволите?

- О, принесите нам «Мэйл» и «Сан», Дел?

- Массаж?

Он такой веселый. Никто не смешит меня так, как Дел. Он для меня все сделает, вплоть до того, что часами будет растирать ноги. Его жена даже немного ревновала, думаю, он и ей теперь массирует ноги по часу.

Мы поболтали минут пять, потом перерыв окончился.

«Так, сосредоточься. Он попытается отыграться. Будь готов».

Я вышел, сосредоточился и выиграл следующие две партии. Теперь я думал о победе. Играл не особо хорошо, я вышел вперед 5-1: осталось еще 13 партий для победы. Сессия окончилась со счетом 6-2. Я немного расстроился, потому что надеялся на 7-1. Есть большая разница, впереди ты на четыре партии, или на шесть.

- Слушай, - сказал Дел, - ты бы хотел вести в счете 6-2 уже на старте?

- Черт возьми, конечно, - ответил я.

- Так будь доволен тем, что сделал, потому что ты играл хорошо.

Мы вернулись в отель. Я сказал Делу, что не хочу ни посетителей, ни телефонных звонков. В

Шеффилде я никогда не разрешаю звонить себе в номер: телефон отключаю, и если что-то нужно – звонят Делу, а он мне передает. Ко мне никто не прорвется и не нужно думать, что я должен кого-то развлекать. В 2001-м ко мне приходил Дел, мы болтали, смотрели видео или что-нибудь по телевизору, перекусывали – цыпленок или салат, немного углеводов для нормального функционирования – и таблетка Прозака после завтрака.

К полуфиналу я уже привык к Прозаку, так что не переживал насчет своих ощущений во время игры. У меня появилось намного больше энергии. Я выиграл первую партию вечерней сессии и повел 7-2, хотя это и была одна из самых ужасных партий по качеству снукера. Мы оба постоянно промахивались, это раздражало. Это же финал чемпионата мира, в конце концов, а публика, должно быть, уже спрашивает, мы собираемся забивать, или нет? Но так и бывает – все время играть хорошо в матче из 35-ти партий невозможно. Приходится ждать, когда все наладится, и прорываться через плохую форму. В прошлом я часто проигрывал матчи, потому что не давал себе возможности этого дожидаться; я так себя вымучивал, что когда все наконец приходило в порядок, было уже слишком поздно и разрыв слишком велик. Но сейчас плохая игра была не настолько уж плоха – я минимизировал ущерб.

Однако этот приступ продолжался, я проиграл следующие три партии и к перерыву мое преимущество составляло всего две партии: 7-5.

Я спросил Дела:

- Что происходит? Мне что, кошмар снится? Я не могу забить какой-то гребаный шар.

- Просто держись, - сказал он. – Ты играешь неплохо. Ты промахивался, но и он промахивался. Он сейчас начал забивать, так что просто будь готов.

Я вышел и выиграл три партии подряд, сделав две серии по 90 очков и сенчури. И мне было опять паршиво: исполнение не было правильным, мне все надоело, шары не попадали, куда я хотел. Очевидно, я опять слишком многого от себя требовал.

Джон выиграл последнюю партию сессии, но я был рад счету 10-6, потому что при 7-5 я сидел в раздевалке и проклинал все на свете, убежденный, что проиграю.

После сессии я вернулся в отель, вместе с Майки Кефалем и Делом и был так спокоен, что это даже пугало. Мы решили выпить чего-нибудь безалкогольного на ночь, и я сказал: «Он такой замечательный спортсмен, этот Джон Хиггинс». Это правда, потому что в некоторые моменты матча ему точно хотелось сломать кий себе об голову или закинуть его куда-нибудь подальше. Джон великий игрок, но в той первой партии он промахивался по таким шарам, которые положил бы с закрытыми глазами. В принципе, я тоже промахивался, но для меня это было меньшим сюрпризом. Джон известен как самый серьезный игрок, и видеть его в таком состоянии было ужасно. Я столько раз думал, что мне конец, потому что с Джоном второго шанса обычно не бывает – давил на себя, потому что сам так высоко вознес Джона в своих глазах. А он продолжал предоставлять мне шансы. И он ни разу не проявил эмоций. Когда он промахивался, то просто садился обратно в кресло, а не играл на публику, как это делают некоторые игроки (Марк Вильямс часто аплодирует самому себе, когда делает плохой удар, а Стивен Хендри иногда говорит «Спасибо», когда неудачно подбивает. Публика думает, это забавно, но оппонента это здорово раздражает). Джон никогда такого не делал, никогда не показывал толпе, что ему жутко не повезло, и единственная причина, по которой я у стола, это то, что он играл плохо. Я его за это действительно уважаю.

Но в финале я ни разу не подумал, что Джон такой классный парень, что я хочу проиграть. И перспектива давать послематчевое интервью меня больше не ужасала (как это было в Шотландии).

В воскресенье я еще увеличил разрыв – с 10-7 до 14-7, сделав серию в 138, 90, 50 и 50 очков. При счете 14-7 Джон подошел к столу и я подумал: все честно, я свое получил, теперь очередь Джона. Он промахнулся по черному, элементарный удар, и я мгновенно вылетел из кресла. Все шары выстроились как по заказу, ни один не стоял у борта, пока я буду аккуратен, все будет хорошо. Был один хитрый дальний удар по красному, но не особо проблемный. Я по нему промазал. Джон вскочил со своего места и забил все оставшееся, 14-8. Когда он выиграл следующие две партии, я запаниковал. В конце концов, я сейчас мог стать в глазах людей вторым Джимми Вайтом – лучшим игроком, который никогда не выигрывал чемпионат мира. Джон его уже выигрывал и был номером первым в мире.

Я вернулся к себе в ужасном состоянии. Дел сказал перед уходом, что мне нужно прилечь и выпить. Я лежал в кровати, когда раздался стук в дверь.

- Что такое? – крикнул я.

- Это я, Дел. Я только что говорил с врачом.

Я его впустил.

- Что это означает, что ты только что говорил с врачом?

- Пожалуйста, Ронни, просто позвони с ним и побеседуй.

- Что он собирается мне сказать?

- Он хочет, чтобы ты принял еще одну таблетку, - сказал Дел. – Доктор смотрел матч по телевизору. Он увидел, что твой уровень концентрации падает. Ты угасал.

- Что ты имеешь в виду, «угасал»?

- Просто поговори с ним, пожалуйста, - повторил Дел.

- Я никому не буду звонить.

Дел умолял меня: «Пожалуйста, Ронни, пожалуйста». В итоге я согласился позвонить.

- Хорошо, доктор Ходжес?

- Здравствуйте, Ронни, - сказал он.

- В чем дело? – я решил, что нужно быть кратким.

- Я наблюдал за вашим прогрессом на протяжении всего турнира, - сказал он, - и вы играли фантастически, но я заметил в конце сессии, что вы начали немного сбиваться. Это не повлияет на снукер, но повлияет на вашу способность оставаться в форме. Думаю, вам нужно принять еще одну таблетку. Примите одну сейчас, и через полтора-два часа вам станет лучше.

Было примерно шесть вечера, и он был прав. Я действительно стал невнимателен. Поэтому я принял таблетку. Мы попрактиковались, и Дел спросил, как я себя чувствую. «Нормально, - ответил я. – Неплохо. Просто иду туда и попытаюсь получить удовольствие». Я все еще чувствовал усталость.

Организаторы сказали, что мы с Джоном должны вместе пройти по дороге, с вершины Театра Крусибл, через толпу, а не просто выйти из-за занавеса. Мы поднялись, и я очень нервничал. Ведь это была финальная сессия, когда решается все. А на Крусибле все еще и преумножается во много раз, потому что это большой турнир. Промажешь по красному – и топа сходит с ума. Этого нельзя не ощущать. Но вдруг я словно проснулся и ощутил прилив энергии.

Я выиграл первую партию и вышел вперед 15-10. Потом счет стал 15-11, 15-12, 16-12. Может, самочувствие было и неплохим, но снукер был ни к черту. После перерыва Джон вышел и начал забивать шары, играя действительно блестяще. Он набрал 60 очков и выиграл партию, но потом вдруг уступил место мне и я набрал 60, выиграв следующую. При счете 17-13, когда всего одна партия отделяла меня от титула чемпиона мира, я сделал серию в 40 очков или около того, отыгрался, а Джон промахнулся и опять уступил мне место. Я забил пару красных и черных, посмотрел на табло, подумал, что мне нужен еще один красный – и Джон пожмет мне руку. Я уже начал обдумывать, что скажу в своей речи, вместо того, чтобы сосредоточиться на ударах. Кубок уже лежал у меня в руке. Я промахнулся по простому красному и отошел жутко расстроенный. При той позиции, что я оставил Джону, он не мог промахнуться. Это судьба, решил я: мне не суждено выиграть чемпионат мира. Джон забил все, и счет стал 17-14. Перед окончанием матча Джон начал играть великолепно. Он учуял запах крови, и я знал, что мой промах его вдохновил. Давление возросло, хотя я и был впереди. От мыслей о благодарственной речи я перешел к завтрашним газетам, с заголовками «КАК ОН МОГ ПРОИГРАТЬ?» и ко всем интервью, которые я вынужден буду давать – мне будут напоминать о том злополучном красном и заставлять объяснять, как это случилось.

Джон разбивал в следующей партии. Я промахнулся по дальнему красному и не успел оглянуться, как он набрал 40 очков. Все было замечательно, а потом он не забил прямой красный шар. Все поменялось местами. Теперь уже я не ожидал, что подойду к столу, но я должен был постараться изо всех сил. Я сделал лучший брейк в моей жизни, 80 очков, и выиграл чемпионат мира.

Этот матч закалил мой характер как ничто другое. Он стал доказательством, что я могу выигрывать в стрессовой ситуации. Как только я забил желтый – я знал, что выиграл, а потом я забил зеленый, коричневый, синий и розовый, и положил кий на стол. Это было невероятно. Джон пожал мне руку, и сказал лучшее, что можно было только представить: «передай своему отцу, что я очень рад за тебя и за вашу семью».

- Ты лучший, - сказал я ему в ответ. – Забудь снукер – мне не нужно говорить тебе, что ты великий игрок. Но я очень, очень уважаю тебя как человека. Ты джентльмен, на все сто процентов.

Мы всегда хорошо ладили, потому что мы похожи. У Джона очень крепкая семья, и у меня тоже. Мы вышли из одинаковой среды, и знаем, что семья важнее, чем менеджеры и пресса.

Когда я выиграл, моей первой мыслью было: а где же мама? Она должна быть где-то здесь. Я видел, как она обнимается с Бьянкой. Мама подбежала ко мне, в ее глазах стояли слезы, она не могла поверить в происходящее.

Свершилось все, о чем я мечтал. Я желал взять кубок, и впервые в жизни мне захотелось его поцеловать. Моя сестра Даниэль со своим парнем тоже подбежала ко мне. Она не видела, как я выиграл, застала меня уже с кубком, и тоже начала плакать. Мы не всегда были близки, но в прошедшие пару лет мы многое вместе прошли.

- Почему ты плачешь? – спросил я.

- Я так тобой горжусь. Я так рада. Ты просто молодец.

- Ну тогда подойди и обними меня, - сказал я. – Давай! Хватит плакать. Мы все счастливы. Приходи в раздевалку, я там тебя жду.

В раздевалке собрались мама, Даниэль, Дел, Джимми Вайт, Ронни Вуд со своей женой Джо, все набились в крохотную комнатку, поднимали кубок над головой и сходили с ума. Я там был самым спокойным.

Джимми вернулся из отпуска ради финала, и я был так польщен, увидев его здесь. В то же время, мне было безумно жаль, ведь он был так близок к победе на чемпионате мира. Это очень много для него означало, он отчаянно желал победить, но проиграл в шести финалах. Мне хотелось отдать ему кубок со словами «Вот, это тебе на год». Если и есть что-то, чего я ему страстно желаю – это победить на чемпионате мира, и быть там, чтобы пожать ему руку и потом отпраздновать вместе с ним. Я знаю, это бы ему помогло, потому что помогло мне. Это похоронило множество демонов. Если бы я закончил карьеру, ни разу не выиграв его, надо мною всегда присутствовала бы тучка – «а был ли я достаточно хорош?» Несмотря на все мои победы, я всегда бы думал, что мне не хватило духу, чтобы выиграть самый значительный трофей. И для этого действительно нужно иметь и силу воли, и смелость, и удачу.

Дел ухмылялся так широко, что его лицо разделилось на две части. Он крепко меня обнял и поцеловал в щеку.

- Молодец! – сказал он. – Радуйся! Я тебя люблю.

- Я тебя тоже люблю, - ответил я.

Мы вернулись на сцену и внезапно Дел, который всегда был таким спокойным, запаниковал – «Мы должны выйти к прессе, должны это, должны то...». Я не мастак выступать для ТВ и давать интервью, но Дел сказал: «Это нужно, и это справедливо по отношению к поклонникам, которые заплатили деньги». Инстинкт говорил мне, что нужно возвращаться в отель, пропустить пару рюмок, и начать вечеринку, но в Деле возобладал здравый смысл, и он настоял, чтобы мы сделали все, что должны были.

Осталась только одна тревожная мысль – ужин. Я опять подумал, что так счастлив, что могу просто встать и сказать «Спасибо» и больше ничего не нужно говорить. Мы вернулись в отель, и я даже не переоделся. Джон Хиггинс был в элегантном костюме с галстуком, а я – по-прежнему в своей жилетке. Последним, что я хотел, было переодевание.

Джон произнес действительно веселую речь: «Когда мы били подростками, - сказал он, - все вокруг говорили о Ронни О’Салливане. Я был в Шотландии, он – в Англии, я только и хотел, что посмотреть, как он выглядит и как играет. В конце концов я его увидел, и не мог поверить, что ему всего четырнадцать – у него была длинная борода, ростом он был почти шесть футов, и делал сенчури брейки играючи. Я его оглядел с ног до головы, и решил – не может ему быть четырнадцать, вот двадцать восемь, это да».

Все засмеялись, а мне это напомнило, как мы впервые встретились с Джоном, и как он разбил меня в Престатине. Примерно через месяц после этого он выиграл наибольший юниорский турнир – Ворлд Скай Метер Мастерс, победив меня на пути. Потом с ним подписал контракт Йен Дойл. Вот и все – мы стали соперниками. Я был с Барри Херном, англичанином, а Джон – с Йеном Дойлом, шотландцем. У Барри был Стив Дэвис, у Йена – Стивен Хендри. Они были самыми заклятыми противниками, постоянно сравнивали меня с

Джоном, и все спрашивали, кто же из нас первым выиграет чемпионат мира. В итоге первым оказался Джон, а вскоре за ним – и я.

Когда я вышел для своей речи, меня представили: «А сейчас – чемпион мира 2001 года...». Все аплодировали и кричали. Мне было просто замечательно, спокойно и свободно. Я весь вечер ни капли в рот не брал, и слова просто полились, спонтанно. После того, как я рассказал, как я восхищаюсь Джоном, игроком и человеком, я всех поблагодарил, и сказал, что иду праздновать.

После речей я пошел в бар с мамой, Даниэль, Джоном и его семьей. К двум часам ночи Джон напился, да и я не отставал. Мама тоже набралась. Отец Дениз, девушки Джона, был лысым, и мама все время шлепала его по лысине. Если она пьяна, ее немного заносит, и она может сказать все, что угодно. Вот она и говорила ему: «Ооо, у вас такая замечательная голова, дайте мне ее поцеловать», и она целовала его лысину и шлепала по ней. Ему тоже нравилось, потому что он сидел с широкой улыбкой на лице. Мы все смеялись. Это была такой чудесный вечер.

Примерно в шесть утра я сказал: «Мне пора, я совсем разбит». Я шел домой с мамой, Делом, и мамой Джона Хиггинса. Его мама и моя распевали по дороге все песни, которые знали. Мы дошли до конца дороги, и мама Джона сказала: «Молодец, я рада за тебя. Хотя я, конечно, хотела бы, чтобы победил мой Джон, но если не он, то чтобы это был ты».

Позже в тот же день я впервые после победы говорил с отцом. Я добрался домой в шесть утра, причем вел машину весь путь от Шеффилда, и теперь готовил для всех спагетти – у меня как раз было кулинарное настроение – и тут зазвонил телефон. Мама взяла трубку. Это был папа.

- Поверить не могу, - сказал он. – Я словно стал в десять футов ростом. Это просто нереально. Я с полуночи до восьми утра слушаю новости каждый час: «Новый чемпион мира Ронни О’Салливан». Как ты это сделал? Ты играл великолепно. Я так рад, я теперь уже ничего не хочу.

- Я приду навестить тебя на следующей неделе, папа, - ответил я.

Даже несмотря на то, что он был в тюрьме, казалось, что мы сделали это вместе – что мы по-прежнему команда. Я вспоминал, как много лет назад он приходил в клуб, посмотреть, как я тренируюсь, и как переехал в другой дом, только для того, чтобы можно было сделать для меня снукерную комнату. Наше партнерство раскололось, когда он сел в тюрьму, и я думал, хватило бы мне веры в себя, если бы он меня не поддерживал. В итоге я доказал, что хватило.

Мы все были так взволнованы, но я всего лишь хотел посидеть и поговорить с тем, кто был рядом со мною все эти две с половиной недели: Делом, моими друзьями Доном и Ронни, и Майки Кефалем. Если бы мне предоставили выбор, я бы просто сидел с ним в гостиной, несколько часов, и беседовал о том, что мы сделали. Однако мы смогли это сделать только через несколько дней. Столько всего произошло: турнир, паники Дела, моя депрессия, таблетки, я чувствовал, что это мой год.

Через две недели мы играли следующий турнир, Мэтчрум Лигу в Инвернесе, и у меня не было времени, чтобы толком пообщаться с Делом и Майки. Я прибыл на турнир и зарегистрировался в отеле. Всего в здании было 29 этажей, я жил на 28-м. Туда никто не мог подняться без ключа.

- Они должны всех сюда переселить, - сказал я Делу.

- Нет, я на девятнадцатом, - ответил он.

Я позвал его в свою комнату:

- Дел, зайти ко мне, и посмотри мой номер, - попросил я. В номере был телевизор, холодильник и большое кресло-качалка. – Зачем это все?

- Затем, что ты чемпион мира, - ответил он.

- Ты шутишь!

Но он был прав. С тех пор на каждом турнире мне предоставляли полный набор в отеле. Странно, чем более успешным ты становишься, тем больше все хотят тебе всего надавать. И чем больше ты можешь себе позволить, тем больше все хотят тебе это подарить. Мне это кажется неправильным.

Даже несмотря на то, что Мэтчрум Лига – незначительный турнир, я хотел играть и с нетерпением ожидал начала. В полуфинале я должен был играть с Джоном Хиггинсом, и я победил его 6-3. Ни один из нас не демонстрировал действительно хорошей игры, но моя вера несла меня вперед. Я все еще боролся со своей техникой, с тем, что я приобрел в 14, 15 или 16 лет, но играл более уверенно и с большим опытом.

В финале я победил Стивена Хендри 9-7. Ему в этом матче не везло, он должен был повести 8-5, но я сделал 7-6, а потом выиграл два из оставшихся трех фреймов. Победа вошла в привычку, я ожидал, что выиграю, даже если был не в лучшей форме.

Ну а пресса, что неудивительно, опять интересовалась, ощущаю ли я разницу в своей игре и в самом себе.

- Если честно, - ответил я, - я просто хочу получать удовольствие. Не могу поверить, что выиграл чемпионат мира. Хочу отдохнуть от снукера летом, расслабиться и повеселиться. – В то время я выздоравливал, поэтому искал возможность жить духовно. – Я просто хочу жить этим моментом. Неважно, что будет завтра или через месяц, и что было вчера – тоже неважно. Это мое путешествие. И я не знаю, что случится через три или четыре месяца, не знаю, буду ли я играть в следующем сезоне, но это великолепное ощущение, и я работал для этого всю жизнь.

Пресса ко мне хорошо отнеслась. Я честно дал несколько интервью, но думаю, что большинство было довольно. Конечно, газетчики писали обо мне всякие гадости, но в общем я этого заслуживал. Они задевали меня, но именно это мне и было нужно – статьи, кричащие: «Ронни, прекращай дурью маяться!». После всех этих интервью Текс Хеннесси, который как-то раз приглашал меня на обед, и помог прочистить мозги, когда мне это было нужно, подошел ко мне, и сказал: «Ты даже не понимаешь, как ты меня обрадовал. Этого хватит на целый день и на целый год».

В тот сезон, когда я выиграл чемпионат мира, я выиграл еще три турнира до Рождества, вышел в еще один финал и в пяти турнирах дошел до полуфинала. Потом я три или четыре турнира ничего не выигрывал, а затем взял Айриш Мастерс, чемпионат мира и Лигу Мэтчрум. Так что в целом за тот сезон я выиграл шесть из двенадцати турниров, в которых принимал участие. Это был второй по успешности сезон для снукериста (Стивен Хендри как-то выиграл за сезон семь турниров). Я так этим гордился.

А поводом для особой гордости было осознание того факта, что я играю в снукер тогда,

когда конкуренция и стандарты высоки невероятно. Сейчас победить на чемпионате мира куда сложнее, чем когда свои титулы выигрывал Стив Дэвис. Сегодня нужно побить Хендри, Вайта, Хиггинса, Эбдона, Догерти, ну и меня тоже. Самородок по-прежнему был моим героем, но в его время можно было выиграть чемпионат мира, переиграв в финале Дага Маунтджоя. То была другая эра.

Стив Дэвис выиграл свой последний турнир, Бенсонс в 1997-м. В четвертьфинале он победил Стивена Хендри, в полуфинале – Кена Догерти, и в финале – меня. Я знаю, как много это для него означало. Он словно вернул прошлое, и все увидели, что он по-прежнему игрок высочайшего класса и может соревноваться с молодыми на равных.

Второй мой сезон по успешности был в 1997-м, когда я выиграл четыре турнира и на еще паре прошел в финал. Я выиграл Таиланд Мастерс, Герман Оупен, Айриш Бенсон-и-Хеджес и Мэтчрум Лигу: ни один из них не был значительным событием. Выиграть шесть титулов, включая Чемпионат мира – для меня это было точно сном. В последующие два сезона я не смог этого повторить.

Я просыпался утром и видел кубок чемпионата мира. Я смотрел на него и думал: поверить не могу, что он у меня в комнате. В следующем сезоне я выиграл чемпионат Великобритании, так что у меня стояли кубки с чемпионата мира и с чемпионата Великобритании – два наибольших трофея в снукере – рядышком, у мамы в гостиной. Это так радовало.

В сезоне 2001-2002 я выиграл один турнир и прошел еще в пару финалов. Конечно, это не сравнить с предыдущим сезоном, но я знаю, что и этому следовало радоваться. Если ты выигрываешь один большой турнир за сезон – ты молодец. Даже Стивен Хендри и Стив Дэвис, когда были на пике, могли по полтора года не выигрывать. Ну а больше всего меня в том сезоне радовала моя уверенность. Даже когда я не выигрывал, я все равно проходил в четверть финалы и полуфиналы, так что постоянно был в двух шагах от победы. Самое смешное – я чувствовал, что играю лучше, чем в предыдущем сезоне, когда выиграл шесть турниров. Может быть, главное различие в том, что теперь я знаю, как нужно играть, когда выхожу на матч.

Защищать свой титул чемпиона мира было сложно. Мне говорили, что ни один из выигравших впервые не мог удержать его в следующем сезоне. Но я чувствовал, что смогу. Я этого хотел, но не настолько сильно, как за год до этого. И только месяц спустя после своего проигрыша Хендри в полуфинале я осознал, как же меня подкосило то, что я не выиграл чемпионат мира во второй раз.

Утешением стал мой номер первый в мировом рейтинге, но я хотел быть и чемпионом мира, и первым номером одновременно. Рейтинговая система базируется на результатах за два года, так что считался и тот сезон, когда я выиграл шесть турниров, и следующий, когда выиграл два. Все восхитительно, но я не был полностью доволен без титула чемпиона мира. Мне пришлось многому научиться благодаря этому, так что когда я оказываюсь в такой же ситуации, то не становлюсь самодовольным, и не начинаю думать: да все нормально, что бы проиграл, можешь расслабиться, ты хорошо потрудились, и стал первым номером.

Я не говорю, что не желал разгромить Стивена Хендри в полуфинале. Я четко дал понять в интервью, как сильно я этого хотел. Но в итоге, возможно, частично из-за моих слов, он захотел победить больше, чем я. Так что я собственными руками себя свалил. С моей стороны было глупо говорить такое, потому что это завело и вдохновило Стивена, а я вылез на рожон, чтобы меня скинули. И он это сделал. Если бы я мог вернуть время вспять, то ни за что не сказал бы этого. Возможно, у меня было бы уже два мировых титула, если бы я держал рот на замке.

Глава 12. Будущее

Мне кажется, что прошло так много времени с тех пор, когда я был в отчаянии, хотел бросить игру, и не видел для себя будущего. Когда я пишу это, то чувствую себя как никогда спокойным, уверенным и оптимистичным. Это случилось благодаря комбинации многих факторов – Прозак, Прайори, собрания, здоровый образ жизни, Программа Двенадцати Шагов, победа на чемпионате мира, ну и благодаря моей девушке Джо.

Несколько раз я срывался. Даже спрыгивал, если честно. Бывали времена, когда я думал, что все прошло успешно, я поборол свою зависимость, так что можно пойти и развлечься. Мне казалось, я пропускаю что-то. Но я не могу больше с этим жить. Мне не становилось лучше, когда я начал пить и курить, не помогает мне это и сегодня.

Я понял, что делает меня действительно счастливым: нужно быть честным с самим собой, и понимать, что ты представляешь собой, как личность. Я хочу знать свои слабые стороны, и чувствую, что теперь могу ладить с этим. Может быть, я испорченный, эгоистичный, заносчивый... Не скажу, что все всегда получается, но мне кажется, что я стал гораздо более скромным человеком. Кроме того, я чувствую, что не обязан важничать в общении с окружающими. Да и в любом случае, от этого все равно нет никакого толку.

Прозак творил чудеса, убирая мои страхи и неуверенность. И плевать, если придется сидеть на нем до конца жизни. Я не стыжусь того, что принимаю Прозак – благодаря этому я чувствую себя хорошо и могу существовать дальше. Если у вас депрессия, то в первую очередь это нужно признать, а во вторую – что-то с этим делать. Теперь, просыпаясь по утрам, я с нетерпением жду, что же мне даст этот день. Жизнь – один большой вызов, и мой снукер – это тоже вызов, чего я слишком долго не понимал.

Я изменился как личность: я хочу радоваться жизни, общаться с друзьями и родными. Я провел много тяжелых лет депрессии, стараясь развлекать кого-то. Мне никогда этого не говорили, но в семье всегда ощущали, что если у меня все хорошо, то и все счастливы. Но это ерунда. Гораздо важнее быть счастливым в душе. Слишком долго мы не рассказывали друг другу, как чувствуем себя на самом деле. Я говорил родителям, как мне плохо, но никогда не объяснял, почему. Теперь отец по одному тону моего голоса определяет мое настроение. За эти годы он достаточно наслушался о моей депрессии, и теперь я так радуюсь, когда он звонит мне и спрашивает, все ли у меня хорошо, а я могу сказать, что да. Мне нравится просто поговорить с ним о том, что случилось со мною за день. Раньше он постоянно старался меня подбодрить – что было просто безумием, если учесть, что я

путешествовал по всему миру, играя в снукер, а он сидел в тюрьме.

Каждый год я думал о том, чтобы уйти из игры, но потом у меня было три месяца отдыха, после которых я решал, что потяну еще один сезон. А неделю спустя опять начинал стонать, звонил папе и заводил старую шарманку. «Ладно, доведи этот сезон до конца, а потом можешь отложить кий навсегда», - говорит он мне. Этот разговор продолжался лет шесть или семь – я привык стонать, а он должен был мне помогать. Я был эгоистом! Наверное, ему выслушивать все это было настоящей пыткой, но он был сильным и откладывал собственные проблемы, чтобы убедиться, что со мною все нормально.

Победа на Кубке Чемпионов, первом турнире после Прайори, была, во многом, величайшим моим достижением. Я был полон оптимизма и думал: я вернул свою жизнь. Я выступил с речью и сказал: «Мне хорошо, но вы увидите другого Ронни; до сих пор вы видели много всякого барахла, но я вас уверяю, что будет много изменений». Думаю, так и случилось.

Теперь мы с папой просто разговариваем и шутим.

Недавно он мне сказал:

- Лучше всего твоя жизнь станет, когда тебе исполнится сорок.

- Откуда ты знаешь? – спросил я его. - Когда тебе исполнилось сорок, тебя посадили.

- Знаю, - согласился он. – Но в сорок лет жизнь только начинается.

Я подумал, что он смеется. Как он может такое утверждать, если последние двенадцать лет провел взаперти? Но это демонстрирует его силу воли, которая даже его самого удивляет. Он всегда говорил, что не сможет примириться с тюрьмой, что ни дня там не выдержит. Но когда я его навещаю, мне говорят его приятели: «Твой отец – невероятный человек. Он справляется с тем, что оказался в тюрьме, как никто другой. Он очень сильный». Он делает вид, что его ничто не тревожит, и смеется – это его способ. Но я знаю, что глубоко внутри он отчаянно хочет вернуться домой, и он очень раскаивается.

Сейчас, больше чем когда-либо, отец говорит мне, что я не должен делать того, чего не хочу. Он мне часто говорит, что я превзошел все его самые смелые мечты. «Я мечтал, чтобы ты стал профессионалом, - сказал он недавно. – Ты стал профессионалом, и потом я подумал, вот если бы ты прошел в топ-32, или попал на телевидение... ты и это сделал. Потом я подумал, может быть, ты выиграешь турнир... и ты это сделал. Потом я подумал, если бы ты выиграл чемпионат мира, то я выдержал бы еще десять лет в тюрьме... Если бы мне кто-то сказал, что ты станешь первым номером, я бы просто упал. Каждый раз, когда я ставил цель, и говорил: «Надеюсь, мой мальчик это сумеет», каждый раз ты осуществлял это. Так что не все равно, забьешь ты еще один шар, или нет. Просто радуйся жизни. Ты осуществил все, о чем я мечтал для тебя, и все то, что я мечтал сделать сам. Я хотел быть футболистом, но я не был для этого достаточно хорош. Я не был, но ты стал. И когда в будущем будут интересоваться, как это все началось... у одного парня из Ист Энда, владельца секс-шопов, был сын, который играл в снукер... Я хочу, чтобы у тебя тоже был сын, который последует по твоим стопам, и может быть, станет пилотом Формулы-1, и я буду счастлив, потому что все началось с меня».

Дел мне всегда говорил: «Купи лотерейный билет, и у тебя будет шанс. Просто купи лотерейный билет, и дай себе шанс выиграть». Теперь, когда я играю, то чувствую, словно бы у меня есть этот лотерейный билет. Раньше я думал, если мой противник играет хорошо, значит я в беде. А теперь я думаю: если я хорошо играю, то это он в беде, даже если я играю не очень хорошо, у меня все равно есть шанс выиграть. Я не выхожу на матч, думая, что

должен быть в самой лучшей форме весь матч, я знаю, что это вряд ли возможно. Если я проигрываю со счетом 3-1, то думаю: ладно, у него была хорошая сессия, теперь моя очередь. Мне было сложно научиться так думать, но я справился.

Говорят, что твоя сила – еще и твоя слабость, и в моем случае это абсолютная правда. Я перфекционист, и это причинило мне столько бед – одержимость тем, что я неспособен делать все так хорошо, как хочу. Но с другой стороны, я и рад тому, что перфекционист, потому что если бы не это – я бы бросил все еще много лет назад. На это нужно смотреть как на плюс, но иногда следует и отбросить, ведь иначе я окажусь на дне. Быть перфекционистом – нормально, если только ты не слишком из-за этого мучаешь себя, чем я и занимался все эти годы.

Кубки – это замечательно, но я получаю еще больше удовольствия от того, что просто играю хорошо. Я более счастлив, хорошо играя в клубе, чем плохо играя, но выигрывая серьезный турнир. Полный контроль над битком – для меня это так же восхитительно, как и тогда, когда я был ребенком. Я терял эту радость, и это подталкивало меня бросить игру. Но я остался и в итоге преодолел все преграды.

Иногда я определенно чувствовал, что с большим удовольствием принял бы отцовский бизнес. Может, я был бы рад, продавая книги и кассеты? Ко мне бы приходили люди, узнавали меня и спрашивали: «Вы же Ронни О’Салливан, который когда-то играл в снукер?» Бывали времена, когда я думал так и поступить, и даже проигрывал в голове сцены. А я бы им ответил: «О, знаете, игра меня задолбала, так что я решил просто ее бросить». Тогда я был уверен: чтобы опять стать счастливым, я могу только бросить игру. Но потом я вспоминал себя ребенком, в клубе, как я сначала тщательно вычищал сукно, а потом целый день практиковался. Тот ребенок любил снукер так сильно, что я не мог выбросить эти воспоминания из своей головы.

Я знаю, что у меня будут еще и хорошие дни, и плохие. Но теперь я воспринимаю вещи более объективно и как результат – играю увереннее. Кроме того, я работаю над своей техникой. После выхода из Прайори я получил дополнительную поддержку от тренера по имени Фрэнк Адамсон, он же тренировал Стивена Ли. Фрэнк мне очень помог, не думаю, что сумел бы без него выиграть чемпионат мира, и уж точно – не выиграл бы в тот сезон шесть турниров. Фрэнку 74 года, он проанализировал мою игру, и сказал, что я слишком спешу во время ударов. Мы смотрели мои старые записи, и все казалось более осмысленным и легким. Когда я стал старше, казалось, что я и кий не мелю как нужно, и к удару правильно не готовлюсь, просто подхожу и бью. От такой быстрой игры создавалось впечатление, что я уверен в своей меткости. Но истинная причина была другой. Я играл так быстро, потому что мне не хватало уверенности. Если большинство игроков, когда у них возникают проблемы, замедляют свою игру, я ее наоборот ускоряю. По принципу: не собираюсь об этом задумываться. Моя естественная игра – это забивание на инстинкте, и это побеждает. Я сам себе сказал, что в моей непредсказуемости моя сила, но думаю, что я себя недооценивал. Сейчас, надеюсь, я вновь обрел то, что у меня было в пятнадцать лет. До Фрэнка шары закатывались в лузы на скорости 200 миль в час, или не попадали туда вообще. Сейчас же, как мне кажется, они закатываются куда более расчетливо.

Мы также проверили и многое другое. Осанка, плечи, слишком сильно сжимал кий, слишком близко к битку, слишком далеко от битка, перекося направо или налево, левая нога слишком ушла вперед или назад? Я не знал, где корни моей проблемы, поэтому мы разобрали игру на составляющие и изучали все. Я все еще не знаю, в чем же причина, и по-прежнему испытываю некоторые сложности, но теперь все не так плохо, как когда-то. Я лучше бью, лучше прицеливаюсь, хотя и не настолько хорошо, как хотел бы, и я знаю, что я могу выигрывать турниры. Раньше у меня не было этой уверенности. Я надеялся, что остальные будут играть не очень хорошо, чтобы я сумел выиграть, и это меня выматывало. Я думал: ну

и как ты будешь играть, если надеешься только на то, что твой противник будет играть плохо? А если он играл хорошо, я думал, что проиграю из-за своей техники. Теперь, с помощью Фрэнка и Дела, кое-что, чего я раньше не делал, стало органической частью моей игры. Я знаю, что торопиться не нужно, хорошо прицеливаюсь и подхожу к шарам мягко и спокойно. Фрэнк показал мне два или три приема, а остальное я добавил уже от себя. Как я сказал ему: «Ты можешь хотеть, чтобы я играл каким-то определенным способом, но я должен вкладывать в это свое – держать ли кий повыше, или переносить вес на левую ногу, но это должно идти изнутри, потому что это то, что делает меня игроком». И хотя Фрэнк великолепный тренер, я никогда не откажусь от Дела, потому что он меня тренирует и вдохновляет. Дел нужен мне на турнирах, потому что с ним мы можем посмеяться: он ближе мне по возрасту, мне с ним легко, и мы команда.

Еще одним очень важным для всей семьи делом является апелляция против папиного приговора. Я считаю, что этот приговор невероятно суровый, и мы боремся за его сокращение. Папа всегда был для меня опорой, но сейчас пора мне что-то сделать для него. Да, ужасно, что убили человека, но мы всегда считали, что это было актом самообороны. Возможно, уже поздно апеллировать против приговора, но определенно не поздно – против срока заключения. Почему он получил восемнадцать лет? Нам сказали, что из-за нападения на почве расизма, но мы знаем, что а) – это было не на почве расизма, и б) – он не расист. Он не говорит, что не ввязался в драку, ввязался, и сделал большую ошибку, когда настаивал на своем праве на молчание, вместо того, чтобы изложить свою версию событий. Папа был в ужасе – от того, что наделал, и от того, что может пойти в тюрьму. Но это было в прошлом и изменить ничего уже нельзя. А вот что можно – это убедить людей в том, что, несмотря на заявления судьи, папа не расист.

С тех пор как отец сел в тюрьму, меня просто удивляет сила всей нашей семьи – Даниэль, мамы, самого папы, даже меня, в некотором роде. Наверное, мама самая невероятная из всех. Когда я вспоминаю то время, когда отец покинул нас, и ей говорили, что она никогда не сможет справиться с бизнесом, и чего она добилась – я так ею горжусь!

Моей сестре Даниэль 20 лет, она живет со своим парнем. Мы сейчас гораздо ближе, чем когда были детьми. Даниэль было очень тяжело, ей было всего девять, когда отец оказался в тюрьме, но я думаю, что она справилась с этим великолепно – намного лучше меня. Временами нам казалось, что родители больше любят кого-то одного из нас, но в душе мы знаем, что это чушь, и они любят нас одинаково.

Надеюсь, что сумею сблизиться и со своей дочкой Тэйлор. У нас с ее матерью были проблемы, но мы начали их решать, так что теперь я вижу с Тэйлор гораздо чаще. Семья – это самое важное в жизни, а она, определенно, часть нашей семьи.

Недавно я открыл магазин на Олд Комптон Стрит в Сохо. Он называется «Вива Ла Дива» и торгует нижним бельем для женщин и мужчин. Я купил его как своего рода инвестицию. Это уже тринадцатая покупка недвижимости с тех пор, как я начал играть в снукер профессионально. Это оказалось очень хорошим вложением, поскольку рынок недвижимости в последнее время переживает значительный подъем.

Когда я приобрел первое здание, я был не уверен насчет снукера, так что решил, мало ли что случится, нужно чтобы было на что опереться. Мой тогдашний менеджер Йен Дойл, посоветовал недвижимость.

- Нет, мне нужно что-то более явное, - возразил я. – Куплю я недвижимость, а дальше что? Все равно я должен буду играть в снукер.

- Окажи себе услугу, купи кое-какую недвижимость, и ты не ошибешься, - ответил он.

Это был замечательный совет, лучший, что когда-либо давал мне Йен. Я рад тому, что у меня есть собственность, что я превращаю ее в магазины, встречаюсь с новыми людьми. Это оказалось хорошей школой. Сейчас я посередине своей карьеры в снукере, и у меня есть интересы вне игры. Я всегда чувствовал, что могу заниматься бизнесом – еще тогда, когда торговал карточками футболистов в школе. Сначала я купил несколько домов и квартир, потом перешел на коммерческую недвижимость. Я купил один магазин, и передал его маме в подарок. Потом мы открыли еще несколько магазинов, что дало маме хороший доход, пока официальным владельцем считаюсь я. Так что все рады.

Магазин на Олд Комптом Стрит находится в замечательном месте – прямо в сердце Сохо, и он довольно шикарный – двухэтажный бутик. У моей девушки Джо хороший глаз на одежду, так что она управляет магазином. Мы надеемся расшириться и открыть филиалы в Ньюкасле, Манчестере, Глазго, Эдинбурге и Бирмингеме, но пока что я рад добиться успеха и в одном. Когда я брошу снукер, то займусь бизнесом. Сейчас, слава богу, до этого еще далеко, но приятно, когда у тебя есть что-то, чего ты с нетерпением ожидаешь.

Кроме того, я заключил контракт о менеджменте с Джимом МакКензи, главой Всемирной Снукерной Ассоциации. Мы называем это Рокет Промоушн. В наших планах купить несколько снукерных клубов, искать юные таланты и предоставлять им нормальный менеджмент. Хорошо бы иметь пять или шесть залов по всей стране, для тех детей, которые хотят добиться успеха. Если мы сосредоточимся на всяких спонсорских сделках, счетах, бронировании отелей, то дети смогут полностью сосредоточиться на снукере. Может быть, они не захотят полного менеджмента, решат ограничиться только бронированием отелей или нашей помощью в игре, ну что ж, пусть будет так. Игрокам должно быть с нами легко. Слишком часто юным снукеристам не дают выбора, и они не могут сказать «нет». Мы хотим это все изменить.

Я бы хотел остаться в снукере и после того, как окончу свою карьеру игрока – стать комментатором, например. Я вижу Стива Дэвиса, и он кажется счастливее, чем когда-либо. Ведь существует столько дверей, и впервые я вижу, что они открыты, а не захлопываются передо мною. Я научился быть довольным. Снукер – важная часть этого, но если бы мне сказали, что завтра я не смогу играть, я знаю, что в жизни существует еще многое.

Сейчас я играю в гольф, и я не удовлетворен тем, как забиваю. Я хочу играть на пристойном уровне. Я поставил себе цель, что к пятидесяти годам я должен участвовать в Сеньорз Тур и играть профессионально. И я думаю, а почему нет? Я верю, что нет ничего невозможного, если действительно захотеть. Вообще-то, у меня еще она цель, даже еще более амбициозная: я хочу играть профессионально через пять лет. Я не собираюсь бросать снукер, но уже могу соревноваться и в гольф. Я не настолько глуп, чтобы думать, что могу играть в гольф на том же уровне, как играю в снукер, но я играю достаточно хорошо, чтобы получать удовольствие.

Кроме того, хотя это и здорово – стать таким оптимистом, но время от времени мне нужно устраивать себе эдакую проверку реальности: что идет в начале, что в конце, живи сегодняшним днем, и сначала проживи его, прежде чем строить планы на будущее. Вот для чего было нужно Прайори – чтобы подготовить нас жить в реальном мире, в настоящем.

Не то, чтобы мне постоянно было хорошо. Совсем наоборот! Я проснулся сегодня утром и мне было ужасно. Я опять запаниковал. Но я принял таблетку и через десять минут все стало нормально. Насколько это просто? Несмотря на свое самочувствие утром, я смогу радоваться жизни. Приступы паники случаются только тогда, когда я не принимаю таблетки два или три дня, значит, когда я их приму, то смогу расслабиться.

Прошлым вечером я встретил в снукерном клубе девушку, которую не видел давным-давно – Тину.

- Ты кажешься гораздо более уверенным и счастливым, - сказала она. – Ты счастлив?

- Да, - ответил я.

- Это очень хорошо, - заметила она, - потому что раньше ты был испорченным Ронни – мальчишкой с талантом. Я помню тебя: «У меня есть все способности на свете. Почему я не выигрываю? Я несчастен». Ты был очень заносчивым.

- Правда был?

- Был, и ты очень изменился. Теперь ты хороший парень.

Для меня это очень много означало. Слишком долго, каждый раз, когда я входил в комнату, то всем мешал, всех расстраивал и всем портил настроение. Это же заставляло меня ненавидеть себя. Теперь я захожу в комнату: «Привет, как дела? Рад встрече», все хорошо и все довольны. Я могу быть в компании, не думая при этом, что я недостойн быть здесь, или что я не могу говорить то, что у меня на душе. Сейчас я знаю, что могу – и я никого этим не обижу. Думаю, я стал легче относиться к жизни сам, и это облегчает общение с людьми.

Я всегда винил снукер в своей депрессии. Я думал, что каждый раз, когда я играл хорошо, я не был в депрессии, а когда плохо – был. Так что я сделал простой вывод, что во всем виновата игра. Но на самом деле я был болен и не понимал этого. После того, как я начал принимать Прозак, я открыл, что могу играть плохо, расстраиваться от того, что играю плохо, но все равно быть счастливым как личность. Как по мне, это прогресс. И значительный.

Я всегда оглядываюсь с ностальгией на то время, когда мне было 14, 15 и 16, и я только-только становился профессионалом. Думаю, тогда я играл лучше всего, и это было самое счастливое время в моей жизни. Сейчас я уверен, что играю так хорошо, потому что я счастлив и уравновешен, а не наоборот. Тот период моей жизни всегда будет для меня золотой эрой, я хотел бы его вернуть, и у стола, и вне его. Я знаю, что причинил себе много вреда за эти годы, но чувствую, что начинаю наверстывать упущенное.

Эпилог

Прошел год с тех пор, как я написал эту книгу, и это было весьма беспорядочное время. Я выиграл три турнира, а во многих – вылетел в первом раунде, побил рекорд, сыграл максимум на чемпионате мира, пережил неприятный рецидив и стал героем нескольких очень странных (хотя и не совсем безосновательных) статей в газетах о том, что я принимаю мусульманство.

В отношении снукера сезон начался очень хорошо. Я выиграл первый турнир – Регал Скоттиш Мастерс, в сентябре 2002-го, потом ситуация стала ухудшаться, но вскоре все опять наладилось. На старте сезона я чувствовал себя отлично и был полон оптимизма. В Шотландии я победил Стивена Хендри в полуфинале 6-3, а в финале встретился с Джоном Хиггинсом, которого тоже разбил – 9-4. Один турнир, одна победа. Игра, казалось, шла нормально, я получал удовольствие – гораздо больше, чем тогда, когда выиграл чемпионат мира (я тогда скорее выполнял работу, чем радовался). Хотя и не было такого чувства полета, как в юности, но все равно...

Потом все стало ухудшаться. Я ужасно сыграл на чемпионате Великобритании в Йорке, и был так расстроен, потому что этот турнир я особенно хотел выиграть. Свой первый матч в ТВ-раунде я выиграл 9-2, но потом я играл хуже некуда (знакомо, правда?), потом я побил Марко Фу 9-7 – опять, после ужасающего представления в первой сессии. В четвертьфинале я играл против Дрю Хенри, и все ожидали, что я выиграю, но я играл очень плохо. Я не мог сосредоточиться на игре, словно бы я был где-то далеко.

В итоге я больше наблюдал за игрой на соседнем столе, чем за своей собственной. Я постоянно заглядывал на телеэкран, потому что там играл Джон Хиггинс с Кеном Догерти, и их игра была куда интереснее моей; я слышал, как публика аплодирует их сериям, и ощущал, что я что-то пропускаю. Дрю Хенри победил 9-6. Когда я уступал 4-2, то играл так ужасно, что переложил кий в левую руку, это меня немного настроило. Я выиграл последние два

фрейма левой рукой, и мы ушли на перерыв со счетом 4-4. Но на вечерней сессии я опять вернулся к правой. Наверное, следовало продолжать играть левой, так мне нравилось больше.

Все это комментировал Стив Дэвис, и он заметил, что всегда можно сказать, что Ронни недоволен, когда он начинает играть левой. Это справедливо – многие комментаторы предполагали, что я переключиваю кий в левую руку, чтобы расстроить соперников, но это очень далеко от правды. На самом деле, я это делаю, когда расстроен сам. Так что, наверное, когда игроки видят, что я играю левой, они должны ободриться. В этом сезоне я бы хотел слегка это перемешать и начать играть левой, когда игра будет хороша, чтобы остальным было сложнее распознать мое состояние.

Я проиграл все матчи, вплоть до середины сезона, но потом все как-то выровнялось. В марте 2003-го я выиграл European Open, и сразу после этого – Айриш Мастерс. Я оказался в подходящей компании с одной женщиной, которая верила в позитивное мышление и спросила меня, не хочу ли я позаниматься со спортивными психологами, потому что я рассказал ей, что снукер опять сводит меня с ума. У нее был список спортивных психологов, он его получила от бывшего футболиста Алана Брэзила, мы проверили всех, прежде чем я решил обратиться к одному из них, по имени Пит Коэн.

Я был очень скептически настроен и уверен, что никто на свете не вытащит меня из моей хандры. Но никогда не знаешь наверняка, может быть, это и есть ответ. Я приехал к Питу в Брайтон и он начал работать со мной по мотивационным техникам, пытаясь заставить меня опять захотеть играть – бывали времена, когда мне просто не хотелось брать кий в руки. Его задачей было заставить меня опять полюбить игру, и он сказал, что это как голод: вернется голод, вернется и форма. Кроме того, он пытался научить меня больше верить в себя. Он спросил, за кого я болел в детстве. Я назвал Мухаммеда Али, Тайгера Вудза, Карла Льюиса и Майкла Джонсона. Он достал их фото, положил мою фотографию посередине, чтобы ее окружали величайшие, и сказал, что я – один из них, что мне нужно повесить эти снимки над телевизором в спальне, чтобы они меня вдохновляли и постоянно напоминали о моем «величии». Я пытался это принять, но глубоко внутри, какие бы проблемы у меня не возникали, я верю в себя, так что мне не нужно напоминать, что я велик. Я знаю, что могу играть, верю в свои способности, но также знаю, что в большинстве случаев я эти способности не реализую, и не управляю ими, и это действительно меня расстраивает. Это как иметь мощный пистолет, который не заряжается. Все, что я хочу – это чтобы моя игра была хорошей в 60-70-ти процентах случаев, и я не против, чтобы в остальное время она была не очень. Но чаще всего она паршивая. Я не ищу совершенства, хотя бы просто стабильности. И это не является для меня чем-то нереальным, особенно если вспомнить количество выигранных подряд матчей, которые были у меня в Блэкпуле, когда я стал профессионалом. Тогда стабильность была моей торговой маркой.

Я утратил ее. Думаю, частично это произошло из-за того, что я начал подходить к игре слишком технично. Бывали времена, когда я сам себе заступал дорогу, и прекращал доверять тому, что делал естественно. А что при этом хуже всего – я помню так четко те дни, когда у меня не было ни тревог, ни беспокойства, и я забивал шары шулки ради. Точнее, не это воспоминание меня расстраивает, а то, что я это больше не смог повторить.

Пит и я беседовали перед турнирами, и после. Ему было интересно поработать с кем-то вроде меня, готовым попробовать все, что угодно. Он видел, что я очень ревностно отношусь к своей работе, и если сказал, что попробую что-то, то так и сделаю. Мы оба многое из этого извлекли. Каждые две недели я приезжал к нему в Брайтон и мы играли в гольф. Мы делали все на свете, даже то, что могло показаться смешным, если бы я это сделал на глазах у посторонних, но перед ним я не комплексовал. Мы использовали визуализацию и всякие звуковые эффекты, чтобы прочистить голову. Некоторым образом мы даже использовали

что-то вроде медитации, основанной на буддистском учении. Это насчет того, что твой разум должен быть спокоен и сосредоточен на самом себе. Когда я играю хорошо, с моей сосредоточенностью все нормально, но когда я начинаю бороться, то теряю фокус. Конечно, это напоминает вопрос, что было раньше, курица или яйцо: может, я играю плохо из-за того, что не сосредоточен, а не наоборот. Но я определенно знаю, что не мог сосредоточиться в матче с Дрю Хенри и мне стоило огромного труда сохранить концентрацию в матче против Марко Фу на прошлогоднем чемпионате мира. Мне было так плохо на той игре, что я просто не хотел там быть.

Многие предполагают, что я должен был по крайней мере радоваться, когда сделал 147, но поверьте мне, ничего подобного. Я просто поверить не мог, что все шары закатываются в лузы – идеальный максимальный брейк, ни одного случайного шара, но всю партию я чувствовал себя кошмарно. Единственным утешением (действительно, утешением) стало то, что хоть я и не попал в Шеффилд, вылетев в первом раунде, зато ушел с 200 тысячами фунтов. Так что я забрал второй денежный приз Шеффилда.

Хотя, будь у меня выбор, я бы предпочел отказаться от 147-ми ради победы. На следующий день, когда я сидел в одиночестве и обдумывал ситуацию, я понял, как сильно в себе разочарован, только сделать я с этим ничего не мог. Нужно просто смотреть на вещи философски, подождать двенадцать месяцев и попытаться опять. Хотя деньги за набранные 147 действительно смягчили удар. Отлично, подумал я, по крайней мере, хватит, чтобы купить еще пару домов. Но я был измочален и отреагировал на это худшим из возможных способов – опять запил.

Вообще-то, я опять начал пить после победы на турнире в Ирландии. Оттуда я поехал в Манчестер, встретил приятелей, и в конце концов стал напиваться каждый вечер. Я знал, что у меня на носу чемпионат мира, понимал, как это важно, но я себя не контролировал. Водка, Южный Комфорт с лимонадом, пиво – в общем, я покатился. Я выиграл два турнира подряд и как идиот решил, что полностью излечился от своих пристрастий. Пит начал помогать мне мыслить позитивно – слишком позитивно. Я перестал считать себя аддиктом. Он мне сказал, что я контролирую свою жизнь, и что если мне хочется пропустить рюмку, то не стоит себе отказывать, а я из-за своей восприимчивости за это ухватился.

Это опять запустило старый процесс отрицания. Я не алкоголик, значит и не нужно переживать из-за рюмки время от времени. Только я никогда не был способен ограничиться только пинтой пива, и глупо было думать, что что-то изменилось. Вскоре я это понял: после пинты пива я захотел еще, и еще, пока не набрался.

Я уходил в загул с пяти вечера до двух или трех утра, потом отсыпался и все начиналось сначала. Я забегал в спортзал на полчаса и думал: что ж, по крайней мере, я могу тренироваться, и если приведу себя в пристойное состояние, то не буду выглядеть в Шеффилде так, словно пришел с улицы.

Так что я устроил для себя неделю полной трезвости перед Шеффилдом. Такой безумный кратковременный подход. Я вспоминал, что не соглашался со всем, что говорил мне Пит – определенно не с тем, что мне можно пить, но умеренно. Много из того, что он мне говорил, оказало на меня очень позитивный эффект, но я это все просто профукал. Вместо того, чтобы вернуться в Чигвелл после победы на двух турнирах, я в первую очередь подумал: чудесно, я опять хорошо играю, так что пойду и отпраздную с теми, кто умеет праздновать. А на следующий день вместо того, чтобы взяться за голову, и понять, что же я делаю, я просто впадал в депрессию.

Я не говорю, что поэтому проиграл в Шеффилде, но это явно было одной из причин. И продолжилось после чемпионата мира. Как только турниры для меня оканчиваются, я их

даже по телевизору смотреть не могу. Нет ничего хуже, чем когда снукер продолжается, после того, как ты оттуда вылетел и все об этом говорят. Я остался в Шеффилде еще на три дня. Ходил в Крусибл, пропускал пару рюмок, потом пропадал в ближайшем баре или приглашал всех друзей к себе в отель. По крайней мере, мне хватило самообладания, чтобы не впадать в уныние перед остальными игроками.

На самом деле, я просто хотел уйти от них. Мне неуютно среди остальных игроков. Я прихожу делать свою работу, и если я сосредоточен, то справляюсь, но я не стал бы приходить на турнир, просто чтобы поздороваться, потому что с большинством людей у меня мало общего.

После Шеффилда я несколько дней провел в Лондоне, и несколько – в Манчестере. Потом все понеслось. Я опять пил, опять ушел в загул на шесть недель. Вскоре я опять впал в депрессию, и решил для себя: так продолжаться не может. И тогда я решил, что мне нужно вернуться к Анонимным Наркоманам и разобраться в своей жизни.

Все то время, пока я себя добивал, я даже не думал о возвращении туда. Мне было стыдно. А первые недели я вообще не думал, что мне это нужно: я все держал под контролем и просто развлекался. Пит мне говорил, что я достаточно силен, чтобы позволить себе выпивать, хотя он еще говорил, что я должен быть силен, чтобы осознать, что это мне не поможет. Но какими бы добрыми не были его намерения, думаю, он меня переоценивал. Сколько бы я ему ни рассказывал, он не мог понять, что я не из тех, что может хорошо погулять, а потом встать утром, и сказать: «А мне это действительно нужно? Нет, не нужно». Я пытался контролировать количество спиртного и развлечения, но у меня не получилось.

Так что я понял, что единственным решением для меня является возвращение к Анонимным Наркоманам. Сейчас, когда я это пишу, я уже четыре месяца ничего не принимаю – это второй по длительности срок полной трезвости для меня. Я знаю, что вы все это уже слышали раньше, но надеюсь, что сумею все привести в порядок. Более того, на этот раз я даже бросил курить. Невероятно, никогда не думал, что сумею, но пока это получается.

Я серьезно занялся фитнесом в последние четыре месяца и действительно получил от этого удовольствие. Это действительно необходимо. Дело даже не в том, что физические упражнения – это естественный наркотик, еще они помогают убить время, потому что когда ты прекращаешь гробить свое здоровье, то обнаруживаешь, что у тебя есть слишком много времени, чтобы потакать своим желаниям, а в моем случае это опасно. Я должен что-то делать, например, устроить для себя какое-то испытание, или поехать на два месяца в армейский тренировочный лагерь. Никогда не пробовал, но меня это привлекает: знаете, живи круто и все такое... Возможно, эта необходимость устраивать себе испытания, кажется чем-то болезненным, но таков уж я есть. И вообще-то, в данный момент я себе нравлюсь.

Меня очень поддержали, и я хожу на собрания дважды или трижды в неделю. Трех собраний хватает, но иногда у меня не получается их посетить и мне становится неудобно из-за этого. Три собрания дают мне возможность держаться, напоминают, откуда я вышел и к чему могу прийти, потому что я вижу тех, кто приходит впервые, и понимаю, как могу пасть. Теперь я не считаю, что упускаю какую-то возможность – я вспоминаю, каким жалким себя чувствовал, когда сидел в Шеффилде в полном одиночестве и был в такой депрессии, что никого не хотел видеть, и никто не хотел видеть меня. К счастью я осознал, что должен сделать выбор: или продолжать разрушать свою жизнь, или вернуться на собрания, что позволит мне найти внутреннее равновесие. Я понял, что чаще всего я был спокоен и в ладах с самим собой именно на собраниях; я перепробовал все, и это мне помогает большей всего.

Конечно, и года не может пройти, чтобы я не украсил собой первые страницы газет, но, должен признать, эта история удивила даже меня: «Ронни О'Салливан обращается к

Исламу», - кричали заголовки таблоидов. Одна газета даже напечатала фото, где я держу в руках Коран. Как обычно, в этом была и доля правды, но неправды – куда больше. В последние годы я думал о Христианстве и Буддизме и как-то беседовал с моим другом Назом, боксером Принцем Назимом об Исламе, это был долгий и интересный разговор. Мне нравилось, что его религия давала ему такое ощущение цели. В общем, я несколько раз сходил с ним и его друзьями в мечеть и принял участие в службе. Если честно, я понятия не имел, что там происходит, но когда мне велели повторять какие-то слова за ними, я это делал. Но веселье началось, когда меня окружили сотни людей, которые меня целовали и обнимали, кажется, они решили, что я принял Ислам.

Но это было для меня полной неожиданностью, и если я дал основания так считать – прошу прощения, я не хотел. Я вернулся домой, забыл обо всем, а через пару месяцев в газетах появились эти статьи. Это было очень странно, и, если честно, довольно неприятно, потому как я оказался в неудобном положении. Я хотел объясниться, но не так, чтобы это выглядело, словно я оскорбляю чью-то религию. Я решил, что лучше просто не обращать на это внимания, пускай само уляжется. Однако появлялись все новые и новые статьи, в которых говорилось, что остальные снукеристы посмеиваются над последним обращением Ронни, но если это поможет ему обрести мир, то это хорошо для него... в общем, в таком духе. В итоге, я решил прояснить ситуацию, сделать заявление и пояснить, что у меня много друзей-мусульман, и что я посетил мечеть с ними, но сам я не мусульманин. По крайней мере, не намеренно.

Я открыт всему новому. Думаю, я просто любознателен. Многие мои друзья-мусульмане кажутся очень счастливыми, и я бы хотел узнать об этом побольше. А раз они это любили, то захотели, чтобы и я это получил. Но я не готов к обращению, не готов строить свою жизнь в соответствии с мусульманством. Я сказал газетам, что может быть, буду готов через десять лет, но думая об этом сейчас, вряд ли я когда-либо на это пойду. Я владею секс-шопами и магазином нижнего белья, занимаюсь сексом со своими девушками без брака, так что у меня никак не получится стать хорошим мусульманином.

Впервые увидев это в газетах, я подумал, что это просто шутка, и понятия не имел, какие могут быть последствия. Но когда пресса начала за мною охотиться, и люди стали рассказывать мне, какое огромное это имеет значение, я вспомнил, как кто-то мне говорил: никогда не связываться с политикой и религией; теперь я понимаю, почему. Мой принцип – «живи и дай жить другому», и хотя мне интересны разные духовные техники, я не вижу себя преданным последователем религии. Как по мне, неважно, к какой религии ты принадлежишь, главное – что у тебя в душе. Думаю, ближе всего я подошел к религии в Анонимных Наркоманах – это дало мне собственную веру. В ней нет жестких правил и заповедей, и в ней очень много прощения, но я счастлив тому, что достиг, будь это с помощью медитации, собраний или занятий в спортзале.

Так что этот год был для меня вроде американских горок. Но опять же – не настолько, как предыдущие годы. Хотя я иногда по-прежнему страдаю от недостатка уверенности, но я все равно выиграл три турнира.

Эта книга стала для меня важной вехой. Так много людей ее прочли и сказали, что отождествляли себя со мною и моей борьбой. Мой отец прочел книгу за один присест и сказал, что перечитает еще раз. Он сказал, что говорит это не потому, что я его сын, но потому что это одна из лучших книг, которые он когда-либо читал. Не уверен насчет этого – возможно, папа не слишком много книг читал. Он сказал мне, что читал книгу Джона МакЭнро, и что мы похожи. «Когда твой снукер хорош, ты тоже на высоте, - сказал он, - а когда плох – то же происходит с тобой». Действительно, МакЭнро не любил разговаривать с людьми, когда его игра не ладилась; он любил тренировки, но выходил на соревнования с мыслью: «Ох, мне не нравится этот матч», точно так же и я себя чувствую временами –

люблю тренировки, а потом все это пропадет. Не знаю, почему, может, из-за того, что все это слишком быстро оканчивается, может из-за того, что мы слишком много от себя ожидаем и не даем себе просто радоваться тому, что есть. А может – я слишком занят убеждением самого себя, что я должен выиграть, и это не дает мне наслаждаться игрой.

Книга стала причиной некоторых разногласий. Марк Вильямс сказал прессе, что разозлился из-за того, каким его описали в книге, и что я идиот. Стивен Хендри тоже обиделся. Они оба со мной уже давно не разговаривают. Странно, я думал, что польстил им. Да, я рассказывал все честно, но я никогда не намеревался их обидеть, и если они прочтут все внимательнее, то найдут много похвал. Я уже достиг того уровня, когда меня не задевают чужие успехи. Я уверен в себе и мне не нужно желать остальным игрокам, чтобы они играли хуже. В этом году, несмотря на то, что я раньше говорил, что не смотрю турниры, с которых вылетел, я наблюдал за финалом чемпионата мира. Четыре года назад я бы этого не смог, но в этом году я смотрел, как Вильямс и Догерти сражаются в финале, и это было великолепное представление, особенно если учесть, какой это был для них обоих стресс, и как Вильямс повел в счете. Правда, я бы предпочел, чтобы выиграл Кен, но и Марк тоже молодец. Он был лучшим игроком все эти семнадцать дней и заслужил победу. Наверное, в настоящее время он лучший игрок в снукер. Точка. На личном уровне мы с ним не ладим, но мы оба взрослые люди, так что желаю ему удачи.

Я прошел долгий путь, и мне нравится мое путешествие. Надеюсь, что снукер и дальше будет его частью, потому что я действительно люблю игру, и люблю соревноваться, но в моей жизни ведь есть еще столько всего! Может быть, завтра я захочу бросить его ради гольфа или бизнеса. Мои магазины отлично работают, и я очень доволен «Вива Ла Дива». Думаю, мне не придется работать, если я не захочу, но дело в том, что я хочу. Я стараюсь принимать все постепенно, и в данный момент приоритетом для меня является уравновешенность.

Счастье – это то, что я очень долго искал, и сейчас я чувствую, что ближе к нему, чем когда-либо. У меня все чудесно – тренировки в спортзале, кое-какая общественная жизнь, снукер, и собрания. Лучше не бывает.

Перевод: Юлия Луценко

Источник: Ronnie: The Autobiography of Ronnie O'Sullivan with Simon Hattenstone, Orion, 2004